

РАТЬ

Военный литературный альманах

Выпуск 20

2021

**80-летию начала Великой Отечественной войны
посвящается**

**СОВЕТ ПО ВОЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

**МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

Военный литературный альманах

РАТЬ

Выпуск 20

**Белгород
Издательство «ЗЕБРА»
2021**

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)

Рать: Военный литературный альманах. Вып. 20.
– Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2021. – 213 с.

16+

В юбилейном, 20 номере военного литературного альманаха «Рать», представлены материалы людей, рассказывающих о Великой Отечественной войне, Афганистане, Чечне. Это авторы, носившие погоны в мирное время, гражданский персонал Вооружённых сил Российской Федерации, члены семей военнослужащих, офицеры запаса и в отставке.

Выпуск посвящён 80-летию начала Великой Отечественной войны.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Уважаемых коллег просим при перепечатке ссылаться
на наше издание. Просьба представлять материалы
в электронном виде с распечаткой и с обязательным
употреблением буквы ё.
Редакция не несёт ответственности за мнение авторов.

ISBN 978-5-6044824-2-1

© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «ЗЕБРА», 2021

ПОЭЗИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 70-ЛЕТИЕМ!

Виктор Верстаков,
полковник в отставке

Виктор Глебович родился 20 декабря 1951 года в посёлке Ветрино Полоцкого района Витебской области. Детство прошло в гарнизонах ВС СССР и Германии. Учился в музыкальной школе.

Окончил один курс МАИ, Военно-инженерную академию имени Ф.Э. Дзержинского.

Двенадцать лет проработал в военном отделе газеты «Правда», возглавлял Военно-художественную студию писателей при МО РФ.

Поэт-песенник, публицист, военный журналист. Исполнитель авторской песни, находившийся в составе Ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан. Лауреат многих литературных премий и книг стихов, прозы и публицистики, посвящённых героизму и быту советских и российских воинов. Лауреат литературных премий имени Б. Полевого, А. Твардовского, К. Симонова, А. Платонова, М. Лермонтова, И. Бунина, «Традиция», «Имперская культура» и ряда других.

Стихи и публицистика переведены на немецкий, болгарский и польский языки.

Награждён медалью «За боевые заслуги», орденом Почёта с формулировкой «За достойное выполнение интернационального и служебного долга в Республике Афганистан», медалью «За укрепление боевого содружества».

«НАМ НЕЧЕГО БОЛЬШЕ ТЕРЯТЬ...»

ПОЕХАЛИ, БАТЯ, ЗА ПИВОМ...

Поехали, батя, за пивом,
Возьмём и бутылъ, и бидон.
В горпарке открылся красивый
Над самой рекой павильон.

Оттуда поля – до заката,
Оттуда простор – так простор.
Смотаем в горпарк и обратно,
Прогреем, не больше, мотор.

Я рад помолоть, как Емеля:
Знать, верно, язык без костей.
Давно мы не пили, не пели,
Не рвали рычаг скоростей.

Поехали! Пива не будет,
Купнёмся, вода хороша.
В горластом телесном сосуде
Вконец истомилась душа.

Ты выпьешь, наверно, не много,
Хотя на дорогах свои,
И в спор с досафовским богом
Не вступит архангел ГАИ.

Но сдвинем вспотевшие кружки
С крупой соляной на краю
За нашу военную службу,
За мирную нашу семью.

За то, что контужен, изранен
И трижды горевший в броне,

Ты всё-таки встретился маме –
И я не погиб на войне.

СЕВАСТОПОЛЬ

Над Графскою пристанью – шёпот
Глубокой солёной воды.
Ещё далеко, Севастополь,
До нашей последней беды.

Ещё инкерманские тропы
Полынью не все заросли.
Ещё ты стоишь, Севастополь,
На краешке русской земли.

Над Азией и над Европой
Холодные льются дожди.
Останься со мной, Севастополь,
Пожалуйста, не уходи.

Пусть слышен отчаянный ропот
Листвы на осеннем ветру.
Останься в живых, Севастополь,
Иначе я тоже умру.

ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА

Строчит пулемёт,
поднимается взвод,
но многие больше не встанут.
И к Родине сын никогда не придёт
из пламени Афганистана.

Здесь горы в снегах
и селенья в бегах,
горят кишлаки и дуканы.

И выпустит вряд ли неверных Аллах
из пламени Афганистана.

Придёт письмецо,
ты закроешь лицо,
но нет никакого обмана...
Надень же на левую руку кольцо
из пламени Афганистана.

Но год или два,
и ты вспомнишь едва
любви несмертельные раны.
Я сделаю всё, чтоб ты вышла жива
из пламени Афганистана.

НЮРКА

Плачет Нюрка, живая душа,
слёзы с кровью смешались на лапах.
Ах, как Нюрка была хороша –
самый тоненький чуяла запах.

Плачет Нюрка, а птица летит,
боевая железная птица.
Плачет Нюрка, себе не простит.
Но ведь плачет. И всё ей простится.

Гладит Нюрку родная рука.
Ей лизнуть бы хозяйскую руку:
так знакома она, так легка,
обречённая Нюркой на муку.

Вертолётный врезается пол
в иссечённое Нюркино тело.
...Сотню раз она чуяла тол,
а в сто первый – чуть-чуть не успела.

По загревку прошёл холодок,
когда запахом сбоку пахнуло,
но на тонкий стальной проводок
по расщелине лапа скользнула.

И взметнулся огонь из камней,
и запахло железом калёным,
и хозяин, идущий за ней,
опустился на землю со стоном.

И ползла к нему Нюрка, ползла,
и лизала его, и лизала,
и хрипела – на помощь звала,
и глазами всю боль рассказала.

Подбежали к сапёру друзья,
обмотали бинтами сапёра.
Он сказал: «Мне без Нюрки нельзя».
«Нет, – сказали ему. – Это горы...»

Вертолёт прилетел поутру,
их вдвоём погрузили в машину.
«Ты не плачь, Нюрка, я не умру,
ты не плачь, я тебя не покину».

Но плачет Нюрка, живая душа...

В КОРОЛЕВСКИХ КОНЮШНЯХ

В королевских конюшнях
метра нет для коня.
Медсестра раскладушку
принесла для меня.

Очень трудно голубке
в коридоре, где сплошь
встык обрубком к обрубку
полегла молодёжь.

Отыскала местечко
в самом дальнем углу,
где десантник навечно
задремал на полу.

Унесли бедолагу,
положили меня.
Я отсюда ни шагу,
я спокойней коня.

Ведь от ног до макушки
весь я гипсовым стал.
Мне не надо подушки,
разве что пьедестал...

Медсестра, медсестричка,
что ж ты слёзоньки льёшь?
Как же ты без привычки
здесь, в конюшнях, живёшь?

В королевских конюшнях,
в госпитальном чаду,
в наркотичном, спиртушном,
матерщинном бреду.

Если чудо случится,
если снова срастусь —
дай свой адрес, сестрица,
может быть, пригожусь.

Ну а коль не воскресну,
всё равно хоть часок
проживу, на чудесный
поглядев адресок.

В королевских конюшнях
метра нет для коня.
Медсестра мою душу
унесла от меня.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Война становится привычкой,
опять по кружкам спирт разлит,
опять хохочет медсестричка
и режет сало замполит.

А над палаточным брезентом
свистят то ветры, то свинец.
Жизнь, словно кадры киноленты,
дала картинку, наконец.

О чём задумался, начштаба,
какие въявь увидел сны?
Откуда спирт, откуда баба?
Спроси об этом у войны.

А хорошо сестра хохочет
от медицинского вина.
Она любви давно не хочет,
ей в душу глянула война.

Эй, замполит, плесни помалу,
теперь за Родину пора...

Нам не спуститься с перевала,
который взяли мы вчера.

БОЙ ЗА ГОРОД БОГУШЕВСК

(Рассказ отца)

Командира убило утром
и нелепо, на первый взгляд:
люк открыл на одну минуту –
и шальной подгадал снаряд.
Я тогда доложил по связи,
принял роту, просился в бой.
Комполка запросил не сразу:
– А пехота пойдёт с тобой?
А пехота сидит в окопах,
крепко ученная в бою.
У неё, у родимой, опыт:
артиллерию ждёт свою.
Богушевск – невеликий город,
деревянный, в один этаж.
По всему было видно: скоро
обязательно будет наш.
В роще слышно – гремят составы
на железнодорожном узле.
Эх, ударить бы в лоб и справа!
Но пехота молчит в земле.
Два часа простояли в роще,
а потом я терпеть не смог:
по домам городским на ощупь
к огоньку бежал огонёк.
Поджигают! Ну что же, гады,
это пламя и вас возьмёт.
А пехота пойдёт, раз надо...
– Рота, делай, как я. Вперёд!
Как влетели мы, что там было –
не припомнить и не понять.

То ли пламя глаза слепило,
то ли были мы из огня.
Шесть взорвавшихся «тридцатьчетвёрок»
не жалели боезапас.
То ли мы занимали город,
то ли город врывался в нас.
И на станции у состава,
не успевшего отойти,
паровоз повалили набок
на грохочущие пути.
А потом пробил час пехоты,
и захлёбываясь, спеша,
затрещал вокруг, заработал
наш отечественный ППШ.
Бой распался на эпизоды,
где мы выполнили свой долг.
Через день отвели на отдых
наш отдельный танковый полк.
Но не мы одни воевали,
не о ротных заслугах речь.
Богушевск и без нас бы взяли,
мы – всего лишь – не дали сжечь.

НАС В ГОРАХ НЕ НАЙДЁТ

Нас в горах не найдёт
Почтовой самолёт.
И письмо от тебя
До меня не дойдёт.

Почернеют снега,
Встанут стены огня.
Будет бить ДШК
Из ущелья в меня.

Будет бить ДШК,
Будет жизнь коротка,
Может быть, у меня,
Может быть, у стрелка.

Нас в горах не найдёт
Даже радиосвязь,
С безымянных высот
Лупят в нас, не таясь.

Поднимаемся в рост,
Отвечаем огнём,
Между огненных звёзд
По Вселенной идём.

И краснеют снега,
И дробится скала.
Смерть в горах дорога –
Жизнь такой не была.

Нас в горах не найдёт
Запоздавший приказ,
И никто не придёт
И не выручит нас.

Погибает десант,
Погибает навек.
Погодите, я сам,
Это мой ДШК,
Это мой разговор,
Я дойду до стрелка,
Он не спустится с гор...

Нас засыплет метель,
Нас завалит скала,

Смерть мягка, как постель –
Жизнь такой не была.

Мы в объятьях сплелись,
Мы навеки родня.
Пусть продолжится жизнь
Без него и меня.

Горит звезда над городом Кабулом,
горит звезда прощальная моя.
Как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
когда на снег упал в атаке я.

И я лежу, смотрю, как остывает
над минаретом синяя звезда.
Кого-то помнят или забывают,
а нас и знать не будут никогда.

Без документов, без имён, без наций
лежим вокруг сожжённого дворца.
Горит звезда, пора навек прощаться,
разлука тоже будет без конца.

Горит звезда декабрьская, чужая,
а под звездой дымится кровью снег.
И я слезой последней провожаю
всё, с чем впервые расстаюсь навек.

ОДИНОКИЕ НОТЫ

Офицерский романс –
жёлтый лист на погоне,
хрипловатый напев неизвестной войны,
и чужие глаза, и родные ладони,
батальонная явь, гарнизонные сны.

С восемнадцати лет под военные марши
мы служили и жили, и верили в них.
Офицерский романс – он для тех,
кто постарше,
он для тех, кто случайно остался в живых.

Полковой барабан громыхает всё глуше,
всё обыденней пули над нами жужжат.
Слух привык ко всему.
Не привыкли бы души,
те, что Богу и Родине принадлежат.

Офицерский романс – одинокие ноты
перетянутых струн в ослабевшей стране.
Замолчать бы навек. Но невидимый кто-то
подпевает вполголоса там, на войне...

ВОЙСКА НЕБЕСНОЙ ОБОРОНЫ

Святая русская держава
В кровавый дым погружена.
Её поруганная слава
Земному взгляду не видна.

Исполосованы знамёна.
Но над изменой и враньём
Войска небесной обороны
Ещё глядят на окоём.

Дом Богородицы, Россия,
Твои поля и города,
Враждебной отданные силе,
Горят от боли и стыда.

Полки, бригады, батальоны
Отгородились от своих.
Войска небесной обороны
Одни за мёртвых и живых.

И по невидимому следу,
Не преклоняя головы,
Святые ратники победы
Сойдут из вольной синевы.

И незаконные законы
Не одолеют Русь, пока
Над нею держат оборону
Её небесные войска.

НЕ ВЫШЛА ИЗ ОГНЯ

Крылатая пехота
Не вышла из огня...
Прости, Шестая рота,
Россию и меня.

Погибшая бессмертной,
Ты стала наяву
В бою под Улус-Кертом,
Как в битве за Москву.

Прощай, Шестая рота,
Ушедшая в века,
Бессмертная пехота
Небесного полка.

ПЕСЕНКА КАПИТАНА

Вот и весь служебный рост:
на погонах восемь звёзд,
а хожу все годы
в командирах взвода.

Я, меняя округа,
бил условного врага.
Но с годами чаще
враг был настоящий.

Я в Абхазии бывал,
в Приднестровье воевал,
я верхом на танке
ездил по Таганке.

Я стоял на рубеже,
спал со вшами в блиндаже,
я копал окопы
посреди Европы.

Мне давала ордена
удивлённая страна:
умный, мол, ворует,
а дурак – воюет.

Я не робок и не слаб,
я отнюдь не против баб,
но с моим окладом
им меня не надо.

Я под вечер или в ночь
выпить водочки не прочь:
это тоже дело,
если нет обстрела.

В общем, я такой, как вы,
из Тамбова ли, Москвы,
разве что контужен
и никому не нужен...

От боя до боя недолго,
не коротко, лишь бы не вспять.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.

И пусть на пространствах державы
весь фронт наш – незримая пядь.
А что нам терять, кроме славы?
Нам нечего больше терять.

Пилотки и волосы серы,
но выбилась белая прядь.
А что нам терять, кроме веры?
Нам нечего больше терять.

Звезда из некрашеной жести
восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.

В короткую песню не верьте,
нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять, кроме смерти?
Нам нечего больше терять.

НЕИЗВЕСТНАЯ

В палатке холодной и тесной,
Раскинутой в горной стране,
Приколот портрет Неизвестной
К брезентовой чуткой стене.

Свеча, словно перед иконой,
В продымленной гильзе пред ним.
Глядит из огня на погоны
Знакомая в прошлом с Крамским.

В палатку приходим нечасто,
Нам снятся тяжёлые сны,
Но ангельским светом лучатся,
Мерцают глаза со стены.

И пусть говорят, что доступна
И даже продажна была,
Не зря винтокрылая ступа
Её через горы несла.

Не зря она над перевалом,
Беспомощно комкая рот,
Разряженным небом дышала,
Крестя боевой вертолёт.

И в этом краю каменистом,
Где жизнь не дороже свинца,
Светлели мы в зареве чистом
Её огневого лица.

ПРАПОРЩИК ЗЕНИН

Воинский долг на земле неизменен:
Будем России должны до конца.
Вы стали воином, прапорщик Зенин,
С Курской дуги не дождавшись отца.

Жить сиротою – судьба непростая,
В послевоенное время – вдвойне.
Самой голодной была на Алтае
Ваша семья не по вашей вине.

Выйдя в слезах на колхозное поле,
Мать со стерни подняла колоски
И заплатила годами юдоли,
Чтобы однажды поели сынки.

Выросли вы на соседних щедротах,
Грызли картофельную кожуру,
Не на учење, а на работу
Детской семьёй уходя поутру.

Вы это помните, прапорщик Зенин,
Не обвиняя судьбу и страну.
Воинский путь на земле неизменен:
Жизнь перейти и осилить войну.

Вы послужили России на срочной
И на сверхсрочной не год и не два,
В школах вечерних, в учёбах заочных
На старшинство подтверждая права.

Старше по возрасту даже комдива,
Вы ж – наш отец, боевой старшина.
Только останьтесь, пожалуйста, живы:
Это не Курск, это наша война.

Воинский долг на земле неизменен,
Друг перед другом мы только в долгу.
Да не спешите же, прапорщик Зенин –
Вас тяжело заслонять на бегу!

ЛЕЙТЕНАНТ ЦАРАНДОЯ

В Кабуле весенняя мода
На всё, даже на паранджу...
Рассматриваешь пешеходов,
А я на тебя погляжу.

Здесь женщины – в цвете небесном,
Иконном, рублёвском почти.
Но, впрочем, тебе не известно
Про наши иконы. Прости.

Идёшь по большому Кабулу,
Сын маленького кишлака,
Среди многолюдного гула
Тебе неуютно пока.

Дуканы, жаровни, машины,
Витрины, навесы, лотки...
И женщины, словно кувшины,
Блистательны и высоки.

Детали столичного быта
Тебе интересны всерьёз,
И манят глаза, что сокрыты
Под сеткой из конских волос.

В селении высокогорном
Другие фасоны, цвета:

Там женщины горбились в чёрном,
Смотрели сквозь нити холста.

И мать, провожая, всплакнула
Под грубою той паранджой.
...Был красен твой путь до Кабула
От крови своей и чужой.

Ты думал, что рай тебе снится.
На узком врачебном столе
Открытые женские лица
Увидев на грешной земле.

Одетые в белые ткани,
Медсестры стояли вокруг,
Когда ты в наркозном тумане
Боялся коснуться их рук.

Нас женщины в чёрном – рожают,
Нас женщины в белом – хранят,
В лазурном – любовью сражают,
Украдкою бросивши взгляд.

Но вся их небесная мода
Тебе поклониться должна:
Ты в сером – под цвет небосвода,
В котором дымится война.

Десант не знает, куда проложен
В полётных картах его маршрут.
Десант внезапен, как кара Божья,
Непредсказуем, как Страшный суд!

Хоть за три моря, хоть за три горя,
Хоть с ветром споря, а хоть с огнём,
Взлетает вскоре, со смертью в споре
Десант – не надо грустить о нём!

Нам пол-Европы вцепилось в стропы,
Мы знаем тропы в любой стране:
В центральной, южной, нейтральной, дружной
Мы будем драться спина к спине...

А если маршал в тебя не верит,
А если дома живым не ждут –
За всё ответит далёкий берег,
Куда причалит твой парашют!

Десант не знает, куда проложен
В полётных картах его маршрут.
Десант внезапен, как кара Божья,
Непредсказуем, как Страшный суд...

БЫЛИ КОГДА-ТО И МЫ ОФИЦЕРЫ...

Были когда-то и мы офицеры –
Бражники, ратники, юность Руси.
Пленники чести, хранители веры,
Взгляды любви обходя на рыси.
Бальные залы, полтавские хаты,
Блеск эполет и зловоние ран,
Перед Отечеством не виноватый,
Перед любовью винись, капитан.
Были когда-то и мы офицеры
Первой на свете всемирной войны.
В серых шинелях в Галиции серой,
В серых фуражках поверх седины.

Сумрак землянок, траншейная глина,
Сестры походных госпиталей...
Перед Россией ни в чём не повинный,
Перед разлукой сестру пожалей.
Были когда-то и мы офицеры –
Белая сила, христовая рать.
В полную меру, в последнюю меру
Счастье испытать и навек потерять.
Бьёт артиллерия в купол церковный,
Не устоять тебе, Спас-на-Крови.
Воинским чином перед жизнью виновный,
Спой, капитан, о последней любви.
Были когда-то и мы офицеры,
Давние раны украдкой леча...
Цифры «14-й» – «41-й»
Перевернула эпоха сплеча.
Рвутся фронты, как лежалые нити,
И не в Галиции, возле Москвы.
Перед женой, капитан, повинитесь,
Перед Россией останьтесь правы.
Были вчера ещё мы офицеры,
Верные долгу в неверном пути.
На искалеченных склонах Панджшера
Кровью своею писали «прости».
Свой ли, чужой грянул выстрел итогом –
Не просянят ни Устав, ни Коран.
Перед любовью, Отчизной и Богом
Вы не виновны уже, капитан...

АХ, ПУЛЯ, КОНЕЧНО ЖЕ, ДУРА...

Ах, пуля, конечно же, дура.
Но это ещё ничего...
Пьёт штабс-капитан из Главпура
С корнетом из войск ПВО.

Кремлёвские звёзды в оконце
Опять обратились в орлов,
Восходит трёхцветное солнце
Из красных советских углов.
В музейном Успенском соборе
Гремит литургия опять...
И значит, за Чёрное море
Нам скоро пора отплывать.
Сбежится с окраин Союза
Орда голопузых господ,
Стреляя в осевший от груза
Ооновский наш теплоход.
А впрочем, куда торопиться,
Товарищи штабс и корнет?
Ещё мы успеем напиться
И в землю зарыть партбилет...

НАМ ОПЯТЬ УХОДИТЬ В НАШЕ РУССКОЕ МОРЕ...

Нам опять уходить в наше Русское море
Из неправой страны, что Отчизной была.
Нам опять поднимать в одиноком просторе
На грот-стенях не сдавшиеся вымпела.
Нам опять вспоминать скалы русского Крыма,
Севастопольский рейд и Малахов курган.
Нам опять объяснять то, что необъяснимо,
И сквозь слёзы глядеть в Мировой океан.
Вот когда мы поймём наших прадедов горе.
Спорить с волею Божьей и мы не смогли.
Раз в три четверти века по Русскому морю
Из России уходят её корабли.

Владимир Тыцких,
капитан 2-го ранга в отставке

Владимир Михайлович родился в Казахстане (Ленинград, ныне – Риддер) в 1949 году. Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище по специальности фельдшер и Киевское высшее военно-морское политическое училище. Служил на

Балтийском и Тихоокеанском флотах: на надводных кораблях, подводных лодках, в редакции газеты флота. Возглавлял Приморскую писательскую организацию СП России, студию военных писателей Тихоокеанского пограничного округа, департамент информации и печати Морского государственного университета. Автор сорока книг поэзии, прозы, публицистики, литературной критики, изданных в Москве, Норильске, Владивостоке, Арсеньеве, Усть-Каменогорске. Публиковался более чем в семидесяти энциклопедиях, хрестоматиях, антологиях и сборниках в столичных и региональных издательствах; в журналах «Алтай», «Байкал», «Бежин луг», «Берега», «Дальний Восток», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Кедр», «Москва», «Московский вестник», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Пограничник», «Простор», «Сибирские огни», «Сибирь», «Сихотэ-Алинь», «Слово Забайкалья», «Смена», «Советский воин», «Студенческий меридиан», «Юность» и многих других. Отмечен двумя десятками лауреатских и почётных литературных званий в Москве, Хабаров-

ске, Владивостоке, Нью-Йорке. Награждён медалями имени Константина Симонова, генералиссимуса Александра Суворова, Валентина Пикуля. Заслуженный работник культуры России. Действительный член Русского географического общества. Исполнительный директор Общества изучения Амурского края, помощник командующего Тихоокеанским флотом по работе с ветеранами. Живёт во Владивостоке.

«НА ВЫСОТЕ ОКЕАНА»

Третий класс «проходил» Маршака,
А мальчишка сопел «на Камчатке»
И опять рисовал моряка
На последней странице тетрадки.

У матроса решительный взгляд,
Как живые, хоть трогай руками,
С бескозырки летит на бушлат
Пара вьющихся лент с якорьками.

Степь и горы смотрели в окно,
Что в тетрадке у мальчика выйдет...
Океан... Разве только в кино
Третий класс его изредка видел.

Третий класс – он на шутки мастак,
И мальчишке, болевшем морями,
Говорили: «Моряк с печки бряк!»
Даже те, кто считались друзьями.

Он терпел от звонка до звонка,
И домой возвращался, и дома
Акварелью писал моряка
На странице большого альбома...

Пожелтеют в альбоме листы,
Но сюжет живописный беспорен
С перспективой от детской мечты
До простора на уровне моря.

Зимы балтийской всё приметней знаки.
Волна и ветер. Брызги на лице.
Мы в полигоне: отдан левый якорь,
До пятой марки вытравлена цепь.

У верхней вахты грустная задача –
С надеждою смотреть по сторонам
И ждать, когда осенний шторм отплатит,
Отвоят ветер, отгудит волна.

Глубоководным спускам водолазов
Приказом жёсткий срок определён,
Но шторм мешает, и полночным часом
Не спят матросы в кубрике своём.

В сознание их давно уже пределы
Положены и отдыху, и сну –
Им страшно трудно ничего не делать,
Когда они хотят на глубину.

И сколько впереди ночей не спать им,
Они не знают, и не знаю я...
Балтийский флот. Наш маленький спасатель.
Поэма лейтенантская моя...

ТОСТ

*Сослуживцам – офицерам
эсминца «Огненный»*

Остынет боль случайного паденья,
Неловкая забудется вина.
Не станем у себя просить прощенья,
Просчёт ума и сердца заблужденье
Прозреньем поздним оплатив сполна.

Жалеть ли нам о том, чем мы богаты
В кругу друзей и недругов своих,
О прошлых обретеньях и утратах,
О пепле остывающих закатов
И ярости рассветов молодых!

Пусть наша боль и радость повторится.
На свете ничего дороже нет!
Вглядимся ближе в дружеские лица
И будем перелистывать страницы
Счастливых дней и несчастливых лет.

А жизнь, как хочет, пошумит, покружит –
Смутит сердца и омрачит умы.
А мы, как можем, ей ещё послужим.
Не будем лучше и не будем хуже,
Но будем тем, чего достойны мы.

Быстролётная жизнь – ах, когда б ни конца ей, ни края!..
Море гасит лучи проблесковых маячных огней,
И как будто кристаллами соль проступает морская –
Прорезаются звёзды над долгой дорогой твоей.

Пусть единственный берег опять испытает разлукой
Всё, чем трудно и щедро одарено сердце судьбой.
Сколько дней и ночей обернутся то счастьем, то мукой?
Сколько новых штормов обесселят, не сладив с тобой!

Но ещё угрожает тебе небывалое лихо:

Слышишь – ветер доносит! – враждебность

в чужих голосах,

А Земля – как корабль, что не знает о мелях и рифах

И, кренясь и качаясь, несётся на всех парусах.

Кто успеет увидеть и вовремя ей просигналит –

Если курс не изменится, дальше не будет пути!

Это важно, конечно же, важно, что станет с нами.

Но её не спасём – нас уже никому не спасти.

СОБАЧЬЯ ВАХТА

Связала ночь из кипени тумана

Глухую непроглядную вигонь.

Единственной звездой над океаном

Горит на мачте топовый огонь.

Вращаются на дальности предельной

Локаторные острые лучи.

Тревожный голос рынды корабельной

Протяжно растекается в ночи.

На ГКП¹ – сквозняк с углов и щёлок,

Мерцающий гипноз приборных шкал,

Дрожанье красных и зелёных стрелок,

Без усталости крутящее штурвал.

¹ ГКП – главный командный пункт корабля.

Сигнальщик в двух шагах всего, однако –
Как глаз ни щурь – не разглядишь лица.
Всесильна ночь. И кажется во мраке –
Не будет ей ни края, ни конца.

А за кормою океан клокочет,
И кто-то дальний тешится мечтой,
Что мы поверим в бесконечность ночи
И примиримся с вечной темнотой...

Как после этой вахты сладко спится!
Недолго, жаль. Вновь будет ночь темна,
И вновь собачьей вахте будет мниться,
Что никогда не кончится она.

Но тьме, уже, казалось, беспредельной
Наступит свой черёд и укорот.
Не подведёт хронограф корабельный.
И смена, как положено, придёт.

«Там идёт день и ночь в эту пору
Тополиный рассыпчатый снег.
Здесь – холодный пенал коридора
Из центрального в первый отсек.

Там летят электрички за город
И шипит газировкою пляж.
Здесь под шорох электромоторов
Больше суток не спит экипаж...»

Я писал эти строки на лодке
Не припомню, в котором году.

Видно, выдался отдых коротким,
И шептались они на ходу.

Нет начала у стихотворенья
И сюжет его не завершён.
То ли быстро прошло вдохновенье,
То ль сморил кратковременный сон.

Это, в общем-то, было не важно.
Важно было идущим сквозь тьму,
Что настрой боевой в экипаже
И подлодка – послушна ему.

Весь мир играл в «холодную» войну.
Мы уходили молча от причала
И загоняли лодку в глубину –
И нас она из бездны поднимала.

В походах с февраля до января
Мы никого запомнить не просили,
Каких утрат нам стоили моря,
Каких земля нам стоила усилий.

На взлёте лета, посреди зимы,
Храня сухим, как надлежало, порох,
Мы чуяли немилосердность тьмы
За толщею хрустящих переборок.

Но, видевший в лицо вселенский мрак,
Теперь, ввиду открывшихся сомнений,
Я офицерский китель на пиджак
Сменил почти без горьких сожалений.

И командир мой бывший, и старпом,
Шинельки сняв, живут отныне с толком.
А лодка наша списана на лом,
Как говорят на флоте – на иголки.

И никому не предъявляя счёт,
Ржавея в грязной бухте, словно в луже,
Она лежит на дне и молча ждёт
Прощения за боевую службу.

Была ты, я скажу не в шутку,
И телом нашим, и душой.
Не зря когда-то твой конструктор
Отмечен премией большой.

А нынче песнею горниста
Ты не приветствуешь зарю,
Навеки от родного пирса
Оттянутая за «ноздрю».

И даже не латая дыры,
Без сил тоскуешь на мели.
Скажи, какие командиры
Тебя досюда довели!

И надвое твоим форштевнем
Уже не режется волна.
Как над покинутой деревней
Молчит над рубкой тишина.

Эх ты, слепая дизелюха!
Вдруг эта тишина – враньё?
На всякий случай хоть вполуха
Ты слушай все-таки её...

ДОРОЖНАЯ БАЛЛАДА

Ещё сквозь ночь скрипеть на Жоламан,
Ещё закат чадит в оконной раме.
Холмов степных недвижный караван
Плывёт, дрожа верблюжьими горбами.

Пылающая охрой и сурьмой,
Дымящая сырыми кизяками,
Укрыта степь осеннею кошмой,
Простреленной насквозь солончаками.

Задымлен тамбур, но прозрачно чист
Сквозняк из межвагонного проёма.
О, как же пахнет он и как горчит –
Так позабыто, так давно знакомо!

Всё туже, туже памяти аркан,
Стекло в окне как будто запотело:
Мне кажется, я вижу океан,
В котором вдруг волна окаменела.

И чудится, что в ней растворены
Века былые с будущими днями,
И проступает соль из глубины,
Кипевшей под моими кораблями.

И мнится: по волнам и по ветрам,
По далям дальним и дорогам длинным
Я снова возвращаюсь к берегам,
Которых, где бы ни был, не покинул.

И замерзает звон ковыльных струн.
Гремят колёса. Путаются мысли.
И белогривых облаков табун,
Кочуя на весну, пасётся в выси.

И вижу я: у этих облаков,
У гад морских и у степного зверя,
У кораблей моих и берегов –
Один причал, и оберег, и берег.

Ещё всю ночь греметь на Жоламан,
Глухую тьму прожектором пугая,
Пока мелькнёт сквозь утренний туман
Последний перегон до Капчагая.

А там Алма-Ата – рукой подать,
Где радость мимолётна, но желанна,
И бесконечным кажется опять
Недолгий путь на берег океана...

ВОСПОМИНАНИЕ У КАРАКОРУМА

Потомки чингисхановых коней
Стригут траву. В пылище придорожной
Купается монгольский воробей,
До пёрышка на русского похожий.

Стекает с гор просторная страна.
Томится даль в мерцанье марев знойных.
Прозрачна селенгинская волна.
Сокрыты Летой и миры, и войны.

Но помнит степь: кровавится рассвет,
И жмутся тьмы к подножиям курганов,
И свищут стрелы триста зим и лет,
И пусто не становится в колчанах.

В горячем сердце жалость схороня,
Я, волей бредя и до жизни жаден,
То падаю с монгольского коня,
То заживо горю в славянском граде.

И поднимаюсь как в тяжёлом сне,
И тёмные века глядят мне в спину,
Дивясь, что живы до сих пор во мне
Рязанский смерд и темник Темучина...

ГОРЯЧИЕ ВАННЫ

*Василию Самотохину,
давно уже полковнику*

Куда мы, товарищ, с тобой залетели...
Тоску нашу даже коньяк не берёт.
Опять Кунаширом гуляют метели,
Опять никуда не летит вертолёт.
Бежим в эскадрилью – то поздно, то рано.
А Владивосток безнадёжно далёк.
Курятся парком знаменитые ванны,
Меж снежных сугробов журчит ручеёк.
Чтоб дни уползали не вовсе задаром,
Под вечер, лишь солнце за сопки зайдёт,
Уходим с жильцами промёрзшей казармы
Согреться в тепле тектонических вод.
И, ванны телами своими заполнив,
Мы шутками бьём в пограничную тишь.
И только один ты, мой друг подполковник,
На небо глядишь и печально молчишь.
Мне эта печаль, подполковник, знакома.
Напрасны солдатские были труды.
Термальной водой из любого разлома
Не вылечить нашей державной беды.
А звёзды над островом великолепны.
Утихла метель и прошёл снегопад.
Не спит Кунашир и водицей целебной
Ещё согревает российских солдат.
Тут, как в Подмосковье, – берёзы да ели...
Ещё на недельку задержимся тут...

И снова на острове кружат метели.
И солнце – заходит. И люди – живут!

Что снится на границе?
Конечно, отчий дом.
Со скрипом в половицах,
Сиренью под окном.

Со всем, чем станут вскоре
Дороги хороши –
От поля и до моря,
С подножий до вершин.

Что снится на границе?
Девчоночка одна...
Вот только редко снится –
Там часто не до сна.

Порой – зимою вьюжной
И в солнечную тишь –
Такой бывает служба,
Что сутками не спишь.

Но срок придёт когда-то
Вернуться в дом родной.
Какие сны солдату
Приснятся в час ночной?

А всё, что прежде снилось,
И грустно, и светло –
Что памятью хранилось
И на сердце легло:

От радости до горя,
С рожденья до седин,
От поля и до моря,
С подножий до вершин.

А на краю державы –
В объятьях тишины –
Граница и застава,
Где редко снятся сны.

*На берегу пустынных волн...
А.С. Пушкин*

На берегу пустынных волн
Уже не тот простор былинный:
И густо берег заселён,
И волны больше не пустынно.

Но братиною вековой
Мы пьём живительные соки:
Наследники Руси святой
Полны, как прежде, дум высоких.

Неистребимы шум дубрав,
Упругость ветра в скифском поле;
В мерцанье звёзд, в волненье трав
Жив русский бог – покой и воля.

Прут идола за ним толпой –
Приплясывая, корча рожи, –
Как враны, схожи меж собой.
А он – лишь на себя похожий.

Его непознанная суть
Тверда и целеустремлённа:
За ним – тысячелетний путь,
Уже никем не превзойдённый.

Что он теперь изжил своё,
Что телом обнищал и духом –
Всего лишь глупое враньё
И злонамеренные слухи.

Ему немножко отдохнуть
И раны поприжечь местами –
Он только выпрямится чуть
И – вновь плечом до звёзд достанет.

Отставник, я от службы свободен,
И для жизни, скажу напрямик,
Стал теперь ограниченно годен,
Хоть в душе до сих пор – призывник.

Если, слышный до самых окраин
От вошедшего в порт корабля,
Горн матросам зарю заиграет –
Он играет её для меня.

Если с палубы в воду и сходу –
Точно громом по берегу бьёт! –
Атакует морская пехота,
Я молюсь за победу её.

А поднимутся ввысь самолёты,
Я за далью морей и земель
От души пожелаю пилотам
Своевременно выйти на цель.

И поют мне бессонные волны,
И вздыхает протяжно прибой
И о тех, кто меня ещё помнит,
И о тех, кто простился со мной.

Словно палуба, небо качалось
Под раскаты штормов и тревог.
Что осталось со мной, что осталось
От недалёких и дальних дорог?

Только дедовский домик с овином,
И просёлок, и пыль да трава,
Только музыка маршей старинных,
Только песен забытых слова.

А в краю, где плакучая ива
Что-то шепчет вдогонку ему,
Лейтенант молодой и красивый
По просёлку спешит моему.

От колодца тропка вьётся
До соседских до ворот.
Мальчик воду из колодца
До калиточки несёт.
Мальчик девочку жалеет
И в глаза её глядит,
А она в ответ краснеет
И «Спасибо!» говорит.

Май упрятал в даль ночную
Все тропинки на лугу.
Мальчик девочку целует
Под ветлой на берегу.

Ветер ласковый волнует
Кудри заспанных раки.
Мальчик девочку целует,
«До свиданья!» – говорит.

Он бы славно пожил с нею,
Но пришли плохие дни.
Мальчик девочку жалеет
На виду у всей родни.
На свою ли, на чужую
На беду ли, на вину
Мальчик девочку целует
И уходит на войну.

Всё как встарь на белом свете:
За околицей села
Тот же луг и тот же ветер,
Те же речка и ветла,
Та же тропка так же вьётся
До колодца от ворот,
И по тропке от колодца
Воду девочка несёт...

Евгений Семичев

Евгений Николаевич – выдающийся современный поэт, секретарь Союза писателей России, автор 10 поэтических книг и множества публикаций во всероссийских центральных и региональных изданиях России, поэтических антологиях и коллективных сборниках. Лауреат всероссийских и международных

литературных премий – Большая литературная премия России, Всероссийская литературная премия имени Святого благоверного Александра Невского – специальная номинация «Служение России», Международной премии имени Расула Гамзатова, Всероссийской Лермонтовской премии и ряда других. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

«ПАВШИЕ ВОИНЫ ЕДУТ С ВОЙНЫ»

ЛИТЕРНЫЙ ЭШЕЛОН

Майским салютом расцвёл небосклон,
Славя весну и Победу...
Литерный в небе идёт эшелон –
Павшие воины едут.

Через разливы бурлящей весны,
Через вселенские кущи
Павшие воины едут с войны
К нашим потомкам грядущим.

Мимо крылечка родного села,
Мимо заводов и пашен,
Всех их в один эшелон собрала
Память священная наша.

Сполохи мирной рассветной зари
К горним возносятся высям.
В небе весеннем парят сизари,
Как треугольники писем.

Гулом объята небесная даль
Отчей родимой округи.
Солнце надраено, словно медаль
«За боевые заслуги».

Головы воинов снежно белы,
Лица светлы и бесстрашны...
Вот они – русской Победы орлы,
Соколы Родины нашей!

Им колокольный звучит перезвон,
Славя весну и Победу.
Литерный в небе идёт эшелон –
Павшие воины едут.

К однополчанам своим боевым
Через сраженья и беды
Павшие воины в гости к живым
Едут на Праздник Победы!

Как из дикого смертного боя
Уцелевший усталый боец
Выходил из крутого запоя
Почерневший Серёжкин отец.

И, терпя непосильную муку,
Паренёк, не окрепший ещё,
Под шальную отцовскую руку
Подставлял неумело плечо.

Шли глухим коридором барака
На ступеньки родного крыльца...
И упрямо Серёжка не плакал,
Чтоб в беде не обидеть отца.

И Отечества светлые дали
Открывались мальцу впереди.
И – рыдали, рыдали медали
На широкой отцовской груди.

Ему бы жить в железном веке –
Несовременный человек!
Железа столько в человеке –
На весь железный хватит век!

Он и во сне, скрипя протезом,
Штурмует вражью высоту,
Примкнувший всем своим железом
К железорудному пласту.

Не вышел он из боя толком.
Не понят он ни там, ни тут.
Его блуждающим осколком
Друзья погибшие зовут.

Ему, земному самородку,
Оплавленному там на треть,

Судьбой положено пить водку,
Чтоб на ветру не заржаветь.

Когда погибшие солдаты
Его возьмут к себе – всего,
Сломают клык свой экскаватор,
Окопчик роя для него.

Спит народ, как солдат на ходу,
Утомлённый в тяжёлом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.

И во сне от него ни на шаг
Никуда я себя не пускаю.
Упираюсь в походный большак.
Мать-землицу ногами толкаю.

Запевалы охрипли. Храпят.
Командиров сморило истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дрёмой.

Эй, взбрыкнувший во сне обормот,
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомлённый народ
На ходу, как солдаты в походе!

Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может день, может год, может век...
Боже! Дай мужикам отоспаться!

Звёзды космос вселенский копят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародёры-шакалы не спят –
Неусыпно народ обирают.

Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдаётся...
Вот народ – богатырь и герой!
Берегитесь, когда он проснётся!

ФРОСЯ

Она возьмёт гармонь, и в клубе сразу
Танцорши разбегутся по углам.
Она умеет так играть, зараза,
Что грудь трещит от песни – пополам!

И бабы просят, бабы тихо просят:
«А ну-ка, Фрося, выдай подюжей!...»
И, развернув меха, поёт им Фрося
Про их, сейчас воюющих, мужей.

И бабы плачут. Бабы горько плачут,
Хотя и песня эта о любви.
И в фартуки залатанные прячут
Мозолистые рученьки свои.

– Почто сховал печаль свою
В пустой рукав, солдат?
– Моя рука давно в раю,
А сам иду я в ад.

Когда огня железный вой
Рванулся через край,

Рука рванулась за братвой,
А угодила в рай.

Теперь сам Бог ей – политрук.
А мне-то что с того?
Как видно, не хватает рук
У воинства Его.

Слова «Век воли не видать»
Я выколочил на ней.
А рядом «Не забуду мать...»,
Чтоб поняли верней.

Архангелы на свой манер
Мой бред переведут...
Держись, собака Люцифер!
То русские идут!

ОТЦЫ И ДЕТИ

В небесах ревели истребители.
В подворотнях шастали каратели.
Ваше поколение – победители.
Наше поколение – предатели.

С вами лозунг: «Люди, будьте бдительны!»
С нами – «Будьте, граждане, внимательны!»
И не все вы были победители,
Да и среди нас не все предатели.

Но гореть, гореть нам синим пламенем –
Общая судьба всем уготована.
И плевать мне, под которым знаменем
Русь моя безвинно замордована!

В парадных военных расчётах
Великая слава течёт.
В расчёт не берут желторотых.
Их скромная слава не в счёт.

Оркестров мажорное форте –
Бесстрашным солдатам страны.
А дети победного фронта
Стоят у обочин войны.

И с ними стоит моя мама,
И машет героям рукой.
Салютов небесная манна
Над Родиной плещет рекой!

За спинами граждан нарядных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
В слезах моя мама стоит.

Вот так всю войну простояла,
Поскольку росточком мала.
Снаряды она снаряжала
И верой в Победу жила.

Не то моей маме обидно,
Что горьким был доблестный труд,
А что из-за роста не видно,
Как строем гвардейцы идут.

Несметные выпали беды
На долю геройской страны.
А дети священной Победы
Стоят у обочин войны.

В толпе ротозеев парадных,
Ничуть не смущая их вид,
На ящике из-под снарядов
Военное детство стоит.

Полк расформирован. До свиданья,
Воинство, ушедшее в запас.
Списанное обмундированье
«Жёлтый дом» зачислил на баланс.

Сумасшедшим выдали шинели
Грубого армейского сукна.
И они, болезные, запели,
Выстроившись в строй: «Вставай, страна!»

Грянул скрежет рваного металла
В голосах, звучащих вразнобой.
Но страна огромная не встала
Из руин на новый смертный бой.

Заскулили во дворе собаки.
Поприжали уши и хвосты.
Санитары – храбрые вояки –
Ошалев, попрятались в кусты.

Песней доведённая до точки,
Нянька прокричала на бегу:
«Не печальтесь, милые сыночки,
Не сдадимся заживо врагу!..»

...И пошли колонной брат за братом
Защищать великую страну –
Родины последние солдаты
На свою последнюю войну.

Сосед уехал на войну.
Там ближе к раю.
Все знают, как спасти страну.
А я не знаю.

Сосед пришёл с войны с клюкой.
Отважно дрался.
Он был в раю одной ногой.
Не удержался.

Пока тащил второй сапог
Из брэнной грязи,
Споткнулся о родной порог
И рухнул наземь.

Перевалился через край.
Отвоевался!
«В гробу я видел этот рай!» –
Сосед признался.

«Когда я ехал на войну,
Был ближе к раю
И знал, как мне спасти страну...
Теперь – не знаю...»

... А росы на рассвете – капли крови
На гимнастёрках утренних полей.
И горизонт прерывист и неровен,
Как бинт, алеет в кронах тополей.

И никуда от памяти не деться.
Среди кричащей этой тишины
Всплывает солнце – огненное сердце
Солдата, не пришедшего с войны.

Михаил Силкин,
капитан запаса

Михаил Владимирович – поэт, литературный критик, журналист. Автор стихов и статей в газетах, журналах, альманахах. Лауреат Всероссийской премии «Золотой венец Победы», Международной премии в области литературы и искусства «Звезда Чернобыля», литературно-общественной премии «Лучшая книга 2012–2014» и «Лучшая книга 2014–2016». Награждён медалями «70 лет Великой Победы» МВД России и «М.Ю. Лермонтов. 1814–1841 гг.», памятным знаком Министерства обороны РФ «100 лет Константину Симонову». Обладатель золотого пера Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Автор книг стихов «Поклонная гора», «Цветок», «Снега России», «Александровский сад». Член Союза писателей России.

«НАВЕЧНО ОДЕТЫЕ В БРОНЗУ»

ЗЕМЛЯ

Земля от сражений устала,
Не видно покою конца,
И глухо хрипят от металла
Не знавшие счастья сердца.

Кричат водопады и горы,
Седые стада ковыля,
И я понимаю, не скоро
Дрожать перестанет земля.

Идут за калекой калека,
И все проклинаят войну,
Но нет на земле человека,
Кто так бы любил тишину.

ВОЙНА

Сводки с фронта, как маки, кровавы,
И застыли в крови облака.
Не добьются бессмертья и славы
Те, кто жизни не видел пока.

И откуда появится слава,
Если это резня, не война?
Ведь и те, ведь и эти не правы.
Разве слава такая нужна!

Только дома услышат, как пули
Упадут возле самых дверей,
Что в горячем бою обманули
Не поверивших в смерть матерей.

ПОЖАР

Осень ярко травы вышила,
И пошли они гореть.
Над складами Шелемишево¹
Загуляла в небо медь.

¹ Шелемишево – населённый пункт в Рязанской области, где 7 октября 2020 года на военных складах произошёл пожар.

С трассой «Каспий» дело связано –
Встала трасса, вся в дыму,
Пламя смерти желтоглазое
Рвётся к Рязску моему.

Над осенними посадками
Всё дымы, дымы, дымы,
Над бетонкой, «Волгоградкою»,
Встало облако из тьмы.

Непростая ситуация,
Будто смерч сошёл с небес,
Как в войну, эвакуация
По команде МЧС.

Вертолёт над складом вертится,
Застит людям гарь глаза,
И никак в беду не верится
Снятым в избах образам.

ПУЛЕМЁТЧИК

Он не сделал назад ни шагу,
До последнего здесь строчил,
И медаль свою «За отвагу»
Перед строем не получил.

Он не видел, как знамя ало
Через бруствер его пошло,
Как пехота за ним бежала,
Как входила она в село.

И не видел он, фрицев кроя,
Как считал уцелевших Бог,

Как награды своим героям
Раздавал командир, что мог.

В ЭТОМ ЛЕСУ

Рюкзаки, миноискатели,
От дождей оплывший ров.
Ходят чёрные копатели
По местам былых боёв.

Разрослись берёзы белые,
Излучают ясный свет.
Под лопатой, обгорелые,
Амуниция, кисет.

Кто-то в землю врос отчаянно,
И не ждал сюда гостей,
Чтоб они, хотя б нечаянно,
Докопались до костей.

Ну, не троньте упокоенных,
Жизнь прошла у них с тех пор.
И не в силах эти воины
Встать и дать теперь отпор.

Всё ближе 9 Мая,
И ветер родной стороны,
Уснувших солдат поднимая,
Торопит вернуться с войны.

Но где там?! Слыхавшие грозы,
Не ведают ветра и гроз,
Навечно одетые в бронзу,
Не помнят родительских слёз.

Оставшись навек на чужбине
В едином Бессмертном строю,
Готовы подняться и ныне,
За Родину драться свою.

Всё ближе 9 Мая,
Всё дальше фашистская тьма,
Но павших опять поднимают,
Когда кто-то сходит с ума.

ПОЛИТРУК

...И сил уже нет никаких,
Чтоб кинуться в новую драку.
А что же ты хочешь от них,
Как встать им ещё в контратаку?!
Лежит деревенский народ,
Не видевший даже столицы,
Но веришь, что снова пойдёт
Уже в штыковую на фрица.
На бруствер ступаешь, как Бог,
И пули проходят сквозь тело,
И больше не чувствуешь ног,
И в небо душа отлетела.
Но этого хватит, чтоб взвод
Ворвался в чужие траншеи,
И встал, в контратаку идёт,
И нет его в мире страшнее.
А ты, поднимая наган,
Глядишь на последнее чудо,
Что взвод твой пошёл на врага
И выбил его отовсюду.
Не видеть фашисту Москвы,
Где ветер знамёна полощет,
И где не склонит головы
Бессмертная Красная площадь.

ВОЕННЫМ ЖУРНАЛИСТАМ И ХУДОЖНИКАМ

Все невзгоды осилили,
Острым словом дрались.
Из Афгана до Сирии
Мы уже добрались.

Хоть бывало и падали
В чужедальной стране,
Но мы сердце не прятали
И на этой войне.

Как учили нас, делали,
Хлеб ценили и соль,
И впитали с победами
Беспроглядную боль.

Облака над Пальмирою
Разучились страдать.
Как же хочется мирною
Мне тебя увидеть.

Горы стали скульптурою
Всем, кто здесь полегли,
И с чужою культурою
Мы сродниться смогли.

В ДАМАСКЕ

Господа! Носите маски,
Мир не прочен и горяч.
В мирном городе Дамаске
Раздаётся женский плач.

Вновь беда, хоронят внука
Два согбенных старика.
Жизнь, она такая штука,
Не даётся на века.

А мальчишка и не вырос,
Ближих в ссоре не разнял.
И его коронавирус
За родного не признал.

А ему хотелось ласки,
А ещё коня запрячь...
В мирном городе Дамаске
Раздаётся женский плач.

ПЛАКУЧИЕ ИВЫ

Плакучие ивы, плакучие ивы,
Не надо, пожалуйста, слёз.
Ведь даже оливам вот этим смазливым
Немного любви довелось.

Не каждого счастье отметит в пустыне,
Не все нарожают детей.
И солнце на небе, случается, стынет
От вида неожиданных гостей.

Как здорово всё же вода помогает,
Умылся и слёз не видать.
И ты, вроде, та же, но всё же другая,
И больше не будешь страдать.

Плакучие ивы, плакучие ивы,
Мне вас не забыть никогда.

По красной пустыне, такой несчастливой,
Полёгшие в прах города.

ОКОПЫ

В окопе не сделаешь фото
И не отправишь домой,
Когда замерзает пехота
В окопах своих под Москвой.

И в них тебе не развернуться,
Не выспаться, не покурить.
Здесь даже железные гнутся,
А что о простых говорить!

Все танки надменной Европы
На эти окопы ползут.
Но встали пред ними окопы,
И танки по ним не пройдут.

И чёрными вспыхнут крестами
Фашистские танки опять.
Москва! Она вечно за нами,
Её никому не отнять.

Окопы в полях Подмосковья.
И нет никого за тобой.
Пропитаны алою кровью,
Слились с нашей общей судьбой.

Памяти В.С. Ланового

Мне стало холодно и больно,
Когда сказали: «Он ушёл...»
Нет, я не верю! Всё, довольно!
Я смят, раздавлен, оглушён!

Не может в жизни быть такое,
Чтоб одному встречать зарю.
И для меня он жив, спокоен,
Я с ним о службе говорю...

Вонзилась смерть, как пуля, в сердце,
Но в нашей памяти живой,
Могучий духом офицерским
В строю идущий Лановой.

Роман Воробьев,
ветеран боевых действий,
рядовой запаса

Роман Александрович родился 23 марта 1979 года в городе Белгороде.

В 1999 году, после окончания Белгородского механико-технологического колледжа, был призван на действительную военную

службу, которую проходил во внутренних войсках МВД России в составе Объединённой группировки войск на территории Северо-Кавказского региона. Участвовал в боевых операциях по уничтожению бандформирований.

Р.А. Воробьев награждён нагрудным знаком «За службу на Кавказе». За доблесть и мужество, проявленные при выполнении воинского долга, имеет благодарности от командования группировкой ВВ МВД России по СКР.

В 2021 году вышел его первый сборник стихотворений «А сердце помнит аромат скошенной травы...».

«КРЕСТ “ЗА СЛУЖБУ НА КАВКАЗЕ”»

МАТЕРЯМ РОССИИ

Слеза скатилась по щеке
И в сердце рана встрепенулась,
А горе ёкнуло в душе –
О сыне матери взгрустнулось.

Ваш сын – герой.
Строка написана в приказе,
И награждён он был звездой,
Да сам остался на Кавказе.

И мать дрожащею рукой
Звезду, как сына обнимает.
Он для неё всегда живой,
И всё о нём напоминает.

Слеза скатилась по щеке,
А сердце снова встрепенулось,
И вновь с собой наедине
О сыне матери взгрустнулось.

ДНИ РОЖДЕНИЯ СТАРШИНЫ

Два дня рожденья каждый год
В календаре у старшины.
А в теле памятью живёт
Осколок с той ещё войны.

В Афгане крепко подорвался,
Его собрали по частям.
И в медсанбатах он валялся,
За жизнь боролся долго сам.

Но воля к жизни победила,
И старшина стоит в строю.
В разведчики судьба определила
И вновь послала на войну.

Война пылала на Кавказе,
А смерть бродила по пятам.

И старшина глотнул из чаши,
Судьбу он снова испытал.

Три дня рожденья каждый год
В календаре у старшины.
На теле новый шрам живёт,
Как эхо с той ещё войны.

ЗА СЛУЖБУ НА КАВКАЗЕ

Кому-то крест на грудь,
Кому-то на могилу камень,
Кто до конца прошёл свой путь,
Кто был убит, а кто-то ранен.

Мы все повязаны войной,
Святое братство боевое.
И крест у каждого с собой,
Да память задевает за живое.

И «Ил» – наш транспорт боевой,
Он Ангел с белыми крылами.
А для кого-то – это тень
Тюльпана чёрного под облаками.

И все вернулись мы домой,
Мы все отмечены в приказе.
Кто в землю лёг и кто живой,
Нам крест – «За службу на Кавказе».

Владимир Силкин,
полковник в отставке

Владимир Александрович – заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Государственной премии России. Поэт, прозаик, переводчик, сценарист, журналист, первый ответственный секретарь Совета ветеранов Главного управления кадров Минобороны

России. Секретарь Правления Союза писателей России, председатель Совета по военно-художественной литературе Союза писателей России. Вице-президент Рязанского землячества. Почётный гражданин города Рязьска, почётный гражданин Рязанской области, автор около 70 книг разных жанров, свыше 600 текстов песен. Награждён орденом Почёта, почётными знаками «За вклад в военную культуру», «За вклад в военно-шефскую работу», наручными часами министра обороны России, начальника Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации. Отмечен Благодарностью Президента РФ, Почётными грамотами Министерства обороны и Министерства МВД России.

«ЧТОБЫ РОДИНУ НЕ ОТДАТЬ»

БОЙНИЦА¹

То и дело мне стало сниться,
И от этого не уйти,
Что закрыло пути Бойница
И врагу не даёт пройти.

Тонут в этом болоте кони.
Да, такая под Рязском гать.
Только Русь моя не утонет,
Будет вечно в лесах стоять.

До последнего будет биться,
Чтобы правнукам не страдать,
И болото нам пригодится,
Чтобы Родину не отдать.

ПЕРСТЕНЬ²

Не верьте в злобу, люди,
Ведёт она во тьму.
«При славе смирен буди,
А при печали мудр».

Душила предка злоба,
Но он прощал врага.

¹ В Стрелецком лесу под Рязском есть болото Бойница. Это историческое название, отражающее реалии Рязской засечной черты XVI–XVII веков.

² «При славе смирен буди, а при печали мудр» – надпись на перстне русского воина XVI–XVII веков.

И Русь глядела в оба,
Как в речку берега.

Великие печали
Изведала Москва,
Но были, как печати,
На перстнях тех слова.

И радовались славе,
И жили вместе с ней,
Поив на переправе
Измотанных коней.

Но зарождалось утро,
И бой вчерашний тих.
Не покидала мудрость
Сородичей моих.

ГОРДОСТЬ

*Учусь у тебя быть гордым.
Павел Боцу*

Гордым прожить не просто,
Гордым всегда трудней.
Гордость любого роста
За сто морей видней.

Я не кичусь породой,
Гордость ведь от земли,
Это душа народа,
Что сквозь века несли.

Гордостью не кичились
Предки в моём роду.

Гордо встречать учились,
Одoleвать беду.

И разрывали цепи,
Если сковали их,
И возвращали в степи
Жён и детей своих.

И по лесам, болотам
Строили русский дом.
Кровью своей и потом,
Тяжким своим трудом.

И проявляли твёрдость,
Если война пришла.
И не гордыня, гордость
В памяти их жила.

КОНТРАТАКА

*Памяти младшего политрука
Алексея Ерёмeнко*

Между рек Лугань и Луговая
В землю врос его стрелковый полк,
Всю траву на брустверах сбpивая,
Пули смертью запасались впрок.

И фотограф ползал по траншее,
Чтобы снимок сделать так и сяк.
И цветы тянули к небу шеи
И в беду не верили никак.

В контратаку поднималась рота,
Да какая рота?! Может, взвод.

Но пошла, пошла за ним пехота
Проливать и кровь свою, и пот.

Что там дальше было, я не знаю,
Может, прервалась со штабом связь.
Только точно мать его родная
С той войны домой не дождалась.

Он стоит, глядит теперь с пригорка,
А за ним Россия и Москва.
Вечного покроя гимнастёрка
И вокруг бессмертная трава.

ПРИХОДИ СКОРЕЙ, ПОБЕДА!

Приходи скорей, Победа!
Я тебе накрою стол.
Где я шёл – и сам не ведал,
Но к тебе на встречу шёл.

Я пропах походным дымом,
Стал солёным, как вода.
Ты пройти не вздумай мимо,
Не позволю никогда!

Ты мой гость, моя отрада,
Мать моя, моя жена.
От Москвы до Ленинграда
В сердце ты была одна.

И сейчас, ну, сделай милость,
Покажись в окне моём,
Я же знаю, что явилась
И чтоходишь в каждый дом.

Крикни мне, лиши покоя,
Страшно в доме одному.
Я тебя одной рукою
По-солдатски обниму.

КАРБЫШЕВ

Мороз на дворе. Ледяная вода.
Немецкий концлагерь и печи.
Да он и подумать не мог никогда,
Что в трусости будет замечен.

Да он и не струсил в фашистском плену,
А выдержал жуткие пытки,
Хотя его в пятаю в жизни войну
Прилюдно раздели до нитки.

За тысячи вёрст от далёкой Москвы,
В кровавых местах преступлений,
Не смог он склонить пред врагом головы,
Не встал перед ним на колени.

И пеплом седым улетел в небеса,
Туда, где и боги седые,
И где подаёт им свои голоса
Святая, как вечность, Россия.

ПОБЕДА

Сняла шинель под городом Берлином,
Шла по нему и презирала страх.
Она, в своём величии былинном,
Знамёна поднимала на рейхстаг.

Она не знала, кем была для деда,
Не знала, кем явилась для отца.
Шла по Берлину светлая Победа,
Не пряча обожжённого лица.

И в этот день шагали с нею рядом,
Не видевшие этого лица,
Защитники Москвы и Сталинграда,
Исполнившие долг свой до конца.

И без вести пропавшие шагали,
И в битвах прикрывавший спину тыл.
И не было ни сил таких, ни стали,
Чтоб кто-нибудь её остановил.

ИДУТ ОНИ

На праздник свой опаздывать негоже,
И без команды оставлять свой пост,
Но у живых мороз идёт по коже,
Когда они шагают в полный рост.

Лишённые на поле боя плоти,
Идут они домой за рядом ряд,
Тем более, когда вы их не ждёте,
Идут они и в окна вам стучат.

И строить командирам их не надо,
У них и без того глаза горят.
Не может быть без них теперь парада.
Какой без них получится парад?!

С небес идут, как будто бы с пригорка,
Готовые врага в штыки колоть.

И сгнившие от горя гимнастёрки
Их неизменно одевают в плоть.

Идут через Берлин, не зная страха,
Над каждым снова ангелы кружат.
И рёбра разорённые рейхстага
При виде их безумолчно дрожат.

МАТЬ

*Светлой памяти
Епистинии Степановой
и её девяти сыновей*

Не вернуть ушедших заново,
Не собрать всех вместе ей.
Епистиния Степанова
Ждёт с Победой сыновей.

С обелиска неподъёмного
Невозможно ей сойти –
Столько горя в нём бездонного,
Что одной не унести.

И глядит в просторы дальние,
Не смыкая красных глаз.
Вдруг, и правда, на свидание
Все они придут сейчас.

И уткнутся в ноги матери.
И сойдясь со всех сторон,
У накрытой светлой скатерти
Ей отвесят свой поклон.

– Ой, пришли, мои хорошие,
Как же тяжко мне без вас!..

Вновь осеннею порошею
Мать сомкнуть не может глаз.

Небо с ней вздыхает синее,
Жеребёнок в поле ржёт.
Не смирилась Епистиния,
Ждёт.

ПРИЗНАНИЕ

*Памяти моего деда
Василия Владимировича Силкина*

Я тебя никогда не видел,
Прилетел к тебе с Уссури.
Я прошу, дед Василий, выйди,
Молча рядышком покури.

Я сажу на облезлой лавке,
Мне за тридцать уже давно,
Я не раз свои сделал ставки
И сквозь пекло прошёл давно.

Две войны у тебя в итоге,
Как ты выжил там, не понять,
Ты на кладбище у дороги
Спишь и мне тебя не поднять.

Ты всю жизнь проходил за плугом
И не горбился в борозде,
Я бы стал тебе лучшим другом
И не бросил тебя нигде.

Но не встретились, так уж вышло,
Разминулись с тобою, дед.

Как крапива бушует пышно,
Как поёт соловей чуть свет!

Я оставлю на лавке фляжку,
Может, выдастся случай встать.
Нахлобучу на лоб фуражку,
Чтобы слёз твоих не видеть.

ОБРУБОК

*На сюжет из фильма «Вечный зов»:
возвращение Кирьяна с войны*

Грубо? Конечно же, грубо!
Мрачный подарок войны,
Молча уткнулся обрубок
В ноги любимой жены.

В страшной потёртой коляске,
Вынесший всё, что нельзя.
Море бездонное ласки
Вылили мужу глаза.

И никакая там сила
Их не сумеет разнять,
Если встречает Россия,
Так, как не могут встречать.

САУР-МОГИЛА

Над Саур-Могилкой ветер,
Над Саур-Могилкой плач.
Чёрный вечер, чёрный вечер
Бесконечен и горяч.

Не остыли в лужах пули,
В касках ржавая вода.
Не хотели, но уснули
Ополченцы навсегда.

В небе голуби порхают,
Слёзы льёт с утра трава,
Молча вдовы выдыхают
Все последние слова.

Над Саур-Могилой вечер,
Над Саур-Могилой крик,
И снарядом изувечен
Синий детский грузовик.

РОЗА

*Максиму Быкову, бывшему ополченцу,
оставшемуся без ног
и делающему из гильз розы*

На далёком военном заводе
Никогда не узнают о ней.
Эта роза любви и свободе
Всех на свете цветущих нежней.

Перенёшную адские муки
И промёрзшую лютой зимой,
Изваяли солдатские руки
Дома розу из гильзы немой.

И глаза эта роза открыла
И прозрела она сквозь металл,
Прошептала и заговорила
Так, как мастер того пожелал.

И как памятник страшного часа
И мгновенья, сплотившего нас,
Неизвестная роза Донбасса
Не смыкает оплавленных глаз.

ПИСЬМА МАРШАЛУ

*Не сплю я, Маршал, снится мне война.
Из письма Г.К. Жукову*

Читает письма Маршал и молчит,
А что тут скажешь? И ему не спится.
И видится опять в глухой ночи
Завёрнутая в белый снег столица.

И пробирает Маршала озноб,
И лютый ветер воеет под Москвою.
Но он фашистов точно вгонит в гроб,
Чтоб ни за что не проросли травой.

Как было это всё-таки давно,
Как с ног в полях валила непогода...
И в снег врасти нам было суждено,
Не подоспей тогда Белобородов.

И в бой пошли сибирские полки,
Под Новый год несли врагу подарки.
И белый снег окрасил нам виски,
Хотя и был он чёрным, только жарким...

Прости солдат, и я не сплю с тобой,
Всё думаю, а мог бы я иначе?
И часто вспоминаю каждый бой,
И сердце не выдерживает, плачет.

ДОМ

Памяти Г.К. Жукова

Бывает так, хоть в прорубь головой,
Когда война идёт не по законам.
И каждый бой, он, как последний бой,
А за спиной уже ни батальона.

Но исчезает с неба синева
И тучи снова наползают ловко.
Неотделимы Жуков и Москва,
Неотделимы Жуков и Стрелковка.

Но у него сожгли в Стрелковке дом,
В котором похозяйничали гады,
И он представит бывший дом с трудом
И содрогнутся на груди награды.

На пепелище он не встретит мать.
Одна печаль, одни сплошные беды.
И дома нет и некому обнять
Прославленного Маршала Победы.

Какая синь сегодня над Москвой,
Какая синь над бывшею Стрелковкой!
И Маршал в мыслях в дом заходит свой
И смахивает слёзы с глаз неловко.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С 60-ЛЕТИЕМ!

Геннадий Ёмкин,

младший сержант в отставке

Геннадий Максимович родился 8 февраля 1961 года в городе Арзамас-16, ныне – Саров. Окончил Арзамасский педагогический институт. В 1979–1981 годах служил в Туркмении, Афганистане, на

Дальнем Востоке. Живёт в городе Сарове Нижегородской области.

Член Союза писателей России с 2007 года. Автор четырёх поэтических сборников, публикаций во многих изданиях России. Его стихи печатались в журналах Казахстана, Болгарии, Беларуси, Германии. Лауреат премии альманаха «Арина» (Нижний Новгород), журнала «Русское Эхо» (Самара), Нижегородской писательской организации за лучшую поэтическую книгу 2014 года.

«СИДИТ НА ОБЛАКЕ СОЛДАТ»

БРОНЗОВЫЕ МАЛЬЧИКИ

Нас никто не неволил.
Просто время настало...
Просто Родина с болью
Слово – НАДО – сказала.

И по сути мальчишки
Сразу стали «афганцы»,
И листали не книжки,
А историю пальцы.

До того пролистали! –
Навсегда онемели!
И из бронзы и стали
В ней остаться сумели...

ТЕЛЬНЯШКА

Я перестал её носить –
Повыцвела, поизносилась,
Уже на вечность покусилась
И в ней она достойна быть.

Мне возразят: – Какая прыть!
Такое и не обсуждается!
Скажите, вам случалось быть
В горах, где жизнь вот-вот кончается?

Когда тельняшечка к спине
Смертельным потом прикипает,
И лишь мгновенья не хватает,
Чтоб уцелеть на той войне?

Когда до смерти жить охота.
Но командир кричит:
– За мной!
В тельняшках взвод, в тельняшках рота
Встают и жертвуют собой!

Мне до сих пор любой – брательник,
Полковник он или солдат,

Кто свято чтит военный тельник
И ставит выше всех наград.

А вы предательскую прыть
С демократической услугою
Оставьте. Быть тельняшке, быть
В едином звании с кольчугою!

Я ПОМНЮ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Нас с командиром бросил Бог.
И мы лежим в крови и пыли,
Мой командир лежит без ног,
А я – простреленный навывлет.
Какая встала тишина
Под небом грозного Саланга!
Лежит десантный старшина
И я – совсем ещё салага,
Познавший в жизни до конца
Всё, что положено солдату.
Смотрю остатками лица
Туда, где лопнула граната.
Такая встала тишина
Под небом грозного Саланга,
Что слышно – шепчет старшина,
Что слышно – слушает салага:
– Земеля, живы мы опять,
Ещё тельняшечки доносим!
И вспоминает грубо мать
Того, кто нас сегодня бросил.
И шевелится пыльный рот,
И ветер по ущелью носит:
– Сейчас придёт за нами борт,
Ребята точно нас не бросят!

И вот уже ревут винты
За нами посланного борта!
Открыв глаза и скомкав рты,
Лежим –
 воздушная пехота.
Нас с командиром бросил Бог.
Лежу, простреленный навывлет,
А командир лежит без ног,
Нас с ним вчера ещё убили.

СО СВИДАНЫЦЕМ

Сидит на облаке солдат
Чуть-чуть левее Бога.
Ну, здравствуй, брат!
Ну, как ты, брат?
Обнимемся, Серёга!

А я в санбате, я в бреду
Лежу, наверно, с пятницы,
Давай-ка, думаю, зайду
По-свойски на свиданьице.

Давай-ка двигайся, солдат,
Я так устал с дороги.
Поклон тебе от всех ребят
И курева немного.

Ты не смотри, что вся в пыли,
Открой, Серёга, фляжечку.
Давай, чтоб крылья проросли
Не больно – сквозь тельняшечку!

Да вместе с Богом не гляди
В глаза мне виновато.

Сегодня сам смогу дойти
Без ног до медсанбата.

Сидит на облаке солдат
Чуть-чуть левее Бога.
Ну, что же, брат! До встречи, брат!
Обнимемся, Серёга...

У КАРТЫ

У карты Родины большой
Стою. И тем себя я жалую,
Что каплей крови, не чужой,
Своею я отметил малую.

На карте Родины моей
Для всех горит звезда столицы,
Но среди рек, лесов, полей
Мне малая сильнее лучится.

У карты Родины стою –
Огромная, не наглядеться!
И все же малую свою
Державы всей считаю сердцем!

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Слово камнем лежало в душе.
Слово чёрные корни пустило.
Слово телом себя возомнило.
Слово землю шевелит уже!

Слово землю пронзило корнями –
Горы вздрогнули с той стороны!
И из космоса стали видны
Прямо в солнце летящие камни.

Это всё не мерцающий бред!
А явление тёмной основы –
Зарождение чёрных планет
Из обычного чёрного слова.

ФЕЙЕРВЕРК

Сегодня мы праздник празднуем
На последние пятаки.
Белые, синие, красные
В небо шипят языки.

Не до старухи на паперти,
Тощей её сумы.
Нам нашептали: празднуйте!
И расстарались мы.

В небо фонтаны бьют
Белые, синие, красные.
Сегодня не подают,
Старуха, сегодня празднуют.

Вот-вот и по новой жахнет
Пламенем в небо вечное.
Чувствуешь, старая, пахнет
Серой и человечиной?

БЕЗУМНАЯ

Была безумною старуха.
Давно, с войны ещё была.
Тряслась и слышала вполуха,
И всё детей с войны ждала.

Сегодня спичек накупила,
Муку и соль. Без лишних слов
Взяла хозяйственного мыла,
Бог сколько ведаёт кусков!

Я провожал старуху взглядом,
А у прилавка в тишине
Печально прозвучало рядом:
– Опять готовитесь к войне...

Я ей помог.
– Спасибо, милый!
Всплакнула около крыльца,
И ласточки летали мимо
Её безумного лица.

Я с ней простился. Догорали
Глаза безумные как есть.
А мимо ласточки летали.
А может ангелы, Бог весть...

Вложил лишь несколько монет
В её протянутую руку.
Сказал: – Родная, больше нет...
И в след молилась мне старуха.

Подавал лишь несколько монет.
Слова сказал совсем простые.
Старуха мне смотрела в след...
Как смотрят дети и святые.

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Старый сад сегодня тих и болен,
Доверяет мысли мне о том,
Что с высоких льётся колоколен
Весть о светлом, тайном, неземном.

Где-то птица крикнула лесная
И тревожно стало на душе
Оттого, что осень расписная,
Может быть, последняя уже...

Видел я, что сад ночами плачет
И по небу ветками скребёт.
Только это, милые, не значит,
Что к нему цветенье не придёт.

Потому, любимые, живите
Так, чтоб я за вас всегда был рад,
А весною в гости приходите
В этот старый яблоневый сад.

Приходите в мае. Свет небесный
Хлынет вдруг. И грянут соловьи –
Это я вас встречу бестелесный:
– Здравствуйте, хорошие мои!

Что теперь от знамён и империй
Мне осталось? Ветла да жнивья.
Да чащоба, да тропочка зверья,
Да кладбище, где всё родовья.

Огородик, изба да поскотина,
Неудобья, окраина... Впредь –
Это, люди, и есть моя Родина,
За которую мне умереть.

Умереть?.. Я возьму завтра в руки
Всё наследство да дедов топор,
Да молитву у древней старухи.
Да пойду на соседний угор.

И покуда в уме да во здравии,
Да крещёный, как есть человек,
Заложу для остатков Державы я
Небывалый доселе ковчег.

Всё возьму я. Но веру и славу
Во главу я поставлю угла,
Чтобы крепко стояла Держава
И сияли её купола!

На земле лежало слово.
Поклонился. В руки взял.
И сказало это слово,
На меня взглянув сурово:
– Ты зачем меня поднял?

– Я без надобности, спроса
Пролежало столько лет...
На меня шумели грозы,
Наступали ноги босы
И затмили белый свет.

От земного праха слово
Я очистил и согрел.
Ты, сказал, всему основа,
Ты есть заповедь Христова!
Потому поднять посмел.

И спросило это слово:
– Если я в такой чести,
Если я всему основа,
Если заповедь Христова,
То по силам ли нести?

Я сказал себе и слову:
– И по силам и в чести!
А как есть всему основа
Ты и заповедь Христова,
Пособляй мне Русь спасти!

Просияло это слово,
Слыша искреннюю речь.
И поверило мне слово.
И, как русская основа,
Прозвенев кольчугой с плеч,
Обратилось в щит и меч!

ВОПРОС О ПЛАЧЕ

– А слёзы – мужская ли доля? –
Спросил я у Родины вдруг.
– Мужская... – Ответило поле.
– Но более верная – плуг!

Мужская... Задумалась воля.
Но если – разруха да сечь,

То мужа первейшая доля
Доспехи и праведный меч!..

Лишь матушка мудро молчала,
Дорожную ладя суму.
Мне это молчанье кричало!
Что плакать найдётся кому.

ПРОЗА

Николай Иванов,
полковник запаса

Николай Фёдорович родился в 1956 году. Окончил Московское суворовское военное училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году был направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, освобождён через 4 месяца в результате спецоперации. В качестве корреспондента принимал участие в освещении событий в горячих точках – во время грузино-осетинской войны 2008 года, событий в Крыму, на Донбассе, в Сирии. Награждён медалью «За возвращение Крыма», «Участнику военной операции в Сирии».

Председатель правления Союза писателей России. Автор более 20 книг прозы и драматургии («Вход в плен бесплатный», «Чёрные берега», «Наружка», «Шторм» начать раньше», «Новеллы цвета хаки» и др.). В Уссурийске и Брянске шли его театральные спектакли.

Лауреат литературных премий имени Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», «Прохоровское поле», «Золотое перо границы», ФСБ России, «Большой литературной премии» и др.

АРТЁМ ВОЕВОДА – БОЕЦ РЕСПУБЛИКИ

Главы из повести

Глава 1.

Нулевой день войны

– Хочешь почитать Чехова?

Майор, увешанный оружием так, словно собирался воевать вечно, выставил книгу пьес на остаток кирпичной стены.

– Самостоятельная, сама стоит, – не забыл похвалить автора за толщину написанного.

Практически не целясь, с разворота выстрелил из пистолета в книжную мишень. Три сестры, безмятежно гулявшие в белоснежных платьях по центру обложки, кувыркнулись припудренными носиками в пыль. Артиллерист, словно за шиворот, поднял их двумя пальчиками, пролистал пробитые страницы. Отвесил щелбан пуле, застрявшей посреди книги и оказавшейся виноватой в плохой грамотности стрелка:

– Вот так становятся двоечниками. Попробуешь?

Протянул пистолет Артёму – единственному зрителю, сидящему в импровизированном летнем театре на снарядном ящике и пытавшемуся ловить головой тень от флага. Обтрёпанный ветрами, выгоревший на солнце, тот вяло плескался на флагштоке в таком же выгоревшем, бледно-синем небесном озере, наполненном по краям пеной обла-

ков. Может, к ночи натянёт на дождь? Народ ждёт с середины лета...

По поводу оружия офицер явно шутил: кто доверит его незнакомому человеку, даже если это пацан?

Но «Макаров» пусть и замедленно, с долей сомнения у хозяина, перековывал к Артёму. Было бы совсем странно, не выуди артиллерист тут же из-за ремня себе увесистого «Стечкина», по убойной силе и скорострельности способного трижды перестрелять «Макара», – стрелковому оружию, как болезням, дают имена их прародителей. С улыбкой поставил его на поднявшегося с ящика парня: не вздумай баловать, не подводи меня. Скорее всего, где-то в мирной жизни у него остался сын, по которому майор скучал, и общение с задержанным около боевого охранения пареньком просто заглушало тоску по дому. Кто их знает, этих людей с оружием: скучая по своим детям, легко убивают чужих...

– Мне бы жратвы бабуле раздобыть, – Артём кивнул на рюкзак, из которого при обыске выпотрошились нехитрые деревенские пожитки. А пистолет приятной тяжестью оттягивал руку, просился в дело. Если и впрямь попробовать выстрелить в артиллериста, успеет тот нажать курок в ответ?

Отгоняя соблазнительные мысли, Артём втянул носом сытные запахи от костра, огненными языками шлифовавшего дно висевшего на треноге казана.

– Жратва у «нациков», – майор кивнул на лесополосу, где на фоне пожухлой листвы развевался чёрный флаг с остроконечной свастикой. Батальон «Азов» – только они могли позволить себе демонстративно признаваться в любви к Гитлеру. – Это они грабят местных, а у нас казённый сухпай. Но голодным не оставим, – повторяя парня, втянул запах куриного бульона. Подмигнул, выдавая военную тайну: – Всё, что отошло от дома на сто метров, считается диким и подлежит уничтожению. Огонь!

Пуля Артёма пролетела высоко над головами сестёр, но они, напуганные первым выстрелом, сами от страха повторили предыдущий кувырок. Артём с сожалением вернул оружие – не умею...

Майор по-детски улыбнулся своему превосходству и, демонстрируя новые возможности, вытащил из чехла финку. Теперь уже тщательно нацелившись вытянутой рукой в щит из снарядного ящика, метнул в него нож. Остриё впилося в нарисованный углём круг, заставив бабочкой трепыхаться чёрную с заклёпками рукоятку.

На этот раз Артём, опережая майора, услужливо обошёл столик с разложенной на нём картой, не без усилий вытащил нож из выщербленных досок. Повторяя какого-то героя из какого-то фильма, поцеловал лезвие – холодное оружие настоящим джигитом без нужды не вытаскивается, только для боя. Если его не случилось, то извинись перед сталью поцелуем и верни в ножны для следующего раза.

Артём принёс финку с уважением к хозяину – инкрустированной рукояткой вперёд. Майор одобрительно кивнул, в ответную благодарность окликнул повара, пританцовывающего от жара у костра:

– Петро. Нам би з гостем трошки перекусити. І туесок збери, ніж багаті.

Военные легко переходили с русского на украинский и обратно, хотя именно из-за языка, по большому счёту, и началась война на Донбассе. С требования Киева говорить всем только по-украински. Или язык всё же был ни при чём?

А суп оказался отменный. Артём не помнил в своей жизни случая, чтобы бульон варился сразу из нескольких кур, а мясо к столу подавали не мелкими ощипками, а в отдельной миске: бери сколько хочешь, хоть три ножки. Но он возьмёт две, чтобы потом, как будто в первый раз, взять ещё и кусочек белой грудки – мясо из ниточек, как говорила мама. Больше съест он – меньше останется врагу. Для полного

счастья оставалось выцганить пистолет. Это майор думает, будто перед ним мазила-малолетка. А на последних соревнованиях он, Артём Воевода, перестрелял по очкам даже командира блокпоста. Вовремя крёстный научил коптить спичкой слепящую глаза мушку...

– Что, понравилась игрушка? – майор, перехватив взгляд парня на кобуру, вытащил «Макарова». Погладил костяную рукоятку с частым рубчиком, предусмотренным от скольжения в потных ладонях стрелка. У оружия ничего случайного нет.

– У нас на улице у многих что-то имеется. А у меня только рогатка, – посетовал на неустроенную жизнь во время войны без оружия Артём. Намекнул доброму артиллеристу, как обойти закон: – Пацаны сбивают номера, и никаких следов. Зато чужие к нам не суются. Знают, что получат по мордасам.

– И это правильно, – неожиданно поддержал народную самооборону майор, подвинув к столику, сколоченному из досок всё тех же снаряжных ящиков, плетёное кресло. – Само оружие, брат, ни в чём не виновато. За всё отвечает тот, кто стреляет из него.

Повертел «Макарова» и, не вернув в кобуру, оставил лежать рядом на ящике. Стоявшие тут же автомат и гранатомёт словно подтверждали слова Артёма: если на улицах сёл и городов оружия выше крыши, то что говорить про боевые позиции на фронте.

– Как супец? – опустошивший свою тарелку майор отвалился на спинку плетёного театрального кресла. Может, и впрямь на пути артиллеристов попался какой-то театр, и теперь командир, войдя в роль главного героя, сытно развалился пусть и перед единственным, но зрителем.

– Вкусно – ум отъешь. Первый раз за войну наелся, – почти не соврал Артём. Вычистил корочкой хлеба тарелку: – Где помыть?

– Ты у меня в гостях, – не разрешил артиллерист, доставая сигарету.

Артём суфлёром вытащил спички – крёстный дядя Степан уже несколько лет собирает их коллекцию. А то где бы мог узнать, что существуют коробочки с ноготок на пару спичек, а есть коробка и на две тысячи штук. А треугольные коробки вообще впервые у него увидел, как и круглые, словно под девичью пудру. Нашлась даже стеклянная упаковка в виде банки. А спички на пластинах, отламывающиеся поштучно? А каминные спички в два пальца толщиной? Повторяющиеся в коллекции образцы крёстный охотно дарил Артёму, что сейчас и пригодилось для демонстрации уважения пану майору, – поджечь сигарету горячей на любом ветру и даже под водой охотничьей спичкой. Да ещё можно поделиться с ним половиной коробка в благодарность за обед.

Майор охотно принял подарок, высыпал спички в пачку к сигаретам. И, наконец, признался в понятном:

– Авось и моего сына кто-то покормит в случае чего.

Артём же огляделся, благодаря взглядом приютившее его место: наблюдательный пункт со стереотрубой, выпущенным удавом неподвижно осматривающей местность, столик с придавленной камешками картой. Пересчитал хоботы орудий с наброшенными на них кусками маскировочных сетей, штабеля снарядных ящиков. Поклонился командиру:

– Спасибо, пан командир, – на новый лад обозвал майора. Офицер дёрнулся на неожиданное для себя обращение, но промолчал. Не поправил. Значит, привыкает. Начинает нравиться быть паном... – Мне пора. Пока доберусь до дома, и комендантский час наступит.

Кашевар уже наполнил супом банку из-под огурцов, обмотал её тряпицей от случайных ударов, помог уложить подарок в рюкзак. Незаметно для командира запихнул ещё

что-то наверняка вкусное на дно сидра, подмигнул. И впрямь соскучились мужики по семьям...

Пан указал в сторону чёрного флага:

– Туда не вздумай нос совать. Отмороженные на всю голову. Если б не они, давно бы закончили эту канитель.

Это была уже политика, за которую на Украине карали тюрьмой и пытками, поэтому вернулся к отцовству и наставлению:

– А ты не вздумай бросать учёбу. Не повторяй дураков.

Прижал к себе Артёма, поцеловал в макушку. Подтолкнул в рюкзак. – Иди, не мешай нести боевое дежурство, не расхолаживай воспоминаниями.

Некоторое время грустно глядел парню вслед. Потом поднял книгу, перелистал пробитых «Трёх сестёр». Оглядел остановившую пулю страничку, с которой начиналась новая пьеса – «Вишнёвый сад». Заглушая тоску по дому и сыну, попробовал читать. Действие постепенно увлекло, и майор, приказав повару принести чаю с вареньем, тоже «ушедшим» прямо в банках за сто метров от села и потому по законам военного времени конфискованным, уселся в перенесённое под масксеть кресло – и продувает, и не печёт голову. Тень от одноногого флага попробовала потянуться туда же, да только командиру, похоже, было не до него, зовущего в бой за чистоту украинского языка: увлечённый чтением русского писателя, превратился из вояки в добродушного мужичка, улыбающегося уголками губ.

Артём же, едва скрывшись за кустами-самосевками, сделал крюк к лесополосе, идущей вдоль линии электропередач к чёрному флагу. «Азовцы» веровали в свою неприкасаемость, постов не выставляли, и Артём от акации к акации, от клёна к клёну, от кустов маслины снова к клёну, вытеснившему всё вокруг, подполз к лагерю боевиков на расстояние различаемых голосов. Затих. «Нацики», если поймут, за обеденный стол не пригласят, скорее, поставят

вместо мишени. Так что на случай задержания снова придётся прикинуться голодной овечкой, а банку с супом лучше выбросить. Он грибы собирает. Вон, стайка рядовок в надежде на дождик вылезла.

Сорвал несколько бледно-розовых шляпок, распахнул рюкзак и обомлел: поверх укутанной банки лежал пистолет. Майор? Всё же подарил?! А патроны? Оружие без них – кусок металла, которым лишь заколачивать гвозди.

Выдавил магазин из рукоятки. Пять золотоголовых братьев-близнецов подпирались снизу тугой пружиной, готовые нырнуть в ствол, подставиться под боёк и, воспламенев, умчаться на простор. И неважно, кто окажется на пути – «Три сестры» Чехова, «Идиот» Достоевского, «Война и мир» Толстого или даже они сами. Лишь бы освободиться от мёртвой металлической хватки, вырваться из темноты, запаха гари и смазки, расправить плечи, вздохнуть вольно, умчаться на скорости вдаль. Что будет потом, после выстрела, – про то неведомо, ещё никто не возвращался из заствольной жизни. Но не для того же они появились на свет, чтобы вечно жить взаперти! Как говорят много повидавшие солдаты: лучше сгореть, чем сгнить...

Самому Артёму вообще-то без грохота и спецэффектов требовалось возвращаться на блокпост, в своё подразделение, доложить о высмотренных значках на карте майора. Наверняка пригодится и себе в оправдание! Утром удалось обмануть часового, что якобы по приказу командира отправляется в свободный поиск по тылам противника. Собственно, так и получилось, результат есть: скатертью-самобранкой расстелилась под носом, на пути к мишени для метания ножей, карта с нанесёнными на неё боевыми позициями артиллеристов. Майор-артиллерист, конечно, добрый для жизни, но глупый для войны. Война – время закрытых ушей, глаз и рта.

Только Артём шёл в этот район не ради карты артиллеристов. У них нет миномётов, а ему нужны конкретно

«Васильки». Столько красивых букетных названий придумано орудиям – «Гиацинты», «Тюльпаны», «Гвоздики», «Акации», а ему бы отыскать позиции самого простенького синего полевого «цветка». Потому что вот уже несколько месяцев из этого района каждое воскресенье вылетают шесть «васильковых» мин. Ровно в 6 часов вечера, словно отбивая время вслед за курантами Спасской башни Московского Кремля. В первое воскресенье мая одна из таких мин-курантов прилетела к ним в огород, где мамка поливала проклюнувшиеся на грядке огурцы...

Не стало мамки, засохли огурцы, прошло лето, самого Артёма крёстный прописал сыном полка к ополченцам, а какой-то маньяк продолжает упорно, как по расписанию, извещать выстрелами о нулевом дне – воскресенье. Сегодня как раз оно. И потому Артём здесь. И скоро 6 часов вечера. И у него появляется возможность высмотреть, откуда и кто стреляет. Скорее всего, это нашёл себе забаву «Азов». Теперь осталось увидеть, где позиция. Никто никогда так близко не приближался к фашистскому батальону...

– Микола, напиши «С пер-рльшим вер-рлесня». Нехай життя повчить, а не р-рлоссийску мову, – выделился в вялом гомоне лагеря властный командный голос, спотыкающийся о буквы «р».

Кто там и кого хочет поздравить с первым сентября? Чем поучить жизни взамен русского языка?

Артём выбрал клён потолще, допрыгнул до сучьев, полез наверх, пока не закачалась верхушка. Рискуя сорваться, раздвинул ветви с резными листочками. За ними увиделись искажённые маревом жаркого дня фигуры солдат. Однако стоило взглянуться, и распознал боец, сидящий с кисточкой перед минами-крылатками. Это они – подарок к первому сентября? Они – вместо русского языка?

Командир окликнул несколько солдат, те взяли по надписанной мине и направились к узкоколейке, тянувшейся от террикона. Шестеро! Оно! Пока всё сходится.

Обдирая живот и руки о кору и сучья, соскользнул вниз, выхватил припрятанный в траве вместе с банкой супа пистолет. С усилием сдвинул вниз флажок предохранителя, передёрнул затвор, загоня старшего золотистого братца в ствол. Артём пока не знал, что станет делать, следует ли вообще приближаться к «нацикам», не хуже майора-артиллериста увешанных оружием. Эти ведь стреляют не по книгам, а сразу по людям. По его мамке точно. 57 осколков насчитали врачи в ней! 57 из стандартных 400. Он изучил про «Василёк» всё!..

Дорогу к узкоколейке перекрыл ручей, уходящий под арочный свод выщербленного каменного мостка. Проскочив его застоявшуюся вонючую прохладу, Артём вырвался на открытый степной участок. Спасло, что вдоль бережка рос ковыль, и он сусликом высунул голову, отыскивая «азовцев» с минами.

– Швыдка медична допомога, – сравнил себя со скорой помощью командир, и по его голосу легко отыскалось место сбора миномётчиков.

К ним со стороны террикона, разгоняемая двумя бойцами, по рельсам уже ехала вагонетка. А на ней... на ней стоял миномёт. Короткоствольный «Василёк», давно распознанный по полёту мин крёстным дядей Степаном.

– Точно мой родной «Василёк» стреляет, два года наводчиком при нём состоял, – изучал он осколки от мин, вымеряя для гарантии у воронок углы прилёта снарядов.

Сделал даже рисунок миномёта, припомнив практически все детали. И стрельба совпадала – от 800 метров до четырёх километров. Не только по прямой, но и с навесом, из-за террикона. Теперь Артёму стала понятна причина, по которой ополченцы не могли засечь огневую позицию «часовщиков»: мини-бронепоезд! Стрельба каждый раз с нового места. И через полчаса мины с поздравлениями к новому учебному году полетят, возможно, в сторону его родной школы! Учителя, небось, как раз развешивают в классах

карты и плакаты. Им стопудово помогают Зойка и Валя Почечуевы, Костик Алимов, Славик Непейвода... Может, кто-то уехал и в Россию от обстрелов, надо сходить в школу, проведать ребят. А с одним пистолетом миномёт штурмом не взять. И даже если каким-то образом взорвать «Василёк» или просто вывести его из строя, «нацики» легко прикатят новый. Оружие, как сказал майор, само по себе не виновато в войне, за всё отвечает тот, кто стреляет!

И даже не он, а тот, кто даёт команду на открытие огня!

Командир с картавым «р»!

Миномётчики привычно и буднично загрузили на платформу боеприпасы. Оседлав, как ишачка, со всех сторон вагонетку, покатали на ней вдоль электрических столбов. Выбирать огневую позицию? Только вот Артёму не то что догнать стрелков, высунуться из сусликового укрытия не представлялось возможным: картавый командир остался сидеть рядом с насыпью на деревянном чурбачке. Вытащил из нагрудного кармана мобильную рацию, глянул на часы. Артём торопливо сверил свой циферблат: до выстрелов ещё пятнадцать минут. Если ровно в 18 часов прозвучит по рации команда на стрельбу, то на топчане – точно он, убийца его мамки.

Стал подползать к картавому поближе, пока не оглох от собственного слишком громкого дыхания. До выстрелов – 7 минут. Он тоже приготовится. Спасибо майору. А номер на пистолете сбит. Украинская армия сама замечает следы? «Азовец» спокойно курит, сбивая пепел постукиванием пальца по отставленной в сторону сигарете. На чёрной майке по спине надпись огромными буквами «АЗОВ». Заглавная «А» напоминает мишень артиллериста для метания ножей. Прямо под левой лопаткой, где сердце. У него, Артёма Воеводы, финки нет, но на последних соревнованиях он и впрямь победил командира блокпоста, выбив две де-

сятки из трёх. А сейчас у него в пистолете целых пять патронов.

Три минуты до традиционных шести выстрелов. Не война, а сплошная арифметика. Для первоклашек. Только вот школу сейчас разбомбят. Две минуты! А часы мамкины. Когда после взрыва он подбежал к ней, она, не моргая, смотрела прямо на солнце. Он затормошил её, потом приложил ухо, чтобы послушать сердце, но тиканье часов на оказавшейся рядом руке заглушило все остальные звуки...

Едва картавый поднял рацию, Артём подставил под рукоятку пистолета вторую ладонь. При стрельбе с двух рук отдача меньше, а это важно, если придётся стрелять повторно. А он будет. За мамку. В эту ненавистную букву «А». Она легко легла в прорезь прицела.

Совсем не вовремя на мушку опустилось солнце. Забалансировало на её отполированном острие, словно девочка на шаре. Сейчас бы закоптить горячей спичкой мушку, как научил крёстный, но вдруг не вовремя! А глаз уже заслезился, совсем некстати стал стекать ещё и пот по спине и со лба. Выгораживают убийцу, спасая от мщения? И когда показалось, что ещё и часы остановились, «азовец», наконец, поднёс к губам рацию. Он!

Больше не раздумывая и не сомневаясь, прерывая картавый приказ на открытие огня, опережая вылет мины-крылатки с белой надписью «С першим вересня», Артём нажал на курок.

Командир миномётчиков, словно повторяя книгу Чехова, взмахнул руками-страницами и кувыркнулся с деревянной сидушки в железнодорожную гальку. Артём стрелял в неподвижное тело, пока пистолет желторотым птенцом не распахнул рот от недостатка пищи. Отбросив ставшее бесполезным оружие, Артём рванулся назад. По ручью. Под аркой. Вдоль линии электропередач. В лесополосу. У своего кленового наблюдательного пункта подхватил рюкзак. Тряпки, словно сползшие чулочки, оголили крутые колени

суповой банки и, теряя секунды, забрал и гостинец кашевара. Задирая ноги в высокой траве, рванулся прочь от автоматных очередей, раздавшихся у железной дороги.

Глава 2.

Арестовать и выдворить в Россию

День окончательного окончания лета не радовал бойцов «Тэшки». Т-образный перекрёсток, у которого обустроился блокпост ополченцев, просматривался на все три дороги, и ни на одной из них даже в бинокль не виделось ни своих, ни чужих.

Нет радости на войне, если не возвращается с задания разведка. К тому же ушедшая в тыл врага самовольно, без приказа. Да ещё в возрасте четырнадцати лет.

– Лично расстреляю, – ласково-ласково, безнадёжно-безнадёжно шептал грузный командир «Тэшки», прошаривая в бинокль четвёртую сторону – нейтральную полосу в триста метров, которой международные наблюдатели разъединили воюющие на Донбассе силы. Эдакая «серая зона», где словно пропало время.

Но именно туда и ускользнул под покровом утреннего тумана Артём. И вернуться, скорее всего, может с этой, вражьей стороны. Всё бы ничего, не впервой, но сегодня вместо традиционного «василькового» обстрела Республики там слышна внутренняя суматошная автоматная стрельба. И это наверняка связано с Артёмом.

– Ничего, Василь Матвейч, ничего, – на правах одногодка назвал командира по имени-отчеству грызущий спичку Степан Самойлов. Корил себя, что привёл крестника на блокпост после смерти матери. Опекал всё лето, а перед самой школой, выходит, не усмотрел. – Он в лапти кого хочешь обует, – продолжал уговаривать скорее себя, чем начальника, в благополучном исходе дела. – Он и в мирной

жизни ничего не боялся. Ни деда с бабой, ни матери, ни ремня, ни крапивы, ни хворостины. Боец. Но по шее надаю.

Пока же отпихнул Шнурка, по собачьей настырности лезшего по ноге со дна траншеи, чтобы заглянуть в глаза и поинтересоваться, где пропал его хозяин.

О подзатыльниках Артёму мечтал и часовой, поверивший ему на слово и пропустивший через боевое охранение, а в итоге получивший от командира за ротозейство по первое число. А с каждым часом отсутствия разведчика – и по второе, и по третье...

Всем хотелось поторопить время, но через день в этом мире никто ещё не перепрыгнул. Это Шнурок может переспать любое время и спокойно пойти по собачьим делам, не спросив ни часы, ни день недели...

– Собирайся, – вдруг приказал командир Степану. Тот с готовностью перебрал в руках автомат: да, что-то надо делать. – Поедешь в Москву.

Самойлов недоумённо впился взглядом в «Матвея», поневоле вспомнив субординацию и позывной командира. Какая Москва? Она отсюда, из окопов «Тэшки», по своей недосыгаемости могла соперничать хоть с Луной, хоть с Марсом.

Василий Матвеевич не стал интриговать:

– Там в Генштабе у меня товарищ служит. Я уже просил его пристроить Артёма в суворовское училище. Зацепка-то у него хорошая – родился в Москве.

– Вместе семьями на катере по Москве-реке... Турпоездка от шахты... – вспомнил Степан то давнее время. Поэтому, собственно, и стал крёстным, что носился по Москве вместе с Колькой Воеводой, вдруг ставшим раньше срока отцом, в поисках всего необходимого для роженицы и малыша. Как далеко ушло время! И Колька, дурак, ушёл из семьи, погнавшись за длинным рублём вахтовика в Сибирь, и войны не было, и Ирина не имела таблички на кресте. Не

было, собственно, и разницы, кто где родился и на каком языке говорил...

Новая вспышка стрельбы за «серой зоной» вернула к реальности:

– Но ведь сбежит, стервец.

– А ты зачем? Передашь с рук в руки.

Строили планы и козни так, словно Артёмка сидел в столовой и ел кашу...

А он, путаясь в жёсткой траве, из последних сил бежал к террикону. Там в норах-копанках, накрытых местными жителями в поисках металла, в обильных зарослях белой акации, которую чуть ли не с первого класса они высаживали для укрепления породы, в зарослях полыни можно спрятаться. Только вот огонь автоматов приближался слишком быстро. А если «нацики» заведут ещё бронетранспортёры... Это для артиллерии они алюминиевые танки, но скорость-то по бездорожью у них непревзойдённая. Догонят...

Нога подвернулась, и он со всего размаха, не хуже расстрелянных чеховских сестёр вкупе с командиром миномётчиков, ткнулся носом в землю. Она щедро, словно Артём был скаковой лошадью и требовал подкормки, сунула ему в рот охапку ковыля. Отплёвываясь, порезав язык и губы острыми лезвиями стеблей, со страхом осознал, что далеко ему не убежать. Ни от БТР, ни от автоматчиков не улететь на ковре-самолёте, не скрыться в тайных подземных ходах. Даже утреннего тумана нет, не говоря уже о дымовой завесе...

Встрепенувшись от озарения, захлопал по карманам. Спичечный коробок оказался на месте! Ура, что пожадничал и не подарил его весь в порыве благодарности майору-артиллеристу.

Широким охватом наклонил звенящие от солнечного накала иссушённые стебли. Поднёс спичку к коричневым ковыльным метёлкам. Те охотно подсунулись под огонь, затрещали бенгальскими искрами, по-новогоднему щедро

делясь пламенем с соседями. Ветерка вполне хватило для поддува, несколько огненных разгоревшихся языков даже бросились по-детски неистово обниматься с хозяином, и успешему услышать треск подпалившихся бровей Артёму пришлось отмахиваться от всполохов, как от назойливых слепней. Зато изнывающей от жары степи приспело в радость изменить опостылевшую от однообразия жизнь. И роли уже не играло, ливень обрушится сверху или пойдёт гулять по её просторам пожар.

Артём пробежался со всепогодными спичками, поджигая всё новую и новую траву и придавая огню нужную линию и направление. Пожар оказался верховым, нижняя трава, ещё сохраняющая некоторую зелень и островки белёсой полыни, только дымила, но это как раз и было важнее всего. Террикон манил защитой, его срезанная верхушка говорила о том, что вокруг него живут люди. Крёстный разъяснял, что пики сравнивают, уменьшая высоту выброшенной из шахты породы, чтобы не платить жителям за превышение экологических норм. Но там и надежда на спасение!

Однако беглец нашёл в себе силы отвернуть от горы и податься вновь к лесополосе, тянущейся от лагеря «Азова». К самому её хвостику, где в редком ситечке деревьев его точно искать не станут. Полезут именно в заросли акации и в копанки, в гаражи и частный сектор. А он дождётся темноты и спокойно выйдет к своим. Вот Матвейч обрадуется добытым сведениям...

«Матвей» захлопнул наручники на запястьях Артёма, едва того с обгоревшими бровями, с красными от дыма и бессонницы глазами и распухшими от порезов губами привели в штаб после полуночи.

– Запереть! Не спускать глаз! – взревел вместо «здравствуй» и обниманий.

– Я супчика принёс, бульончик, – растерянно пролепетал парень, но подарок ещё больше разъярил командира.

– Какой к чёрту супчик! – грохнул он кулаком по столу. Неизвестно по какой взаимосвязи качнулась на проводе и замигала лампочка, заставив присутствующих замереть, успокаивая разбушевавшиеся руки начальника. Даже прыгавший рядом от счастья Шнурок плюхнулся на поджатый хвост. – Нервы в ошмётки и язву желудка ты всем нам принёс, а не бульончик!

– Товарищ командир...

– Я командир для тех, кто исполняет мои приказы, а не самовольничает! Под арест!

Ах, так – сжал до боли Артём губы. Если б они знали, где он был, что видел и испытал! Его сто раз могли убить «нацики», а он сам отправил на тот свет воскресного картавого маньяка. Что же сами этого не сделали за всё лето? Но теперь он ничего никому не расскажет. И про карту артиллериста тоже, потому что майор – нормальный мужик и предавать его западло, хоть он пан и враг. А утром, когда у командира кончатся психи, он уйдёт со Шнурком на другой блокпост. Или перейдёт линию фронта и станет воевать один. Справится. И получше, чем под чьим-то присмотром...

Силы и мысли кончились, едва голова коснулась подушки, а собака свернулась чутко сопящим калачиком у живота. Он даже не услышал и не почувствовал, как запанцирил по крыше долгожданный дождь, как сняли наручники и укрыли одеялом вместе со Шнурком. Спал как убитый, без эмоций. Мог, возможно, проспять целые сутки, но общий подъём на блокпосту – он и для арестантов един.

Вошедший в землянку крёстный выпустил собаку, протянул Артёму миску с подогретым трофейным супом. Тот потянулся за ложкой, но в памяти всплыл холодный ночной приём и он демонстративно задвинулся в угол нар. Он не станет ничего есть, пока... пока... Командир, конечно, извиняться не станет, и по большому счёту, он прав. Но арестовывать как жулика или предателя...

– Ешь давай, – не принял обидчивого выражения лица дядя Степан. – Дорога дальняя.

– Какая дорога?

– Асфальтовая. Едем в Москву. Спички покупать. Вон, осень наступила, для костров потребуются...

Прозвучи известие в другой день, можно было подпрыгнуть от радости. Но сейчас Москва готовила подвох, таила опасность, и никакие спички ситуацию не спасали. Поэтому никуда он не поедет. К тому же надо посмотреть, не заменит ли кто картавого в следующее воскресенье. Вдруг найдётся новый желающий продолжить традицию? А кто знает, где и как это происходит? То-то. А он, если надо, вновь доберётся до узкоколейки и уничтожит любого, кто попробует отдать команду на стрельбу. А ещё научится метать ножи и тогда пусть попробуют взять его...

– Я не поеду, – сообщил крёстному Артём. Под арестом вечно держать не станут, в конце концов, подкоп сделает. А кто хочет, пусть едет хоть в Москву, хоть в Киев. Он же сам решит, чем заниматься.

Утвердиться в принятом решении не дал протиснувшийся в землянку командир. Опережая вернувшегося Шнурка, присел на нары, отдышался, обнял Артёма и дружески похлопал по спине. Но затем снова захлопнул наручники потерявшему бдительность подчинённому. И подтолкнул к двери: пора!

Обманывая шедший всю ночь дождь, солнце растолкало локтями тучи и на несколько минут прорвалось в окопы, пулемётные гнёзда, ходы сообщения. Рискуя получить по лбу обитой войлоком дверью, попыталось даже заглянуть в землянку: я здесь, меня рано списывать со счетов. Ещё почти лето, ещё можно смотреть на мир с улыбкой.

Однако выстроенный перед землянкой личный состав «Тэшки» смотрел на Артёма с сожалением.

– Товарищи, – не давая подчинённым времени на разговоры, командир приобнял парня. Тот дёрнулся, освобож-

даясь от лживой командирской заботы, но «Матвей» пальцев не разжал. – Вспомним: сегодня первое сентября. Давайте поздравим Артёма с началом учебного года.

– А наручники при чём? – раздалось из строя. Ополчение – это не воинское подразделение, бойцы взяли в руки оружие по внутреннему убеждению, а не по призыву. И таким не прикрикнешь, чтобы отставили разговорчики в строю!

– Гав, – подтвердил недоумение с левого фланга строя и Шнурок.

– А Артём сам попросил, – пальцы командира сжались на плече арестанта так, что тот присел от боли и согласно закивал. – Знает, что по своему характеру может сбежать даже от крёстного. Но при этом он умный парень и прекрасно понимает, как важно учиться. Война когда-то закончится, и Республике потребуются грамотные офицеры, способные защищать её, когда мы с вами уйдём на «дембель». Вот Артём Воевода и попробует поступить в суворовское училище. Пожелаем ему удачи и... офицерского возвращения.

Ополченцы захлопали, заставив взлететь с веток птиц и перемяться застывшими лапами собачку. На дороге, как по сигналу, завёлся узик, Степан Ильич показал командиру синюю папку: документы готовы. Сослуживцы выстроились в очередь обнять отъезжающего счастливого, хотя и сжатого мёртвой хваткой командиром.

– Не обижайся, – впервые с вечера соучастно прошептал «Матвей» на ухо Артёму. Даже ослабил плечо. – Не подведи нас в России. Помни всегда: ты – боец Народной Республики! Пройди всё с достоинством. А мы... мы будем скучать за тобой.

За такие слова обнять бы Василия Матвеевича, но сцепленные оковами руки не развелись, вновь напомнив Артёму об его униженном положении. Неужели нельзя было по-человечески всё решить? Конечно, он бы всё равно

сбежал, но чтобы так, как шелудивого кота, изгонять с войны... Хорошо, вывозите, но на границе он всё равно даст дёру. Даже без документов из синей папочки. Мало ли домов и бумаг сгорело у людей во время обстрелов. Выпишут новые...

Ничего из происходящего не желал понимать лишь Шнурок, заискивающе заглядывающий в глаза каждому. Так и не выросший по размерам во взрослую собаку, пёс сердцем чувствовал тревогу хозяина. Перед посадкой в узик прыгнул на грудь Артёма, принялся лизать лицо, заскулил. Командир с усилием оторвал дворняжку, прижал барабанившие воздух лапы. «Но ведь всё хорошо, всё в порядке»? – вопрошали дрожавшие собачьи глаза.

– Всё хорошо, – вслух подтвердил «Матвей».

Шнурок не поверил, вырвался и помчал, истошно лая, за машиной. Не давая Артёму оглядываться, Степан Ильич привалил его к себе, закрывая уши.

– Ты жди, я вернусь, – прокричал в поднимающееся стекло Артём. Вырваться не получилось, он укусил волосатую руку крёстного, но тот перетерпел боль, не ослабил хватку. – Всё равно убегу, – пригрозил уже конвоиру.

Однако связи у «Матвея» оказались настолько высокие, что наручники крёстный не снял даже при пересечении границы. Пограничники что свои, что на российской стороне читали какую-то бумагу, улыбались и давали «зелёный коридор» конвойной парочке.

Ключик на «браслете» щёлкнул, разъединяя металлические кольца на запястьях, лишь когда уселись в автобус до Москвы. Прижатый к окну, Артём уткнулся лбом в стекло, не реагируя ни на слова крёстного, ни на подсовываемые бутерброды. Хоть в тундру вывезите, хоть в пустыню, он вернётся домой. При первой малейшей возможности.

Она случилась только в Москве на автовокзале! Уверовав, что крестнику отныне деваться некуда, Степан Ильич в ожидании открытия метро припал к киоску, высматривая

за стеклом диковинные коробки спичек. Прикинул непредвиденную растрату, внутренне согласился на неё и указал на коробок с тиснёной прессом этикеткой Кремля:

– Мне этот.

Клевавшая носом молоденькая продавщица попыталась дотянуться до товара через стеклянные полочки, порушила несколько витринных образцов и обессиленно опустила руки:

– Может, вам зажигалку дать?

Степан Ильич, опьянённый мирной Москвой, с улыбкой замотал головой:

– Не-е-ет, девушка, не могу. Меня попросили поджечь Московский Кремль именно спичками, а вы мне подсовываете зажигалку. Давайте уж достанем.

Достала. Но не успел любитель огня нарадоваться добычей, как ему на плечи легли сразу две руки:

– Гражданин. Пройдёте!

Дёрнувшийся из рук полицейских Степан Ильич ещё больше усугубил своё положение, и на глазах у Артёма ему в мгновение ока захлопнули на руках наручники. Это было смешно, потому что Артём знал: крёстный просто пошутил, с поджогом сейчас разберутся и отпустят. Но как всё быстро меняется в этой жизни! Одно неудачное слово, и конвоир сам превращается в арестанта...

Что объяснял задержанный полицейским, как умолял быстрее отпустить его, потому что приехал не один, но долго держать не стали, выпустив с действительно вежливым напутствием подобным образом в Москве больше не шутить.

Артёма ни в зале ожидания, ни у киоска, ни на перроне не оказалось. Помочь мог только закон потеряшек – возвращаться на то место, где виделись последний раз. Киоскёрша, узрев идущего к ней возбуждённого «поджигателя Кремля», начала судорожно искать глазами стражей порядка и опускаться под прилавок. Можно и нужно было напу-

гать бдительную девочку ещё чем-нибудь до смерти, но... но Москва не только слезам не верит, но и шуток не понимает. Полез в карман за оставшейся с дороги конфеткой, но и этот жест нёс для девочки угрозу, и она гильотиной опустила стекло в амбразуре окошка.

Смущаясь всеобщего внимания, Степан Ильич огляделся и спросил громко, сразу ко всем на станции обращаясь:

– Люди, кто-нибудь видел пацана в синей ветровке? Брюки цвета хаки. С Донбасса, – зачем-то уточнил адрес.

На слово «Донбасс» пассажиры среагировали, но и это не помогло выйти на след исчезнувшего бойца Республики. Пацан сказал – пацан сделал...

– Дурак, – прошептал Степан Ильич, и было непонятно, относилось это к крестнику или к нему самому.

Он откровенно не знал, что делать. Предупредить всех водителей о возможном пассажире? Или сначала добежать до метро, которое открывается через несколько минут? Но у Артёма нет денег и ехать ему некуда. Значит, будет прятаться и выжидать где-то рядом в кустах?

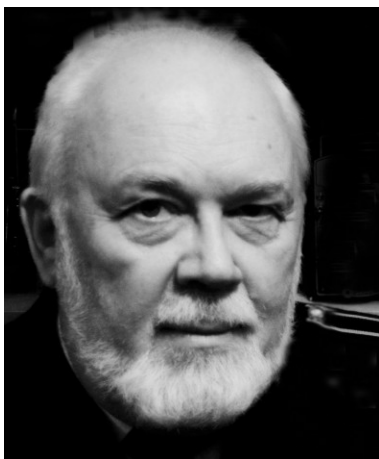
– А я думал, вы меня бросили, – раздалось за спиной, и Степан Ильич опустошённо прикрыл глаза. Нашёлся! Убить или обнять шутника?

Не оборачиваясь, чтобы не выдавать слёзы, повторил полицейского:

– Больше так в Москве не шути!

Народ на станции начал разбираться с вещами: метро готово было развезти гостей столицы в любом направлении. Посланцев Донбасса интересовал Генеральный штаб со станцией «Арбатская». Как будет здорово, если всё получится. Должно получиться, если идти по былям, то есть по правде жизни. Не с гулянок ведь приехали.

Здравствуй, Москва!

Николай Черкашин,
капитан 1-го ранга в отставке

Николай Андреевич родился в 1946 году в тех местах, где воевал в Первую мировую войну его дед, подпрапорщик 165-го Луцкого пехотного полка Михаил Соколов, и куда пришёл после войны полк его отца, освобождавший эти же края, – в старинном

городке Волковыске на реке Россь, затерянном в лесах гродненской пуши.

По отцу – из забайкальских казаков, по материнской линии – из тверских крестьян, по месту жительства – москвич, хотя в столице бывает лишь проездом, мотаясь по «великому морскому меридиану»: Полярный – Петербург – Севастополь. Именно с этими городами связан главный писательский поиск героев современного флота и потомков моряков минувших времён, порой забытых несправедливо.

В литературу о море Черкашин шагнул с борта подводной лодки, на которой служил вскоре после окончания аспирантуры Московского университета. К тому времени, когда вышла его первая книга «Соль на погонах», за плечами автора, молодого флотского офицера, были и опыт военного журналиста, и многомесячная боевая служба в Средиземном море, и даже тропы цыганского кочевья (в театре «Ромэн» несколько лет шла пьеса Черкашина «Табор без гитары»). Однако успех первой книги – она бы-

ла удостоена нескольких литературных премий – определило талантливое перо литератора, щедрое на самобытное слово, яркий образ, неожиданный сюжетный ход. Писательскому характеру Черкашина свойственно не только стремление вторгаться в «белые пятна» нашей истории, что особо отметил в своём последнем интервью ныне покойный Валентин Пикуль, но и гражданская смелость в разработке запретных в своё время тем.

КАЧКА

Рассказ

Это был самый короткий и самый мучительный мой морской поход. И быть может, самый опасный... Всего двое суток, но каких...

Поначалу дело казалось пустяковым: подумаешь, прошвырнуться в полигон на сутки на современном быстром корабле – малом ракетном корабле. Поэтому я без колебаний принял приглашение своего давнего боевого товарища, командира бригады ОВРа (охраны водного района) капитана 1-го ранга Олега Малышева совершить эту морскую прогулку вместе с ним. С Олегом мы познакомились на боевой службе в Средиземном море, когда он командовал морским тральщиком «Адмирал Першин». Малышев и предложил выйти по старой памяти в полигон – «подышать туманом, Арктикой и морем». После московской асфальтовой суши – милое дело!

И я, конечно же, с радостью согласился.

«Добро» на выход за боны было получено сразу, без проволочек. МРК выходит на фарватер Кольского залива малым ходом, но корпус корабля подрагивал от сдерживае-

мой до поры мощи. Я стою в тесной ходовой рубке, ловлю привычную переброску команд и докладов:

– Через минуту поворот на курс 340 градусов. Штурман.

– Есть штурман.

– Справа по борту цель. Разойдёмся правыми бортами.

– Есть, сигнальщик.

Знакомые мысы – Летинский, Цып-Наволок, остров Сальный.

С выходом из Кольского залива в открытое море – за начало, и весьма ощутимо. Так качает только малые корабли – разгульно, легко, лихо. И вот уже не до северных красот и не до воспоминаний с Олегом о былых походах. Потянуло в каюту, прилечь, принять горизонтальное положение. И то сказать, сколько лет не выходил в моря. Поотвык от болтанки. Пассажиру переносить качку труднее, чем члену экипажу, занятому делом. У тех, кто сейчас стоит на вахте, нет времени на внутренние переживания, они сосредоточены на исполнении обязанностей. Малышев с пониманием отпустил меня с мостика. Да и непогода разгуливалась не на шутку: три балла для МРК – всё равно, что шесть баллов для крейсера. Уже не просто качает вверх-вниз, справа-налево, а пошвыривает. То в правую скулу волна поддаст, то в левую... С трудом спускаюсь по трапу, прикладываясь плечами поочередно к переборкам, нахожу дверь отведённой мне каюты и ничком падаю на койку. Становится чуть легче, но не надолго.

Едва на ум приходит мысль о пластиковом пакете, забытым кем-то под столом, как рука уже тянется к нему и меня выворачивает прямо в него. А затем ещё один приступ, и ещё... Я пуст. Но безжалостная незримая сила снова сжимает желудок, как резиновую грушу.

Господи, какая связь между моим желудком, утробой моей и этим разгневанным морем?! Чтобы отвлечься, перебить спазмы желудочно-кишечного тракта, пытаюсь при-

помнить молитвы... «Молитву пролию ко Господу, и тому же вознесу печали мои, яко зол душа моя исполнится и живот аду прилижится. И молнося, яко Иона: от тли, Боже, возведи меня!»

Не действует... А какая прекрасная молитва! От тли, Боже, возведи меня. От тли...

Снова спазм, желудок пуст, выплёскивается только желчь...

По трансляции тревожная перебранка командира с механиком. Понимаю, заглох двигатель. Теперь качка ещё сильнее, корабль развернуло лагом к волне. МРК заваливается так, что меня уже выбросило из койки. Забираюсь в неё снова и расклиниваюсь ногами так, чтобы уже больше не свалиться. Интересно, какой у него угол заката? Если шторм усилится, то ведь так и перевернуться можно, оверкиль сыграть... Пугаю себя возможными кошмарами, но не действует, ничто не берёт эту проклятую пищеварительную трубку.

В такие минуты, часы и даже сутки отчётливо сознаешь биологизм человеческой природы. Ты ни что иное как 12-метровая пищеварительная трубка, которая начинается ротовой воронкой и кончается анусовым выбросом. Этот кишечный шланг упакован в твоё тело, словно анаконда в корзину, он снабжён глазами для поиска пищи, мозговыми полушариями, чтобы вырабатывать тактику поиска пищи и объекта размножения, ногами, чтобы догонять еду, руками, чтобы запихивать её в рот. И вот такие трубки вылезли из океана миллионы лет назад, превратившись с тысячелетиями в человекоподобные существа. И кто-то сказал, что человек – это звучит гордо. Хороша гордость – лежишь тут в скорченном погребении.

Что-то долго там возятся мотористы. Двигатель никак не могут запустить...

В каюту заглядывает озабоченный Малышев. С мокрой канадки стекают струйки. Намокшая овчина издаёт

премерзкую вонь. Под гланды снова подкатывает желудочная жидкость. Только не сейчас!..

– Хреново у нас дела обстоят... Полетел движок. Похоже, надо буксир вызывать.

Иллюминатор захлёстывает волна, точнее он уходит на крене под воду, и если бы рядом проплывал косяк, можно было бы увидеть и рыбок...

Малышев уходит на ГКП, подарив мне возможность порассуждать, что будет, если шторм усилится и буксир не сможет выйти в море, а если выйдет, то смогут ли подать буксирный трос.

Наш углый кораблик снова летит в пучину, на этот раз левым бортом и меня переваливает с койки на переборку... Качели, однако... Смотрю на циферблат: вот уже три часа, как мы без хода, а шторм, похоже, ещё только набирает силу. Надо бы встать и идти на мостик. Или в машинное отделение. Сыграна аварийная тревога, все работают, каждый на своём боевом посту. А я тут валяюсь, как куль с ветошью. Пытаюсь привстать – куда там! Крутой и томительно долгий крен... Вернётся ли МРК на ровный киль? Похоже, доплавался я... Кто мог подумать, что мой последний поход состоится на такой жалкой скорлупке? Ведь были и авианосцы, и крейсера, и подводные лодки, а тут – малый ракетный корабль.

Встаю, и снова падаю... А как же там мотористы в машинном? Ведь им гайки крутить надо, а то и сваривать что-то.

К вечеру шторм разыгрался до шести баллов. А буксира нет как нет...

Полное оупение. Мне всё равно, что с нами будет. Если уйдём на дно морское, значит, станет тихо, и это буйство утихнет. Эх, если бы МРК мог погружаться, как подводная лодка, хотя бы на час, на полчаса, лишь бы прийти в себя, ввести в меридиан полушария коры головного моз-

га... Дверь каюты распахивается, но не сама по себе. Комингс переступает Малышев:

– Ну, как ты тут?

– Пять баллов. – Хорохорюсь я.

– Да, пожалуй, тут не пять, а все шесть баллов. Море свежеет час от часу. Но за нами пришли. Сейчас подцепят за ноздрю и потащат в базу. – Грустно сообщает он. Мне же хочется радостно воскликнуть:

– Ну, наконец-то!

Но ликовать нельзя. Малышеву сделают мощный втык за потерю хода, за сорванные стрельбы... Он снова уходит на мостик.

Бабахнул линемёт. Буксирный трос завели с третьей попытки. Но ведь завели же! И буксир-спасатель, нет – спаситель! – потащил МРК в базу. Кораблик все ещё швыряло, но, наверное, уже не так сильно. Да и бортовая качка – самая противная – сменилась килевой. Как-никак, а идём против волны. Когда же ушли под остров Кильдин, а затем втянулись в первое колено Кольского залива, стало заметно тише. Я сумел подняться на ноги и выйти на палубу. Море кипело, белые барашки убегали за корму. Господи, только бы встать на ровную землю! Ощутить её твердь, её уверенную незыблемость – и я буду самым счастливым человеком на этой планете. Только бы добраться до берега! И остаться на нём навсегда, забыв про моря и океаны... Только бы снова ступить на столь милый сердцу московский асфальт!

Через двое суток движок на МРК отремонтировали, и я снова вышел с Малышевым в полигон «подышать туманом, Арктикой и морем» ... Дышим...

Баренцево море.

1986 г.

Александр Горопцев,
капитан в отставке

Александр Петрович – член Союза писателей России, председатель комиссии детских и юношеских писателей Московской городской организации СП России, председатель исторической комиссии МГО СП России, руководитель семинара по детской и юношеской литературе

в Литературном институте имени А.М. Горького, доцент.

Окончил МИЭМ в 1976 году. Работал мастером на радиозаводе, инженером в телецентре в Останкино, заместителем главного редактора в журнале «Школьный вестник» для слепых и слабовидящих детей. В 1994 году экстерном окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Писать начал в 1971 году. Первую публикацию получил в 1991 году. Первая книга вышла в конце 1994 года. Работал в Военно-художественной студии писателей МО РФ.

В настоящее время изданы 55 книг: исторического содержания для детей и взрослых по мировой, отечественной и московской истории, по мировой и отечественной военной истории, 5 книг прозы, а также книга «Лесков и Ницше. Сравнительное описание двух параллельных творческих миров».

Член жюри Литературного конкурса имени С.В. Михалкова на лучшее литературное произведение для подростков. Член Комиссии по при-

суждению Государственной премии РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Лауреат многочисленных литературных премий, всероссийских и международных, московских и подмосковных.

Имеет 35 литературных наград разного достоинства: премии, медали, дипломы. Последняя из них: медаль «За труды в военной литературе» Союза писателей баталистов и маринистов от 27 сентября 2019 года.

Медаль Министерства обороны Российской Федерации «За достижение в военно-политической работе». Приказ заместителя министра обороны Российской Федерации – начальника Главного военно-политического управления Вооружённых сил Российской Федерации от 12 февраля 2020 года № 21 за подписью генерал-полковника А.В. Картаполова.

Приз «Золотой витязь» за книгу «Стратегия Второй мировой. Восточный фронт (для 12–15-летних читателей. Москва, 2020. XI Международный славянский форум «Золотой витязь»).

Диплом за книгу «Женщины в Древней Руси» (Москва, 2020. XI Международный славянский форум «Золотой витязь»).

ПЕРЕВАЛЫ БОЛЬШОГО ХИНГАНА

Рассказы

Томарэ! Тэо агэро!

Советские танки спешили к Хайлару, крупному городу, железнодорожному узлу. На головной машине сидели снайпер-сибиряк, разведчик Курбан Азизов (таджик) и под-

полковник Васильев. Японцы, скрывавшиеся в гаоляне, высоких зарослях однолетнего травянистого растения семейства злаков, обстреляли танк. Снайпер мгновенно сориентировался, убил стрелявшего врага. Но через пару минут из гаоляна, прижимавшегося метровой зелёной стеной к дороге, содрогавшейся от тяжёлой военной техники, выскочил японец-смертник.

Обязанный минами, юркий, с дикими упрямыми глазами, он бежал, отчаянно петляя, к танку.

Курбан Азизов спрыгнул на дорогу и побежал навстречу врагу. Это был сильный, плотного сложения боец, настоящий пехлеван. Он прошёл с боями Украину, дрался под Яссами, в Венгрии, Австрии. Имел ранения. Солдаты и офицеры уважали его. Несколько ранений, боевых наград он получил до Маньчжурии.

Шустрый японец бежал к танку. Он не добежал до цели метров десять. Курбан прыжками мчался наперерез врагу, вдруг зло крикнул по-японски:

– Томарэ! Тэо агэро! (Стой! Руки вверх!)

Смертник вильнул в сторону. Но цепкие руки горцатаджика схватили его. Японец отчаянно бился в объятиях могучего противника, визжал, дрыгал ногами. Курбан спокойно приподнял его повыше и понёс как непослушного ребёнка в гаолян, подальше от танка.

Раздумывать советскому бойцу было некогда. Смертник в любой момент мог подорвать себя и его. Курбан ловким движением извлёк кинжал из ножен и точно в сердце смертника вогнал металл, затем аккуратно положил труп на траву, выпрямился.

И в этот миг раздались два выстрела. Японский снайпер из гаоляна выстрелил в героя-таджика, а советский снайпер, сидевший на танке, уколошил стрелявшего японца. Они выстрелили одновременно. И одновременно японский снайпер тюкнулся лицом в спелую траву и дёрнулся, словно от неожиданности, советский солдат, таджик, крупный человек, о таких на Руси говорят – человечище.

Он уже не жил, японская пуля пробила ему сердце. Но падать он не хотел, держался до последнего. Первыми устали держать Курбана его крепкие ноги, и он медленно, будто бы не веря в случившееся, в смерть, припал к земле, лёг боком, аккуратно уложив голову на японскую траву, оставив полуоткрытыми глаза свои чёрные-чёрные, добрые-добрые.

Такая сочная зелень у него на родине, в Таджикистане, бывает в апреле-мае. В долинах мак полыхает огнём, в предгорьях, на склонах трава буйно дышит, украшенная горным цветом. Много цветов в горной стране, на Крыше Мира. Мальчишкой бегал Курбан Азизов по горам да радовался этому многоцветью весеннему. Однажды на обвалившемся склоне, срывающемся в Душанбинку, он увидел одинокий чёрный тюльпан. Много тюльпанов можно встретить неленивому путнику на апрельских склонах предгорий Таджикистана. Самых разных цветов. Но чёрный тюльпан – большая редкость даже здесь.

Курбан Азизов лежал на мягком гаоляне, слушал голос земли, смотрел куда-то полуоткрытыми чёрными-чёрными глазами, мёртвыми, а рядом стояли спасённые им снайпер-сибиряк и офицер-москвич...

Похоронили героя под Хайларом.

Деревня Шурфовая

Японские кордоны были разгромлены быстро. Потомки самураев бежали в сопки, продолжили сопротивление на заранее подготовленных для борьбы узлах обороны. Деревню Шурфовую японцы укрепили очень хорошо. На окраинах и на окрестных сопках укрылись более 500 солдат и офицеров Страны Восходящего Солнца.

Советское командование создало из пограничников мобильные отряды. Они преследовали врага, не давали японцам опомниться.

Деревню Шурфовую, однако, взять лихим наскоком было невозможно. Она располагалась в нескольких кило-

метрах от реки. Таёжные сопки прикрывали её со всех сторон, не давали советским кавалеристам возможности осуществить стремительный манёвр.

Отряд пограничников форсировал реку глубокой ночью. А утром бойцы, спешившись, пошли в атаку, окутываемые тихим, неровным туманом.

Ефрейтор Виталий Фёдорович Козлов бежал впереди отряда и стрелял из автомата. В пылу боя он не заметил, что слишком далеко оторвался от своих. Японцы кричали ему: «Рус, стой!», а он бежал вперёд, стрелял, японцы падали, но было их много и было у них большое желание схватить смельчака.

Виталия ранило, но автомат его продолжал косить короткими очередями врага. Патроны кончились. В ход пошли гранаты. Но много гранат в атаку не возьмёшь. Кончились гранаты у бойца-пограничника, остался приклад. Хорошо он работал прикладом, много завалил японцев, но кто-то из них подкрался сзади и сильно ударил Козлова по голове. Он потерял сознание.

Японцы схватили пограничника, перенесли его в избу, крепко связанного. Затем окатили ключевой водой, и начался допрос. Сначала Козлова попытались купить. Мы тебе жизнь, деньги, свободу, ты нам – расположения и планы частей Красной Армии. Понимали японцы, что не устоять им перед натиском противника, что бежать надо. Но – куда? Но где находятся отряды врага, быстрого, как молния?

Ефрейтор молчал. Его стали пытаться, бить сапогами, прикладами. Он молчал. Его пытали калёным железом. Он молчал. Японцы выволокли его на улицу, привязали к дереву и началась пытка штыком. Кольнут в живот неглубоко и смотрят в глаза пограничника: может быть, заговорит да скажет, в какую сторону бежать им. Нет, не скажет. Коли, не коли – не скажет.

Виталий Козлов стойко переносил дикую боль, молчал, и в глазах его внимательный враг мог бы заметить меч-

ту, последнее желание. Если есть мечта, желание, значит, жив человек, значит, можно его пытаться, колоть штыками не очень глубоко.

Нет. Ефрейтор Козлов мечтал сейчас не о себе, не о своей жизни. Отряд у них был небольшой. Многие полегли в атаке. Но командир сообщил руководству о деревне Шурфовой. Нужна подмога. И быстрее. Чтобы японцы не сбегали, не закрепились на очередном рубеже. Здесь их нужно было уничтожить. Пусть пытаются, только чтобы не уходили они.

Терпел исколотый, избитый, израненный пограничник, не умирал, ждал, с надеждой смотрел на разъярённых японцев, с мечтой смотрел он в небо.

И, наконец, улыбнулся он, услышал рокот советских самолётов. «Не уйдёте! Всем вам здесь будет капут!» – подумал он, радостно наблюдая, как засуетились вдруг враги. Уже первые бомбы взорвались в окопах японцев. Уже паника охватила их. Уже бежали они, не зная куда, под пули пограничников... Один японский офицер подошёл к привязанному Виталию Козлову и со всей силы ударил его штыком.

Большинство японских воинов погибли в том бою, остальные сдались в плен. И быстро обмякли. Глаза в землю. Мы, мол, хорошие. Мы больше так не будем. Не убивайте нас, не виноваты мы. Точно так же, мгновенно, менялись несколько месяцев назад пленные немцы. Странная метаморфоза!

Первый бой Александра Гапонова

Александр Степанович Гапонов в 1943 году закончил курсы лейтенантов и прибыл на Дальний Восток на должность начальника заставы. Конечно же, он рвался душой на советско-германский фронт, но, понимая, что и здесь нужны сильные воины и офицеры, не тиранил начальство рапорта-

ми, служил, повышал боеготовность своей заставы. Он был уверен: его время придёт.

Между прочим, японцы только на словах оставались мирными. На деле всё обстояло гораздо сложнее, и первыми это почувствовали пограничники. Они постоянно, в течение всей Великой Отечественной войны, «работали» на советско-маньчжурской границе с огромным физическим и психологическим напряжением. Шпионов с сопредельной стороны было много. Глаз да глаз, как говорится. Покоя они советским пограничникам не давали.

И все пограничники если не знали наверняка, то чувствовали, что войны с Японией не избежать.

Александр Гапонов ежедневно поднимался на пограничную вышку, осматривал в бинокль окрестности и думал о том, когда он бросится во главе отряда пограничников в бой.

8 августа он получил боевой приказ.

И ранним утром, перед рассветом, форсировал на катере реку. Говорят, «последний бой – он трудный самый». Но не легче и первый бой, не легче. Сколько ни учись воевать в мирной обстановке, даже в условиях пограничной заставы, это всё-таки учёба, а не бой. Без учёбы солдату, а тем более офицеру, никак нельзя выйти на бой. Но без боя не познать боя.

Лейтенант Гапонов и все его подчинённые сидели вдоль бортов катера и крепко сжимали в руках автоматы. Волновались. Старались ничем не выдать своё волнение.

Катер подошёл к берегу. «Вперёд!» – скомандовал лейтенант и солдаты бросились в воду. Глубоко. Автоматы над головами. Волнение осталось в воде. Быстрее на берег.

Гапонов выслал вперёд разведчиков. Они вскоре вернулись, доложили, что японцев поблизости нет, что казарма охраняется слабо. Там спят японские пограничники.

Выяснив ситуацию, лейтенант Гапонов дал каждому командиру отделения задание, и пограничники бесшумной

цепью двинулись к казарме. Окружив её, Гапонов и старший сержант Куимов вошли в сонное помещение и через несколько минут вернулись с тремя связанными японцами. Начальник заставы хотел повторить поход в казарму, но вдруг раздался выстрел, и мгновенно вспыхнул бой, первый бой лейтенанта Гапонова.

Японцы открыли изо всех окон огонь. Гапонов крикнул: «Гранаты к бою!» и через несколько секунд в казарму полетели гранаты.

Шум боя быстро стих. В казарме что-то трещало, падало, но и это продолжалось недолго.

Гапонов поднялся, крикнул: «За мной!» и бросился вперёд.

И тут раздалась длинная пулемётная очередь. А из окна казармы полетела под ноги лейтенанта вражеская граната. Старший сержант Куимов рванулся вперёд, пытаясь спасти командира, но раздался взрыв, и оба они погибли...

Первый бой – он самый трудный.

А второй бой – ещё трудней.

А третий – ещё трудней...

Но первый – самый трудный. Потому что он даётся человеку один раз. Один раз.

Александр Гапонов посмертно был награждён орденом Отечественной войны II степени, его именем названа родная застава. Его до последних дней жизни вспоминали добрым словом сослуживцы. Такой он был хороший человек.

Как взять Синдун (или «Собаки Синдуна»)

На правом берегу Амура, в небольшом посёлке Синдун, японцы оборудовали пограничный пост. Посёлок возвышался над крутым берегом величественной реки и был окружён двумя глинобитными стенами, увенчанными колючей проволокой. На углах японцы поставили башни с

бойницами. Внутри пограничного поста соорудили четыре дота. Вход в Синдун и выход из него надёжно охранялись. Местные жители превратились в заложников. Даже мальчишкам нужно было получать разрешение у оккупантов, чтобы искупаться в родной реке.

Невесёлое это дело – оккупация.

Советские пограничники тщательно подготовились к операции. Она началась поздним вечером, когда над Амуром сгустились тучи и по телу реки начал моросить осенний дождь. Группа разведчиков во главе с младшим лейтенантом Абдухаликовым высадилась на катере севернее Синдуна. Командир оставил троих солдат с ручным пулемётом на дороге, чтобы перекрыть противнику пути к бегству, и повёл отряд к посёлку.

В это время южнее Синдуна высадилась группа прикрытия во главе со старшим лейтенантом Мартыновым. Она перекрыла дорогу на юг.

Разведчики Абдухаликова подошли к посёлку с западной стороны. Часовых у ворот не оказалось. Пограничники воспользовались этой оплошностью противника и направились к южным воротам, откуда, по сигналу, они должны были штурмовать внутренние стены японского погранпоста.

Ещё одна, самая многочисленная, группа во главе с капитаном Мироненко залегла у северных ворот. Окружение Синдуна было практически завершено. Все ждали условного сигнала.

Но вдруг у южных ворот взбесились местные собаки, почуяв неладное, и тут же раздалась беспорядочные автоматные очереди. Абдухаликов дал команду открыть огонь. Внезапная атака сорвалась.

Поднял своих людей капитан Мироненко. Они без потерь преодолели внешние стены и ринулись к внутреннему кольцу Синдуна. Стена-то, окружавшая погранпост, была всего в полтора метра высотой, не очень сложная преграда, но когда счёт времени идёт на секунды, когда твои товари-

щи за этой стеной ведут ожесточённый бой, то... как преодолеть её махом?

Сержант Федыко подбежал к стене, зычно крикнул: «На плечи друг другу и вперёд!», сам показал, как это делается, и через мгновение был за стеной, поливая короткими очередями ринувшихся на него японцев. Через несколько секунд рядом с ним, рассредоточившись в цепочку, стреляли по врагу остальные пограничники.

Японцы пытались перехватить инициативу. Упрямо зарокотал пулемёт из амбразуры дота. Красноармейцы залегли. Несколько человек получили ранения. Японский пулемётчик устали не знал. Медлить было нельзя. В такой атаке главное быстрота, натиск.

Сержант Федыко пополз к доту. Красноармейцы прикрывали его, не давали японцам открыть по смельчаку огонь из окон домов. Сержант приблизился к амбразуре, метнул одну гранату, вторую, третью. Дот трижды содрогнулся, замолчал. Федыко поднялся и крикнул: «Вперёд!» и побежал к казармам.

Но не добежал он до казармы. Вражеская пуля сразила его наповал. Он упал на землю. Он не слышал могучее русское «Ура!», не видел, как бегут, кувыряясь, японцы по склону к южной дороге, к северной дороге, как мечутся они и там и сям под метким пулемётным огнём. Он не видел, как поникшие потомки самураев поднимают руки вверх, бросают оружие, сдаются в плен. Но он сделал для этого всё, что мог, что было в его силах.

В тех быстрых, но жестоких боях геройской смертью пали младший лейтенант Р.А. Абдухаликов, ефрейтор А.И. Сальков и сержант И.С. Федыко. На родной заставе им поставили памятник.

Десантники на Дальнем Востоке

Не будет преувеличением, если сказать, что воздушно-десантные войска сыграли в августе 1945 года на Дальнем

Востоке исключительную роль. Это утверждение ни в коей мере не означает, что только они, мол, выиграли Маньчжурскую операцию. В ней прекрасно сработали все виды и рода войск, все советские солдаты: каждый на своём месте.

Стремительность и быстротечность последней стратегической операции во Второй мировой войне многих недобросовестных исследователей, мягко говоря, вводит в заблуждение. Кто-то из них считает, что, обладая весьма значительным преимуществом в живой силе и технике, Красная Армия просто обязана была завершить операцию в столь короткие сроки. Другие говорят, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американцами морально подавили японцев. Третьи почему-то утверждают, что солдаты и офицеры Квантунской армии, а также воинских формирований Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии не имели никаких стимулов воевать... Всё это не так.

Японцы воевали на пределе возможного. Также яростно, как и немцы в Германии, в Берлине. У тех и других были, между прочим, схожие стимулы. Японцы, например, поняв, что им не выстоять, и даже получив императорский приказ капитулировать, продолжали (не все, правда) оказывать упорное сопротивление советским войскам в надежде, что им удастся избежать советского плена. Естественно, были и другие причины, в том числе и самурайский дух, не искоренившийся в сердцах и душах японских воинов по сей день.

Так или иначе, но «многие японские гарнизоны, в том числе и довольно крупные, занимавшие опорные пункты в различных городах и окружённые пустыней, не получили приказа о сдаче. Некоторые командиры отказались выполнять распоряжение штаба Квантунской армии о капитуляции. Кроме того, существовала опасность уничтожения или вывоза архивов, военно-промышленного оборудования и других материальных ценностей в Японию (на море продолжал господствовать японский флот)».

Операции по высадке воздушных десантов и принятие ими капитуляции в короткие сроки в отдалённых гарнизонах были проведены с ювелирной точностью и с потрясающей смелостью, смекалкой и ответственностью всех рядовых десантников и командиров.

О том, что американцы мечтали о лакомом кусочке, говорит и следующий факт, описанный в книге Юрия Ненахова «Воздушно-десантные войска во Второй мировой войне» (серия «Энциклопедия военного искусства»): «С 20 августа в Мукдене стала действовать советская “десантная” военная комендатура во главе с генерал-майором А.И. Ковтун-Станкевичем. В тот же день над центром города появился американский самолёт и сбросил листовки с обращением союзного командующего в Китае к генералам японской армии. В листовках сообщалось, что “...американское командование, стремясь установить связь с солдатами и офицерами союзных войск, оказавшихся в плену, намеревается высадить на Мукденский аэродром своих представителей...”, предлагалось в случае согласия выложить белое полотнище. Наши солдаты полотнище выложили. Американский самолёт приземлился. Каково же было удивление прибывших, когда их встретили советские военнослужащие».

Но каково же было изумление японцев, когда советские десантники совершенно неожиданно появлялись в весьма отдалённых от линии фронта районах, городах!

18 августа они высадились на Харбинском аэродроме с целью захвата его, а также других военных объектов, мостов и удержания их до подхода главных сил. Генерал-майор Г.А. Шелахов возглавлял эту группу. На Харбинском аэродроме десантники обнаружили генерал-лейтенанта Х. Хата, начальника штаба Квантунской армии. Шелахов передал ему ультиматум. Десантники заняли все объекты. Х. Хата через генерал-лейтенанта У. Микию передал генералу Шелахову в условленный срок приказ о капитуляции всех японских войск в Маньчжурии, а также «списки генералов и сведения о численном составе Харбинского гарнизона».

После этого успеха советское военное руководство отправило «десанты» во все ключевые пункты Маньчжурии и севера Кореи.

Во всех сражениях Маньчжурской операции десантники принимали активное участие.

Бои за Южный Сахалин, например, шли две недели. Японцы оказывали здесь наземным войскам ожесточённое сопротивление. 24 августа на юге острова высадился батальон парашютистов. Вместе с наземными войсками они прорвали оборону противника и уже утром 25 августа овладели административным центром Тойохаром (современным Южно-Сахалинском), взяв в плен 18 тысяч японских солдат и офицеров.

Большинство исследователей истории Великой Отечественной войны единодушны во мнении, что ВДВ были задействованы в ней, мягко говоря, плохо, не по назначению. Блистательные десантные операции на Дальнем Востоке убедительно продемонстрировали возможности и эффективность воздушно-десантных войск.

Сопки над Хайларом

Оставив Хайлар, японцы во главе с генералом Номура ушли в сопки, мирно окружавшие город. С виду они действительно вид имели очень мирный. Однако японцы превратили их в мощные оборонные узлы, соорудив в телах сопек многоэтажные доты, соединённые подземными ходами и даже подземной железной дорогой. Автономная электростанция, огромные запасы боеприпасов и продовольствия, скреплённые самурайским духом солдаты и офицеры, полные решимости стоять насмерть – и советские солдаты, опытнейшие. Кто кого?

Оценивая воистину триумфальную победу Красной Армии в Маньчжурской операции над японской Квантунской армией, некоторые специалисты говорят просто: со-

ветские полководцы имели подавляющее преимущество в живой силе и технике, потому, мол, и победили. Мы не отрицаем этого факта. Преимущество было! Но и этот факт является следствием громадного военного опыта советского руководства, опыта, добытого иной раз кровью в боях и сражениях 1941–1945 годов. Не секрет, что буквально все японские высшие военные чиновники и генералы были ошеломлены безудержным напором и, главное, огромным количеством советских войск в Маньчжурии, Северной Корее, на Сахалине. Японцы, у которых в начале века, перед Русско-японской войной, прекрасно сработала разведка, теперь, спустя сорок лет, прозевали скрытное накопление сил противника на Дальнем Востоке. Прозевали. Японцы, которые в 1904–1905 годах победили ещё и потому, что их вооружение превосходило по тактико-техническим данным вооружение царской армии, теперь в значительной степени уступали по этому показателю русским. И, главное, конечно же, – солдат!

Для советского солдата в августе 1945 года не было таких преград, таких крепостей, которые он бы не мог взять. Не было. Война в Европе научила его, натренировала.

Японцы, конечно же, тоже воевали. Но значительная часть воинов Квантунской армии о таких переделках, в которых были советские солдаты на Волге, на Дону, на Днепре, в Карпатах и так далее, даже и не догадывалась и думать не думала. Опыт, плюс мужество, плюс хватка, плюс смекалка, плюс выучка – таким был советский солдат в 1945 году, такого солдата остановить было сложно. Невозможно!

«Русские никогда не выбьют нас отсюда!» – гордо говорили потомки самураев. Зря они так говорили. Себе на беду.

Сапёры взялись за дело на сопках Хайлара. Командир отделения старший сержант Зайцев и гвардии рядовой Шибанов несколько дней внимательно следили за сопками. И

однажды вечером, вычислив «мёртвое пространство», не простреливаемое из дота, они поползли к сопке.

Сопка как сопка. Мохнатая зелень, деревья, кусты. Ни намёка на дот! Не может этого быть – надо искать. С час ползали туда-сюда сапёры, наконец-то обнаружили два выхода из дота. Один выход японцы аккуратно заложили дёрном, у второго валялись ранцы, разбитое оружие и даже трупы солдат.

Зайцев отправился назад, за подмогой. Шибанов вместе с младшим сержантом Степановым остался у входа в дот. Через час подошли бойцы со взрывчаткой, гранатами, канистрами с бензином. Противник спокойно отдыхал в своём прочном «бомбоубежище». Советские сапёры тем временем слили бензин в амбразуру, бросили туда несколько гранат. Ещё один дот был уничтожен. За два дня работы сапёры подорвали таким образом 20 дотов! Строили их, строили трудолюбивые японские, корейские, китайские рабочие и военнопленные, и вдруг на тебе: за два дня русские уничтожили 20 дотов. Теперь японцы стали внимательнее. Но остановить противника они не смогли.

Сапёры Шибанова и Зайцева подкатывали к дотам бочки с бензином, заливали горючее в амбразуры, бросали гранаты, через некоторое время спускались в доты, сокрушали все на своём пути... И японцы дрогнули. Не ожидали они такого напора, такого решения русскими сложной военной задачи!

Сопки Хайлара были очищены от врага.

Удивительное это дело – крепости в мировой истории войн! Начиная с Древнего Египта, с III тыс. до н. э., повелители разных стран строили на границах своих государств мощнейшие крепости, крепостные сооружения, стены, валы. Любой здравомыслящий специалист военного дела, осмотрев, скажем, «Стену князя» (Древний Египет), Вавилон, Великую Китайскую стену, Дербентскую стену и так далее, вплоть до Линии Мажино, укрепрайонов первой половины

двадцатого века, системы обороны Квантунской армии, сказал бы: «Они неприступны! Их невозможно взять штурмом!»

Но приходили великие воины, говорили: «Нет таких крепостей!» и брали их. Но пришли советские солдаты в Маньчжурию и от хвалёной системы обороны Квантунской армии остались лишь искорёженные доты. Это – солдат! Солдат, которого так любил генералиссимус Суворов, гений штурмов, «генерал вперёд», как называли его современники. «Солдатом вперёд» можно было назвать советских бойцов, штурмовавших перевалы Большого Хингана, сокрушивших японскую армию.

Анатолий Пуклич,
полковник запаса

Анатолий Анатольевич родился 16 октября 1958 года в селе Деревяны Каменец-Подольского района Хмельницкой области УССР. В 1975 году окончил среднюю школу № 13 в городе Каменец-Подольский.

Трудовую деятельность начал на заводе «Электроприбор» в городе Каменец-Подольский. В ноябре 1976 года призван в ряды Советской Армии. После окончания Львовского высшего военно-политического училища службу проходил в РВСН: начальником клуба войсковой части, начальником клуба управления соединения, старшим инструктором, старшим инструктором по культурно-массовой работе политического отдела соединения, начальником Офицерского клуба гарнизона, заместителем начальника Дома офицеров гарнизона, начальником Дома офицеров гарнизона.

Завершив учёбу в Гуманитарной академии Вооружённых сил России, проходил службу старшим офицером отдела воспитательной работы объединения, начальником группы воспитания и культуры управления воспитательной работы Сухопутных войск, заместителем начальника отдела культуры Главного управления воспитательной работы Вооружённых сил Российской Федерации, заместителем начальника Куль-

турного центра Вооруженных сил РФ имени М.В. Фрунзе.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Ветеран боевых действий. Член Союза писателей России.

СБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Рассказ

Поздним летним тёплым вечером автобус из областного города Хмельницкий прибыл на автобусный вокзал города Каменец-Подольский.

Сонные пассажиры медленно выходили из автобуса, неспешно разбирали из багажников свои вещи и тихой походкой одни тянулись мимо высокого каменного забора, огораживающего городской рынок, к остановке городского автобуса, а другие – по направлению к своим жилищам.

Антонина, молодая двадцативосьмилетняя женщина, разбудила своего сладко спавшего пятилетнего сына и вместе с основной массой пассажиров, подхватив в обе руки сумки с гостинцами, которые она везла из села от своей мамы, где несколько дней гостила, пошла к остановке.

Груз был тяжёлым, так как бабушка для внука постаралась на всю свою широкую душу. Она напекла пирожков с ливером, яйцом и укропом, картофелем, сладким творогом, яблоками, запекла домашних колбасок, мясной рулет, искусно приготовила солёную грудинку и сало. Кроме того, поделилась яйцами, которые несли её гуси, утки и куры, молоком от семи любимой коровы по кличке Мыня, помидорами и огурцами, выращенными на своём огороде, яблоками и сливами, собранными в приусадебном саду.

Лёгонький тёплый ветерок комфортно обдувал бывших пассажиров, отгоняя от них сон. Луна вместе с уличными фонарями мягко освещали улицу и остановку автобуса.

До прибытия последнего по расписанию городского автобуса оставалось минут двадцать. Ожидающие потенциальные пассажиры общались между собой, рассказывали последние новости, побасёнки, обсуждали общих знакомых, хвалились своими достижениями, огорчались неудачами. Время тянулось очень медленно.

Остановка располагалась в одном квартале ходьбы от автовокзала на проспекте Ленина рядом с двухэтажным до-революционной постройки домом. На первом этаже дома со стороны фасада размещался магазин железоскобяных товаров и окно одной-единственной квартиры.

К дому примыкал палисадник размером десять на десять метров, который был огорожен двухметровым деревянным забором, окрашенным тёмно-зелёной краской. В палисаднике росли виноград, две яблони, слива и кусты малины. Рядом с палисадником у колонки с водой росла старая высокая ветвистая плакучая ива. Не каждый человек мог обхватить руками её толстый ствол.

Прохожие и ожидающие автобус пассажиры часто пользовались услугами колонки, а в знойные летние дни прятались под сводами плакучей ивы, выражая благодарность тем людям, кто посадил её. Ива служила людям и укрытием от непогоды, и местом для приёма пищи, и импровизированной рюмочной – благо, что закуска росла в палисаднике на деревьях.

Стены старого дома имели полутораметровую толщину. Подоконник квартиры, выходящий на улицу к остановке, служил пассажирам скамейкой, на которой могла свободно разместиться ожидающая автобуса парочка. Для уставших людей этот подоконник был за благо, а для жителей квартиры вечным неудобством, так как не все ожидающие вели себя тихо. А некоторые, не в меру употребившие увеселительных напитков, на замечания хозяев квартиры отзывались руганью и назло жильцам, под предлогом создания заботы о тишине, закрывали открытую форточку окна.

Прибыв на остановку, женщина с сыном остановились рядом с тёмным окном известной нам квартиры. Полусонный сын Антонины спросил у мамы: «Долго ещё ждать?» и прислонился к маме в надежде, что мама ускорит прибытие автобуса. Мама ответила: «Потерпи ещё немножко, скоро поедем домой».

В это время на подоконнике, обнявшись, сидела молодая парочка. Девушка увидела женщину с ребёнком, попросила своего спутника уступить место ребёнку, что он мгновенно исполнил. Женщина поблагодарила молодёжь за любезность и усадила ребёнка на освободившееся место. Сын уютно разместился на подоконнике, прислонился к оконному проёму и мгновенно задремал.

Прошли положенные для ожидания минуты. К остановке медленно, как многим показалось, начал приближаться долгожданный автобус. Мама начала будить ребёнка. Он быстро проснулся, но закапризничал: «Мама, я очень хочу спать и никуда не хочу ехать. Как было бы хорошо, если бы мы с тобой жили в этом доме и в этой квартире». Мама рассмеялась и ответила: «Твои слова да богу в уши».

В это время стоявшая на остановке рядом с Антониной пожилая женщина сказала: «Миленькая, ты не смейся. Бог всё видит и слышит. А ты надейся и всё так сбудется».

Пассажиры потянулись в автобус и, уютно разместившись в полупустом салоне, поехали к местам своего проживания.

Автобус весело катил по зелёным улицам города, не пропуская ни одной остановки. Выйдя на остановке «Двадцать шестой магазин» на Польских фольварках (так с древних времён назывался район, где селилось польское население города), Антонина с сыном прошли метров двести от остановки по живописной, всей в садах Колхозной улице и вошли во двор одноэтажного особняка, где они снимали комнату.

Этим домом владела Сара Иосифовна Дорн, педиатр детской городской больницы. Антонина работала в этой же больнице медицинской сестрой.

Ранее она с сыном проживала в пригороде города – селе Должок у очень доброй и сильно любившей Антонину и её сына бабушки Гани.

Каждое утро Антонина, пешком перейдя по мосту реку Смотрич, сначала отводила сына в детский сад, а затем сама добиралась к месту своей работы, пройдя пешком восемь кварталов или проехав пять остановок на автобусе.

Чтобы облегчить жизнь молодой маме, Сара Иосифовна предложила комнату своей сослуживице.

Дом был большой, дореволюционной постройки. Он состоял из двух трёхкомнатных половин с большой застеклённой верандой. В одной половине жила Сара Иосифовна со своим младшим сыном Фимой, который работал на Каменец-Подольском электромеханическом заводе бригадиром слесарей, и его молодой женой Фирой, родом из старинного города Изяслава.

Во второй половине дома в самой большой комнате размещалась Антонина с сыном, а в двух других комнатах обитала семья Смирновых. Юрий работал вместе с Ефимом на заводе токарем, Галина работала медсестрой в той же больнице, где Антонина, их старшие дети Наташа и Сергей учились в школе, а младший Николай ходил в детский садик с круглосуточным пребыванием и появлялся дома только по воскресеньям.

Все жили дружно. Помогали друг другу. Вместе обрабатывали приусадебный огород, который размещался перед домом, ухаживали за старым садом, растущим за домом. Делили поровну выращенный и собранный общими усилиями урожай.

Летними вечерами все свободные от работы и учёбы жители дома пили чай на веранде, а во время грозы наслаждались ароматом свежего воздуха.

В комнате Сары Иосифовны размещалось четыре огромных книжных шкафа, в которых была большая библиотека. В ней было очень много старинных книг, изданных ещё до революции. Хозяйка библиотеки с большим удовольствием разрешала пользоваться своим литературным богатством.

Все русские, украинские и еврейские праздники отмечали вместе. Жили весело, хотя не в очень большом достатке.

Время шло своим чередом. Взрослые работали, дети учились в школе. Сын Антонины подрос и учился уже в пятом классе.

В первой декаде сентября Антонину вызвали к главному врачу больницы. Женщина начала волноваться, за что её вызывают к руководству, ведь причин для вызова, по её мнению, не было.

На работе женщину хвалили. Она добросовестно исполняла свои должностные обязанности, активно участвовала в жизни коллектива, пела в хоре, всегда помогала коллегам. Может её вызывают за то, что заступая на ночное дежурство, она брала с собой сына, который учился в размещённой через дорогу от больницы средней школе номер тринадцать. Находясь на дежурстве, она успевала выполнять свою работу и одновременно следила за учёбой сына, который делал уроки в сестринской комнате. За это не должны были ругать, так как многие коллеги, которым не на кого было оставить свои чада, брали с собой на дежурство детей.

Время тянулось очень медленно, добавляя переживаний Антонине. Наконец наступил её черед. Женщина испуганно вошла в кабинет главврача и вопрошающе посмотрела на руководителя. «Что вы так распереживались? – спросил руководитель. – Я вызвал вас, чтобы сообщить приятную новость. Решением жилищной комиссии Вам выделена отдельная однокомнатная квартира. Правда, она не со всеми

удобствами, но жильё теперь Ваше. Я вас от души поздравляю и отпускаю посмотреть квартиру и готовить документы для вселения».

От радости, как это бывает у эмоциональных женщин, Антонина расплакалась и сквозь слёзы поблагодарила главврача. На своём рабочем месте она поделилась с коллегами неожиданно и так ожидаемо десять лет свалившейся на неё радостью и убежала смотреть жильё.

Квартира располагалась по адресу: проспект Ленина, дом 50, квартира 1. Состояла она из одной большой комнаты и маленькой кухни. Потолки простирались вверх на три метра. На кухне был оборудован подвал, в котором можно было хранить провиант. Так как своим холодильником женщина ещё не разжилась, то это было большим подспорьем в хозяйстве. Кроме того, это была одна из двух квартир дома, в которых на кухне был проведён водопровод. Соседи других квартир этому очень завидовали, так как им приходилось в любую погоду ходить по воду к колонке у плакучей ивы. Отапливалась квартира печкой, в которой для приготовления пищи была устроена духовка. Все остальные удобства были на улице.

Рассмотрев и порадовавшись квартирой, Антонина вспомнила тот тёплый летний вечер, когда она с сыном возвращалась от своей матери. Это была та квартира, рядом с которой размещалась остановка городского автобуса, палисадник, колонка и плакучая ива. Та квартира, в которой в тот далёкий летний вечер так мечтал жить её сын. Антонина вспомнила пожилую женщину с её пророчеством и поняла, что предсказание незнакомой женщины сбылось.

На следующий день Антонина, ничего не говоря сыну о месте расположения квартиры, поехала с ним смотреть жильё.

Анатолий критически, как взрослый, осмотрел квартиру, заглянул и спустился в подвал, несколько раз попил холодной, немного пахнувшей хлоркой, воды из-под крана

на кухне, скомкал и положил газету в жерло печи, поджёт её, проверяя тягу, и был очень доволен своим впервые в жизни полученным от государства жильём.

Выйдя на улицу, женщина с сыном вошли в палисадник, осмотрели растущие в нём деревья, кусты, лозу винограда и распланировали, что следующей весной будут высаживать на грядках.

Осмотрев с улицы окна уже своей квартиры, парень о чём-то задумался. А затем сказал маме: «Помнишь лет пять-шесть назад тот вечер, когда мы возвращались из гостей от бабушки. Сидя вот на этом подоконнике, я так устал и очень хотел спать. У меня не было желания и детских сил куда-либо идти, я так хотел, чтобы мы жили в этой квартире. Вот так мистическим образом сбылась детская мечта».

Мама обрадовалась, что сын всё вспомнил и ответила: «Бог услышал твои просьбы и подарил нам это жильё. Спасибо ему за это».

С переездом они долго не тянули, тем более, что всеми их пожитками были кровать, бельевой шкаф, стол, пара стульев и такой необходимый в хозяйстве керогаз. Всё вместилось в одну машину.

Расставив нехитрый скарб, они принялись обживать своё жильё.

На новоселье были приглашены бывшая хозяйка со своей семьёй и семья Смирновых.

Шли годы. В этой квартире Антонина с сыном жили до того момента, когда сына призвали в ряды Советской Армии.

Затем они разъехались в разные города тогда ещё могучего и великого Советского Союза.

Однако приезжая в отпуск в родной город, они всегда приходили к тому месту, где была их первая квартира, чтобы вспомнить те счастливые времена, во время которых они жили.

Даже тогда, когда их старый дом был снесён и на его месте возвели новый высотный девятиэтажный красавец, они обязательно, на несколько минут, приходили на это мистическое место...

**ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ
«РАТИ»**

Владимир Гуд,
капитан 2-го ранга запаса медицинской службы,
г. Санкт-Петербург

АВТОПОРТРЕТ

Вот и зрелость пришла...
Здравствуй, возраст Христа!
Эта тропка в снегу холодна и чиста,
Это пишет, сходя от волнения с ума,
Ученическим почерком хвои зима
Бесконечную, грустную повесть о том,
Как один человек оставлял «на потом»
Все земные дела ради призрачных дел.
Он ещё над пустыней чужой не летел...
Над горячей пустыней – чужой стороной.
Ослепит его снег. Опалит его зной.
И по грозному небу в Россию назад
Перелётные письма его полетят
Сквозь тротилом оплавленные облака...
Это всё у него впереди... А пока
Он наивен и юн. Он не знает, как жить
И у Господа просит себя сохранить
Ради будущих книг, ради юной жены
От сумы, от тюрьмы, от афганской войны...

Леонид Чекалкин,
полковник в отставке,
г. Москва

ПЕЧАЛЬ

*Памяти отца – Ивана Авдеевича, генерала,
родом из деревни Чекалки Вятской губернии*

Обрушилось время. Пора листопада
Настала в моём просветлённом лесу.
Не надо кричать, надрываясь, не надо,
Я грусть эту молча один пронесу.
Листва облетает, меняется зренье,
И можно увидеть вдали за рекой –
Роняют листву все кусты и деревья
Похожего леса – округи другой...
И, значит, повсюду пора увяданья,
И душу тревожит не только мою
Летающая тихо печаль расставанья.
Запомнил её и в молчанье стою...
Холодные краски стального заката
Легли на поверхность волны,
И смотрит отец отрешённо куда-то,
И слушает раны забытой войны.

Евгений Захарченко,
полковник в отставке,
г. Дмитров Московской области

ПЕХОТА

Пехота, русская пехота!..
Бредём ухабами войны...
Мозоли, раны, кровь и рвота –
Что за «награды» нам даны!..

Не удивляемся распутью
Родных просёлочных дорог.
И мы дойдём до жуткой сути,
Когда настанет смертный срок.

Но с нами Бог, и с нами Сталин,
И смерть, летящая в глаза,
И скорбь дымящихся развалин,
И шляхом сбитая кирза.

И мы, отбросив тонны смысла,
Шагаем снова в эту хлябь,
Нас ждут бои и Буг, и Висла,
И Шпрее пепельная рябь.

Всё будет: взрывы и потери,
Земля, объятая огнём.
И бой, в который мы, зверея,
Хлебнув «наркомовских», пойдём.

...Пехота, русская пехота!..
Преодолев и кровь, и страх,
Мы сделаем свою работу,
Не думая об орденах.

Владимир Бордюгов,
старший лейтенант в отставке,
Московская область,
Люберецкий район, р.п. Томилино

САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ

Левитана слушаем, новости вечерние,
ЗИСы поливальные брызгают в толпу.
Домино за столиком, старички почтенные,
И кружится, падая, тополиный пух.

Пацаны взъерошены в вышибалы носятся,
Мяч, как пуля, мечется, но не всяк попал,
А девчонки – в классики, да к мальчишкам
просятся,
Где повеселее им, где страстей накал.

Отпускник-сержантик песенками длинными
Растянул гармонику, он – король теперь,
Вспоминает финнов, Маннергейма линии,
Говорит, видал его. Врёт – поди, проверь.

Где-то через дома два свадьба песней слышится,
«Риорита», Лещенко, старый патефон.
Там невеста в белом вся, как легко ей дышится,
Как легко ей верится в самый лучший сон.

Три часа до полночи, семь часов до утра,
Семь часов до выстрела... Город видит сны...
До утра молодуха с молодым милуется,
Зачинают детушек в первый день... войны.

Александр Кердан,
полковник в отставке,
г. Екатеринбург

СОЛДАТИК

Он в атаку был поднят нещадно,
Он вперёд был обязан пойти.
Этим утром, сырым и прохладным...
Дот стоял у него на пути.

А в том доте вражина холёный,
Выпил кофе, к прикладу припал –
Стеганул по равнине зелёной
И солдатику в сердце попал.

Как подкошенный – в мяту и клевер
Он, не видя уже ничего, –
Пал ничком, и наколочка «Север»
На руке остывала его...

И слезинка скатилась из глаза,
А рука всё сжимала цевьё
«Трёхлинейки», которая сразу
Потеряла значение своё.

Геннадий Козлов,
полковник запаса,
г. Наро-Фоминск Московской области

БАЛАКЛАВА

*5 июля 1773 года два русских корабля
«Корон» и «Таганрог» вступили в бой
с четырьмя турецкими. Это была
первая победа российского флота
на Чёрном море*

Вы не бывали в Балаклаве,
Не прорубали в мир окно?
Здесь прикоснуться к русской славе,
К её величью суждено.

Но в Чёрном море шумно снова,
Маячат чьи-то корабли.
Глядит история сурово
В бинокль на край моей земли.

Вновь «Таганрогу» и «Корону»
Грозят турецкие суда.
Не дай им Бог, вооружённым,
По-новой сунуться сюда.

Стоим, не отдадим ни пяди
В наследство принятых камней.
Не сомневайся, прапрапрадед,
Земля твоя, пока мы с ней.

Лотар Гринвальд,
капитан,
Республика Абхазия

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Я с морем говорю на «ты»,
И голос моря понимаю.
И тут посты, и там посты,
И тишина вокруг немая.

Но слышу в этой тишине
Заворожительное что-то.
Подмигивает море мне,
Искриться для него – работа.

Да и не Чёрное оно,
Скорее, даже золотое,
И нам быть вместе суждено,
И эта дружба жизни стоит.

Военной формы не сниму
И не покину эти горы,
Пока что морю моему
Нужны защита и опора.

Данил Гайфуллин,
гвардии старший лейтенант,
г. Иваново

НЕБО

Никакого в небе гнева!
Небо гнева не простит.
И по небу, и по небу
Парашют мой вновь летит.

Доверяюсь парашюту,
Доверяюсь, как себе,
В небе, словно по маршруту,
По своей лечу судьбе.

Не ослабнут в небе стропы,
Щёлк надёжен, как броня,
Небо может до Европы
Под собой нести меня.

Но Иваново мне ближе,
Небо Родины синей.
Парашют мой небо лижет,
С каждым днём оно родней.

Елена Коновалова,
старший прапорщик,
Кировская область, Юрьянский район,
ЗАТО «Первомайский»

РАССТРЕЛЯННОЕ НЕБО

Я буду помнить первый день войны:
Расстрелянное небо, плач ребёнка.
И голоса погибших без вины
Я буду слышать сердцем долго-долго.

Мне не дадут забыть ни Волга, ни Нева,
Ни крепость Брестская, ни Севастополь.
И солнца круг, и неба синева,
Берёза белая и серебристый тополь.

Я не забуду первый день войны.
Мир, содрогнувшийся спросонок.
Когда все уголки моей страны
Накрыли крылья чёрных похоронок.

Пусть будет первый день
последним днём войны.

Борис Орлов,
капитан 1-го ранга в отставке,
г. Санкт-Петербург

БИТВА

I.

Казалось, всё... Нет больше сил.
Спустился с неба ангел.
Здесь русские? – меня спросил
И встал на правом фланге.
И по земле, и по воде
Лежит путь к русской славе.
Я знаю: никогда в беде
Спаситель не оставит.

II.

Плачет иволга. Мышь пищит.
Меч лежит на груди крестом.
Не кладите меня на щит.
Встану сам со щитом.
Озарилась и храм, и скит.
Сила духа – небесный свет.
Битва кончена. Враг разбит.
Торжествует Новый Завет.

**ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ**

Сергей Луконин

Сергей Михайлович родился 8 января 1942 года в Москве. В 1967 году окончил Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина – исторический факультет. Работал в Музыкальном театре имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко,

Фотохронике ТАСС, корреспондентом газеты «Комсомольская правда», редактором современной советской прозы издательства «Молодая гвардия», заведующим отделами искусства и литературы «Литературной газеты», заведующим литературной частью Московского камерного музыкального театра имени Б.А. Покровского.

Академик Международной академии русской словесности, награждён медалями Союза писателей России «За верность слову и делу», «За труды в военной литературе».

Автор романа «Переворот», повестей, рассказов, пьес, книг и сборников для детей. Член творческих Союзов России: журналистов, писателей, художников.

Лауреат журналистской премии имени Владимира Маяковского.

«НАДО МНОЙ ШУМИТ МОЯ ПОБЕДА...»

Судьба поэта

Михаил Кузьмич Луконин родился в 1918 году в татарском селе Килинчи Астраханской области, на берегу реки Булда. Его отец, Кузьма Ефимович, служил на почте, попутно учил русскому языку местных жителей. В 1921 году умер от холеры. Вдова Наталья Ефимовна с дочерьми и сыном возвратились на родину отца в Быковы Хутора под Сталинградом. В 1930 году старшая сестра взяла мальчика в город. А там знаменитый тракторный завод. Первая книга, которую он прочитал – «Тихий Дон». «... И урывками прочёл. После этого целый год, скрываясь в деревянном сарае, писал роман о раскулачивании, а однажды написал такое, что прочитанное вслух, наедине, ритмом совпадало с сердечным стуком, воодушевляло и удивляло. Это были первые стихи» (из автобиографии – *С.Л.*) как всплески волжской воды при штиле – робкие ощущения поэзии; дальше – литгруппа при заводе, увлёкся Маяковским. «В этот период окончательно пришёл к выводу, что открытие Маяковского, расширяющее возможности поэзии, его пример служения народу, является для меня самым дорогим из всего опыта поэзии. Это сформировало мои творческие взгляды», – напишет потом отец. Осенью 1934 года вышла первая небольшая книжечка «Голоса молодых», куда вошли и стихи Миши Луконина. А уже в 1938 году выходит первый сборник мо-

лодого поэта «Разбег», отмеченный положительно местными литературными критиками.

Учился на вечернем отделении областного педагогического института, продолжая работать на заводе, играл за футбольную команду «Трактор» вместе со ставшим после войны знаменитым нападающим Александром Пономарёвым. Жизнь 20–30-х годов – сплетение событий жестоких и одновременно величественных. Страна взывала к совершению подвигов на суше и на море, в шахтах и на небесах, она звенела и пела. От одних только названий – Комсомольск-на-Амуре, Сталинградский тракторный – у молодёжи захватывало дух, хотелось участвовать в строительстве нового общества в меру данных природой таланта и душевного порыва. Таким был и Михаил Луконин.

Однажды он показал свои стихи Корнею Чуковскому. Через некоторое время неожиданно для себя начинающий поэт получил приглашение в Москву учиться в Литературном институте имени А.М. Горького. Учителем Луконина стал Павел Антокольский. Поступив в Литературный институт, он пересмотрел свои взгляды на поэзию: «Просто под впечатлением суровой правды войны стала ясной мелочность и обыденность моих юношеских стихов: я понял, что из-за незначительного, неясного чувства, из-за мелкого наблюдения, которое ещё не пригодилось мысли, не совпало с ней или не стало мыслью, настоятельно требующей выхода, не родило поэтическую задачу... такого рода наблюдения и заметки могут прекрасно остаться и ненаписанными». Когда над страной нависала опасность, личные интересы отходили в сторону. Даже поэзия, юная Муза, на какое-то время затаилась и робко напоминала о себе. Но как ей отцу не отзываться! Он ушёл из Литературного института добровольцем на финскую войну и мог погибнуть в лыжном батальоне от пули снайпера, как это случилось с его другом юности Николаем Отрадой. Николай!

*С каждым годом он будет моложе меня, заметней,
Постараются годы мою беспечность стереть.
Он останется слишком двадцатилетним,
Слишком юным, для того чтобы дальше стареть.*

А в конце написал:

*А если бы в марте, тогда, мы поменялись местами,
Он сейчас обо мне написал бы вот это.*

Сможем ли мы сегодня из уст современного поэта услышать нечто подобное? Вряд ли. И не только потому, что время нынче другое, а потому, что новейшее поколение молодых людей, к сожалению, лишено стержневого понятия в жизни человека – Родина, для них она не более, чем точка на географической карте. А ведь на отношении к Родине зиждется нравственная политика любого государства, желающего своему народу процветания. Но стоит ли так огульно винить молодёжь? Может быть, и нам, старшим, следует взять на себя часть этой вины...

Грянула Великая Отечественная война, с другом Сергеем Наровчатовым отправился на фронт в армейскую газету, ранен, вместе выходили из окружения. В Сталинграде под бомбёжкой погибла его мать. Михаил Кульчицкий, Павел Коган, Николай Майоров... едва успели раскрыть крылья для полёта в поэзию, как были убиты. Горечь потерь отзывалась пронзительными и доверчивыми стихами Михаила Луконина. Он стеснялся их, не пришедших с войны: сам-то жив остался... Ответить было просто необходимо, и не только Николаю Отраде:

*А если бы в марте,
тогда,
мы поменялись местами,*

*он
сейчас
обо мне написал бы
вот это.*

Отцу тогда было 22 года! А через год написал:

*В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой:
Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.*

Эти строки из стихотворения «Приду к тебе» цитировала вся страна. Можем ли мы представить себе современного юношу с таким нравственным запалом? Война взрослит человека значительно раньше в мирное время. Молодые поэты в окопах и блиндажах торопились выразить в стихах то, что обычно записывается за рабочим столом. Ведь в любой момент могли бы убить их. Выжившим не легче – сплошные душевные терзания. «Я перед всеми прав, не виноват...», – писал фронтовик Борис Слуцкий. И словно в ответ ему Луконин:

*Я бы всем запретил охать.
Губы сжав – живи!
Плакать нельзя!
Не позволю в своём присутствии плохо
отзываться о жизни,
за которую гибли друзья.*

Первый послевоенный сборник стихов – «Сердцебиение». Вслед за ним была издана поэма «Рабочий день», за которую Михаил Луконин получил Сталинскую премию. Тогда это означало «быть причисленным к лику святых». С делегациями советских литераторов Луконин много выезжал за границу. Для молодых поэтов дружба с ним оборачивалась всесоюзным признанием. В 50-е Луконин выпустил две книги стихов. Особую из-

вестность получили антивоенная поэма «Дорога к миру» и повесть в стихах «Признание в любви». После войны Михаил Кузьмич окончательно переселился в Москву, стал жить на Новопесчаной улице. Очень часто у него бывали знаменитые и незнаменитые люди, которые потом стали явлением в нашей литературе, тот же Юрий Трифонов, Белла Ахмадулина, Константин Ваншенкин, Расул Гамзатов и, конечно, Евтушенко. Самые известные поэмы Луконина – «Обугленная граница» и «Поэма возвращения». В творческом арсенале Михаила Кузьмича – несколько сборников лирических стихов, книга статей «Товарищ поэзия» (1963). За книгу стихов и поэм «Необходимость» (1969) удостоен Государственной премии СССР (1973). Секретарь правления СП СССР (с 1971). Награждён орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями за заслуги перед Отечеством.

В 70-е поэт М.К. Луконин работал секретарём Союза писателей СССР. На этом посту он поддерживал начинающих поэтов союзных республик, переводил их поэзию с национальных языков на русский. Луконин умер внезапно – от инфаркта, не дожив до шестидесяти, в 1976 году – 9 августа. Сказались, как он написал однажды, «ранения давнишнего огня, ранения послевоенной боли».

В Волгограде на улице имени Чуйкова, на доме, где жил поэт, установлена мемориальная доска, там же находится и музей-квартира, где собраны личные вещи Михаила Кузьмича, подарки его почитателей. Имя Михаила Луконина носит Волгоградский дом литераторов. Его стихи были переведены на многие языки мира. В числе именитых переводчиков был великий поэт Пабло Неруда, пламенно влюблённый в Сталинград. Поэзии Михаила Луконина, которая вначале была отмечена прямым влиянием Маяковского, свойственно стремление к эпичности, к широкому охвату разнообразных жизнен-

ных явлений. Свободный интонационный стих чередуется у него с традиционными размерами.

Астраханский край подарил миру замечательного русского поэта Михаила Кузьмича Луконина, имя которого стоит в ряду с именами поэтов-фронтовиков – А. Твардовского, К. Симонова, А. Суркова, Г. Суворова, С. Наровчатова. «Война принесла мне дружбу таких моих сверстников-поэтов, как Георгий Суворов и Михаил Луконин, – писал Наровчатов в 1972 году. – Один погиб, а второй здравствует, и я никогда не перестану печалиться о первом и радоваться живому голосу другого». На родине поэта ежегодно проходят Луконинские чтения. 29 октября в день рождения М. Луконина вручаются литературные премии его имени, учреждённые Астраханским отделением Союза писателей России и администрацией Приволжского района.

Михаил Луконин принадлежал к тем поэтам-фронтовикам, кого уполномочили павшие дойти до Победы и правдиво рассказать об этой войне. В 1963 году он написал стихотворение «Обелиск», которое стало памятником солдату, не вернувшемуся с войны. Стихотворение написано в форме лирического монолога, где солдат-обелиск обращается к живущим:

*Вы думаете – нет меня,
Что я не с вами?
Ты, мама, плачешь обо мне.
А вы грустите.
Вы говорите обо мне,
Звения словами.
А если и забыли вы...
Тогда простите...
Нас много у тебя, страна,
Да, нас немало.
Мы – это весь простор земной
В разливе света.*

Я с вами.

Надо мной шумит моя победа.

Биография и творческий путь Луконина неотделимы от судьбы фронтового поколения, и многие его произведения проникнуты темой Великой Отечественной войны. Трудно сложилась судьба поэта. Долгие годы он не знал, где похоронены его родители. День его рождения в 1918 году совпал с трагическими событиями гражданской войны. Спустя два года умирает отец, оставив вдову с малолетними детьми на руках. Когда мальчику исполнилось 12 лет, семья переехала в Сталинград. Здесь он становится учеником фабрично-заводской школы, а в 7 классе вместе с другими ребятами посещает литературный кружок.

В самом начале войны студенты Литинститута принимают решение о добровольном уходе на фронт. В первые месяцы войны наши войска отступали, оказывая ожесточённое сопротивление фашистам. «Я помню страшные дороги отступления – мы прошли их с Михаилом Лукониным, выходя из окружения брянскими лесами и орловскими нивами в 1941 году», – вспоминал Сергей Наровчатов. На войну Луконин уходил уже зрелым поэтом, а вернулся известным, хотя написал о войне до обидного мало. Многие его произведения постигла печальная участь – в одном из боев на Брянщине сгорел вещмешок, в котором находились его рукописи. В своём предисловии к двухтомнику Луконин писал: «В эти два тома вошли сочинения, избранные из того, что написал я за тридцать лет работы... Я не помещал ранних своих работ, а многое вообще потеряно или погибло на высоких кострах жизни». Поэты в годы войны писали о тех трагических днях, о бесстрашии советского солдата. Всю войну Луконин работал специальным корреспондентом армейских газет «Сын Родины» и «На штурм». В ту пору

говорили только о событиях на фронте, а об этом можно было узнать от армейских журналистов, которые честно несли нелёгкую воинскую службу. Луконин писал репортажи, очерки, информации с поля боя. Стихи они могли писать только по заданию. «Забудьте, что вы поэт, вы присланы литсотрудником», – учил редактор. Как военный журналист он бывал там, где шли решающие бои.

В 1942 году в дни первых бомбардировок в Сталинограде погибла мать Луконина Наталья Ефимовна, которой он посвятил стихотворение ещё до начала войны:

*Изю дня в день я думаю о тебе –
Моей колыбели, моей судьбе –
Женщине, вырастившей меня...
Мама, если меня простишь
Сердцем маминым, решено:
Я расцелую тебя одну,
Сердце послушаю, обниму,
Слезы вытру, в лицо взгляну...
Перед тем, как уйти на войну.*

Осенью 1944 года он начал работу над поэмой «Признание в любви». «Фашистская орда, огрызаясь, покатила к Риге. Идут тяжёлые бои. А я всё время не могу выйти из странного состояния, захватившего меня дорогою, как будто я заболел – днём и ночью видятся лица, слова сходятся в строчки...» Прошли многие годы, но не забывался крошечный ад войны и павшие товарищи. И потому нам понятны строки поэта, когда он с болью написал:

*Четыре года жизни – год за годом,
Четыре года смерти – день за днём
Во имя мира всем земным народам
Бежали, опоясаны огнём.
Всё, что свершили, – памятно и свято.
Навеки будут рядом, без конца, –*

*Могила Неизвестного солдата
И счастье победившего бойца.*

Михаил Луконин прожил нелёгкую, но счастливую жизнь. Нелёгкую потому, что пришлось испытать трагические годы войны. А счастливую потому, что его друзьями, его коллегами по творчеству были Сергей Наровчатов, Николай Майоров, Михаил Кульчицкий, Павел Коган, Борис Слуцкий... Среди этих ярких дарований почётное место принадлежит Михаилу Луконину, который больше всего любил поэзию. Есть у волгоградского поэта Юрия Окунева, который часто приезжал в Астрахань вместе с Лукониным, посвящение другу – о его великом таланте любить, не уставая удивляться и восхищаться родными местами:

*Астраханская степь, камыши,
Над водою склонённые ивы,
Ты приехал на родину,
Был ты по-детски счастливый...
Я приехал. Я вижу:
Вокруг все Лукониным дышит.
Астраханская степь.
Килинчи. Поминают, склоняются ивы.*

Астраханский край свято чтит добрые традиции. Ежегодно проводятся Дни литературы, посвящённые замечательному поэту-фронтовику Михаилу Кузьмичу Луконину. В день рождения поэта 29 октября вручается ежегодная премия его имени.

Имя Луконина навсегда связано с Волгой. «Вполне естественно, что в своих стихах, как и в жизни, я часто возвращаюсь к Волге, но я – волжский человек и считаю это своим творческим счастьем»:

*Уезжаем, говорю тебе: «Счастливо!»
Тихо тают на песке мои следы...*

*Мне прощание с тобой, как боль разрыва,
С каждым разом – как предчувствие беды.
От волны твоей глаза мои наволгели.
Отзови от всех земных широт меня.
Волга – родина! Я твой. Я капля Волги.
Искра малая от вечного огня.*

Имя Луконин в хрестоматиях стояло в общем ряду так называемых «фронтовых поэтов»: Семён Гудзенко, Александр Межиров, Константин Ваншенкин, Борис Слуцкий, Давид Самойлов и другие. Но ограничиваться только этим, «фронтовым», определением, значит умалять значение интимной лирики в творчестве каждого из них. Стихи Луконина – удивительно проникновенные, чарующие по звучанию и краскам, даже военной поры, где, казалось, не до эмоций:

*Пусть твои, любимая,
Сбудутся желания,
Пусть с тобой
увидятся
Все мои послания.
Только бы не
стукнуло
В дверь твою,
красавица,
Извещение тусклое,
Что меня касается.*

Фронтовое братство – характерная черта поэтического поколения сороковых – не давало опускать руки даже в самые трагические моменты. И, что удивительно (а это видно из переписки Михаила Луконина с товарищами по перу), в разрывах снарядов все явственней слышалось эхо Поэзии. «Друг мой, скоро ли мы снова станем плечом к плечу? А ведь всё онемело без нас, и, что ещё хуже, раздаются всякие звуки, не родственные поэзии. Да будет наша встреча рождеством настоящего

поэтограда!» (Из письма М. Луконина Н. Глазкову, 22 января 1944 года.)

С первых же мирных дней он был замечен поэтической братией, друзьями, критиками. Государственные премии, руководящие посты в Союзе писателей, правительственные награды – всего лишь признание заслуг, которые в изобилии раздавало государство, имевшее монопольное право давать оценки автору. Насколько справедливы были они? Не мне судить. Замечу лишь, что поэма «Рабочий день» в художественном смысле любопытная, не более, однако монументальная форма её – пафос, которым дышала страна, – вполне соответствовала социальному заказу. Он был дитя своего времени, и в меру поэтического таланта говорил о нём искренне, без оглядки на мнение критиков, каким бы суровым оно ни было. Похвастаться тем, что в год издал столько-то книг стихов, отец не мог. Он вообще не был в этом смысле плодовитым. Он ждал момента, долго и мучительно, когда книга «созреет». Константин Симонов однажды заметил: «У Луконина есть неудачные стихи, но нет проходных книг». Симонов имел в виду прежде всего книгу стихов «Необходимость», за неё поэт получил в 1973 году Государственную премию. Волновала прежде всего поэзия. Он её боготворил, называя не иначе как «товарищ поэзия». Он чутко улавливал талант в молодом человеке, старался поддержать, помочь в житейских делах. По характеру он был жизнерадостным человеком и где бы ни находился – в общественных местах, в Союзе писателей, ЦДЛ, в поездках по стране и за рубежом – всюду оказывался в центре внимания, вызывал улыбку окружающих. И это не было позёрством, ибо за шуткой, им же придуманной, следовал хрипловатый, перекастистый смех. И собеседник заливался смехом от удвоенной порции луконинского «блюда» – рассказа и его хохота. Он

часто выступает публично, читает стихи без надрыва, чем грешили многие поэты-шестидесятники, просто, как будто беседует наедине со зрителем. Его поэзия «дышит-ся жизнью самой». Она метафорична, как сама жизнь.

В Германии возвращает осколок снаряда, изготовленного на заводе Круппа и пробившего Мамаев курган в Сталинграде. Эффективен и точен был жест поэта.

Да, годы, прожитые отцом на Сталинградской земле, – были значительным периодом в его жизни, на ней взошли побеги луконинской поэзии. И всё-таки понизовье Волги для поэта имело особый, символический смысл. Там он родился, там умер от холеры отец, там был пастухом. Он никогда не забывал об этом. Уже будучи в зените славы и почёта, Михаил Луконин с какой-то особой теплотой говорил о малой родине, глаза его загорались искромётным огнём. Астраханцы любят и чтят своего земляка, ежегодно в день рождения, 29 октября, в селе Килинчи Приволжского района Астраханской области проводят культурные мероприятия. В селе, в доме, где родился поэт, находится музей М. Луконина, он единственный в мире. Музей был создан ещё при жизни Михаила Кузьмича, не раз именитый поэт сам посещал его и дарил сельчанам экспонаты.

На торжества традиционно съезжаются поэты, писатели, деятели культуры и просто почитатели таланта Михаила Луконина. Доброй традицией стало то, что все иногородние участники поэтического праздника обязательно сажают деревья. Делается это в парке Победы, что расположен буквально в двух шагах от дома-музея. Так в Килинчах появилась зелёная Луконинская аллея.

*Были дни и ночи – стали даты,
нас разделив на мёртвых и живых.*

Автор этих строк прошёл две войны и рассказал об увиденном честно и просто, от первого лица и одновременно от имени всего поколения.

Вячеслав Лютый

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в Легнице (Польша) в семье советского офицера. Окончил радиотехнический факультет Воронежского политехнического института и Литературный институт имени А.М. Горького. Автор литературно-критических книг «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014), многих публикаций в журналах, а также газетах «Литературная Россия», «Российский писатель», «Литературная газета», «День литературы». Лауреат премий «Живые сокровища славянской культуры», «Кольцовский край», «Слово-2017», Всероссийского конкурса литературной критики «Русское эхо», премий журналов «Подъём», «Аргатак», «Русское эхо», «Ковчег». Председатель Совета по критике Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Подъём». Живёт в Воронеже.

В ТОМ БУДУЩЕМ, ГДЕ НЕ ХРАНЯТ ВИНУ...

К 90-летию поэта и переводчика Юрия Ключникова

*Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.*

Юрий Ключников

Поздняя советская поэзия негласно взяла на вооружение главные установки акмеизма: предметность изображения и прозрачность картины. В разной степени эти положения сказались в творчестве отечественных поэтов послевоенной поры, однако такие критерии, несомненно, позволили русской лире выразить многое из того, что важно было произнести о родине и о судьбе, об эпохе и человеке во второй половине минувшего века. Теперь в ходу невнятица западных модернистских монологов, которая подаётся как «новое слово» в русском стихосложении, попутно претендуя на открытие якобы доселе неведомых читателю глубин – в том числе и его собственной души. Нет нужды доказывать, что подобная практика, соединяющая в себе оскопленную школярами авторскую манеру Бродского и неумение держать сюжет и писать стихи с регулярной версификацией, ничего не даёт читателю в художественном отношении. По существу, перед нами – имитация поэзии. С другой стороны, упрощение лирического повествования и лапидарность антуража дискредитируют уже саму традицию русского стихосложения, не говоря о том, что подобными средствами невозможно решать большие творческие задачи. На этом фоне особую ценность приобретают лирические произведения авторов, которые владеют изначально упомянутыми секретами мастерства. К числу таких поэтов можно отнести и Юрия Ключникова.

Его творческая деятельность довольно широка. Он перевёл корпус суфийской поэзии и тексты «Бхагавадгиты»,

дал возможность русскому читателю познакомиться с поэзией Китая в её исторической полноте, сделал вольное переложение французской лирики – от трубадуров до сюрреалистов XX века, позволил по-новому взглянуть на Шекспира и его литературное наследие. Эссе Юрия Ключникова об авторах, чьи стихи он предлагал русскому читателю, отличаются аналитической точностью и вдохновенной образностью и составляют особую страницу художественных поисков переводчика.

Стоит обозначить важные оттенки его работы над стихами иных времён и стран. Это определённо проявит его поэтическую «походку» автора, те черты, которые отличают его строку от всех иных.

В стихотворном переложении Ключникова «Бхагавад-гита» обретает ясность языка и зримую последовательность смысловых формул и нравственных оценок. В предисловии переводчик совершенно справедливо сослался на более лёгкое восприятие читателем древнего произведения, преображённого в поэтический текст. Оставляя в неприкосновенности многие важные детали оригинала, Юрий Ключников освобождает слог повествования от громоздких речевых конструкций. Притом не склоняя переложение к осовремененной версии первоисточника.

Замечательно, что движение мысли, пронизанной токами правды, справедливости, чувства рода и пониманием места человека на земле и в иерархии высших метафизических ценностей, отличается прозрачностью и последовательностью внятных умозаключений. При этом фабульная сторона произведения никак не соперничает с духовной, но становится её фоном, своего рода физической «рамкой» для рисунка неосязаемыми, но невероятно весомыми для жизни человека красками.

Этот поэтический текст хочется читать не из потребности расширить собственный кругозор, но просто потому, что он написан увлекательно. Сложное здесь дано очень яс-

но, нет нагромождения предложений, к которым читатель априори должен относиться с некоторым уважением или пиететом. Подобной чистоты слога стремится достичь любой переводчик в своём переложении оригинала на другой язык, но всякий раз сталкивается с трудностью соединения умозрительного – и осязаемого, материального. В переводе Ключникова эта художественная проблема волшебным образом удалена из соприкосновения читателя с великим сюжетом.

В древних китайских стихотворениях примечательно соседствуют непосредственность чувств и свежесть изображения событий. Собственно, такое свойство есть почти во всех старых лирических стихах – как европейских, так и восточных. Однако в китайском своде подобных сюжетов органично присутствует также и дидактичность. В лирике – как упоминание о нравах, в морализаторских вещах – как фиксация должного рядом с эскизом реальных поступков и обыкновений. Вводя в свои вольные трактовки давних текстов рифму, переводчик в каком-то смысле сообщает строкам дополнительную энергию, психологически как будто убыстряет движение слов, и тогда в целом становится возможно охватить сюжет одним взглядом, который не вязнет в локальных подробностях и не преодолевает ритмику поэтической речи, принадлежащей иной традиции.

Вместе с тем рифма в переложениях Ключникова соединяет предложения Востока, порой абстрактные для русского ума и плохо формулируемые в рамках иноязычного художественного изложения, с отчётливостью лучших примеров отечественной стихотворной практики. Не используя в чистом виде афористичность, переводчик, тем не менее, стремится к пушкинской формуле внятного литературного слога, и уже поэтому древнекитайская архаика превращается под его пером в слегка стилизованную под старину живую картинку – философски ёмкую и образительно яркую. При этом назидательные строки у Ключникова не кажутся прописными истинами, за словами слышится дыха-

ние русского автора, преодолевающего крутые взгорья своей собственной судьбы. Переводы стихотворений нового времени во многом утрачивают самобытность прежних образцов поэтического Китая, однако в них есть то, что сегодня почти уже не найти в современной западной лирике: способность удивляться красоте, искренности, понимать важность серьёзных поступков и хранить верность своей родине, бережно относясь ко всем событиям её сложной, противоречивой – но всё-таки цельной истории.

В переводах персидской – суфийской – поэзии Ключников удивительно точно находит интонации, казалось бы, взаимно исключаящих эмоциональных состояний: спокойной мудрости и сильной воли, которая определяет жизненный путь человека. В этих переложениях изображение житейских коллизий и перетекание мысли от одного предмета к другому соприкасаются с созерцанием судьбы как цепи перемен – с отчётливой логикой причин и следствий. Каждый твой шаг определяет, каким станет твой будущий день. Счастье и горе преходящи. Светлые мгновения уступают место горьким сожалениям, а земная беда оказывается ступенью к небесному существованию. Так – у древних поэтов: внешний и внутренний мир предстают в какой-то степени сбалансированными в их стихах. Иначе – у авторов современной эпохи, для которых вопрос духовного противостояния нравственному распаду стал одним из главнейших в творчестве. Давая обширную историческую ретроспективу поэтических имён от Рудаки до Назыма Хикмета и аятоллы Хомейни, переводчик естественным образом погружает читателя в динамику мироощущения восточного человека и в эволюцию его сокровенного представления о самом себе. Такая полнота художественной речи помогает и европейскому уму скорректировать свой привычный эгоизм и, не забывая о собственном «я», осуществить необходимую поверку западных ценностей. Непрерывность нравственной и психологической палитры в представленной переводчиком

антологии позволяет читателю сделать это мягко и естественно.

Французская поэзия исторически и духовно очень близка русской лирике. Её духовные искания, обретения и заблуждения совсем не похожи на ровный в метафизическом отношении склад восточных стихотворений. Вчерашние интеллектуальные и нравственные императивы при свете наступающего дня здесь очень часто превращались в ничто или же показывали свою оборотную сторону, по меньшей мере – неоднозначную. Многие французские стихи далеко отстоящих друг от друга эпох в русской переводческой практике часто теряли изначальную экспрессию и художественную привлекательность, и читатель был вынужден ориентироваться лишь на приблизительный контур художественных образов автора. В особенной степени это касается французских верлибров XX века. Русская классика дала нам достаточно примеров вольных переложений поэзии разных стран. В них был отражён важнейший принцип: переводится художественный мир стихотворения, а не собственно иноязычный текст. Юрий Ключников в своей переводческой практике так или иначе придерживался этого правила. И потому в его транскрипции столь прозрачно звучат стихи французских сюрреалистов: понятны смысловые акценты, наглядность изображаемых реалий не входит в грубое противоречие с поэтическим языком, а сама свободная структура строк оригинала в переводе получила рифмованную интерпретацию. В свою очередь, поэтическое Средневековье лишено стилевой архаики и воспринимается сегодняшним читателем без дополнительного напряжения и привычных вкусовых скидок на древность оригинала. Переложения Ключникова совсем не кажутся «непозволительными вольностями» версификатора. Они подчинены магистральной цели: ввести поэзию другой культуры в русский литературный контекст, максимально сохранив интонацию первоисточника.

Сонеты Шекспира у Ключникова получают странное свойство: неуловимо продолжая «персидскую» традицию поэтического рассуждения, они сосредоточены на земной жизни лирического героя. Смятенное сердце, кажется, полностью погружено в страсти мира, и Бог в этих монологах появляется, скорее, формально, а не в качестве Высшей Инстанции, вечной и непостижимой. Подобный психологический и «голосовой» акцент как будто присущ шекспировскому тексту – но, глядя на некоторые подстрочники сонетов, можно понять, что в них трактовка сюжета как будто более широка. И лирическое высказывание, озвученное переводчиком, им представлено именно так совершенно сознательно.

Форма сонета подобна форме человеческой жизни: телесный плен и устремления духа можно показать – и заставить читателя поверить автору безоговорочно. Но преодолеть границы положенного человеку бытия – невозможно. Эта отчаянная стеснённость сокровенной личности соединена с воплем души, который чувствуется практически в каждом поэтическом сюжете Шекспира. Иное дело, что такой «крик», в свою очередь, словно стянут невидимым обручем и звучит глухо, а слова здесь произносятся с недомолвками. Умозрение тут куда обширнее телесных представлений, предметность отодвинута на задний план. И только мысль борется с чувством, порой заключая перемирие.

По-другому – в стихотворениях поэтов шекспировской эпохи. Там много вещественности и рассудочности, свойственной английскому уму, однако переводчик придаёт русской версии текста живую простоту речи, ничуть не снижая интеллектуальный уровень лирического рассказа. Поддерживая версию о «двойном авторстве» произведений Шекспира, Ключников выстраивает свои переводы соответствующим образом. В итоге читатель получает контрастную переключку великого поэта и его времени.

А теперь взгляды в собственные, авторские стихи переводчика. В них в концентрированном виде сосредоточены художественные краски и сам способ «взять» творчески тот или иной предмет.

*Чем ближе осень, тем верней
Сквозь шорохи опавших листьев
Мы ловим шёпоты корней.*

Кажется, что здесь – признание поэта, вступившего в поздний этап своей жизни, его стремление познать тайну природы и бытия, выраженное в элегическом ключе. Это так, однако жажда найти неявное и скрыто-таинственное пронизывает почти все его произведения, включая переводы авторов разных стран и эпох. Можно подчёркивать обыденное – и видеть красоту в малой детали многообразной реальности. Но можно пытаться понять механизм движения событий и людей – и уже потом постичь влияние этой глубины на простые предметы и поступки. Юрию Ключникову, соединившему в себе черты поэта, просветителя и философа, ближе второе. Он отмечает в мучительном историческом пути России качества, которые неведомы чужеземцам, но моментально принимаемые как слова доверия русским человеком.

*А ещё от Финского залива
До чукотских тундровых полей
Белое в России молчаливо,
Чёрное кричит из всех щелей.*
.....
*Цветок любви к измученной России,
Которой никакой неведом страх.*

Метафизика русского пространства и духа не обозначается наглядно, но проявляется в непостижимой для иностранца черте или примете. Причём образность у Ключникова – не зримая, а смысловая, заставляющая вспомнить поэтическую речь Фёдора Тютчева.

*Нам не понятен
В нас вложенный Богом заряд,
Также и сила заряда ещё неизвестна.
Мы предназначены царству
По имени «Брат».
Верим, что там
Обретём своё царское место.*

.....
Нет в мире, кроме правды, ничего.

Эта приверженность Правде в её высшей – возможно, надмирной ипостаси встречается в стихах Ключникова самой разной тематики. Такое свойство поэта характеризует его, в первую очередь, лично, а уже во вторую – накладывает отпечаток на все художественные средства, которые он использует в лирике. Он не делит историю родины на эпохи успеха и «чёрные дыры»; её движение сквозь годы и века для художника непрерывно. Но показать превосходные и прискорбные черты прошедших времён – в его власти; это продиктовано чувством долга. Как говорил Александр Блок, нужно говорить правду. По отношению к художнику такой императив звучит как самоидентификация.

У Ключникова практически везде прослеживается мысль о предопределённости судьбы России, которой свыше назначены сроки мытарств и обретений. Поэт склонен мифологизировать действительность, но подобное художественное свойство у него замыкается на евангельские предначертания и на загадочность пути России. Его стих просторен и свободен по речи, реалии естественно соседствуют с умозрением, с духовными проекциями. Для него важно «доопределить» собственные чувства и сформулировать свою мысль о мире – эти две задачи он, видимо, считает главными. И пусть они покажутся достаточно общими для поэзии как жанра, однако у Ключникова названные позиции даны во всей их обнажённости.

У Юрия Ключникова очень много стихотворений, в которых его лирическое «я» вступает в диалог с природой. Финал «Грозы в горах» кажется эхом пушкинских слов в устах Вальсингама («есть упоение в бою...»): *«Жизнь огромная тем интересней, // Чем грозней и опасней она»*. Спорное утверждение, но в нём присутствует русская безрассудность и душевный порыв. У поэта есть целый ряд таких экстремальных обозначений: *«...Судное время // Не падение вниз, // Но прыжок в высоту»*.

Интеллектуальные максимы у него неплохо уживаются с картинами реального мира. И кажется, что у автора есть некий «канал сообщения» с пространством предначертанного. Но перед нами все-таки не речь духовидца, а дерзость вдохновенного певца. Он переводит зримую картину в изображение, не вторгаясь в её строй художественными образами, в определённой степени произвольными. Привнесение образа в творимое словами полотно у него всегда органично сочетается со всеми остальными деталями увиденного и воссозданного, с развитием сюжета во времени и находится в согласии происходящего с потаённым содержанием некоей уже «большой картины». Он скуп на самодостаточный поэтический троп, ему важнее достоверность лирического рассказа. И тут ещё раз вспомнится Блок: *«Ты помнишь? В нашей бухте сонной // Спала зелёная вода, // Когда кильватерной колонной // Вошли военные суда...»*

Как правило, стихотворения Юрия Ключникова обращены к «приподнятым» над обыденностью реальным очертаниям мира. У него, наверное, вовсе нет или очень мало произведений, где автор входил бы в знакомый читателю окоём и лёгким штрихом показывал неповторимость окружающих предметов и ситуаций, их потаённую теплоту. Возвышенность слога предстаёт важной чертой его поэзии.

В творчестве Ключникова множество мифологем: эта сторона нашего бытия его властно притягивает – так же, как и интерпретация исторических страниц русской истории.

Образные акценты автора точны по смыслу, отчётливо индивидуальны и окрашены мировоззренчески и личностно. В «Сонете о визите де Голля на могилу Сталина в 1966 году» классическая драматургия формы замечательно участвует в интеллектуальном финале стихотворения; поэтический и духовный «жест» органично сливаются в одно целое:

*...Прервал советский лидер тишину,
Мол, страшный вождь навеки испарился,
Де Голль сказал:
Не умер – растворился
В том будущем, где не хранят вину.*

Поэт любит увеличивать изобразительный план – просто подчеркнуть предмет или сюжетный поворот он не хочет. Таков склад его художественного характера.

Он свято чтит память о Советской стране и об Отечественной войне, его отношение к прошлому напитано русским чувством – осознанным и исполненным достоинства. Поэт выглядит ходатаем в будущее за великую правду советского времени и Великой Победы. Его лирика погружена в историософию и публицистику и пронизана болью сердца, часто очень затаённой.

*Я поминаю дух и прах
Отцов, которые без хлеба,
Отринув всякий Божий страх,
Как боги штурмовали небо.
Не убивал и не убью,
Не принесу свидетельств ложных,
Но их по-прежнему люблю,
По-детски веривших, что можно
Через кровавые моря
Приплыть к земле без зла, без фальши.
Смешная, страшная моя,
Страна-ребёнок, что же дальше?*

Ключников не входит в тонкую материю переживания, он не «психологичный» поэт. Не выстраивает изображение с дальнейшим его оживлением – но называет и назначает, в какой-то степени напоминая первых людей на земле. Художественные построения Юрия Ключникова стройны и понятны, в них нет внезапно возникающей перед читателем «тайны». В этом отношении он весьма дидактичен и окончателен в словах. Он не берёт в рассмотрение микрочастицы души и мира, дабы показать, как они сосуществуют. Он смотрит на оттиск души – в полный рост и на оттиск мира – во всю ширину и высоту. Именно в этом сказывается эмоциональный «шаг» его поэзии, раствор художественного «циркуля», которым автор измеряет или поверяет реальность и метафизику.

В подобном движении по пространствам души и измерениям духа сказываются присущие Юрию Ключникову вера и оптимизм, проявляется жизненная сила творца, которая не вязнет в сонме подробностей, но позволяет автору обращать внутренний взор на видимые формы, а не на их «молекулярное» содержимое.

Пожалуй, именно такой масштаб картины и её предметов лучше всего подходит для той поэзии, которую он переводил на русский язык. Он не выстраивает мозаику из деталей, но моментально улавливает и воссоздаёт некое соответствие иноязычного материала собственному речевому и образно-оптическому устройству. И в том – ещё одно свидетельство принадлежности Юрия Ключникова живой традиции русской поэтической классики.

СВОБОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Станислав Куняев

Станислав Юрьевич – поэт, прозаик, публицист. Родился 27 ноября 1932 года в Калуге. В годы войны семья Куняевых была эвакуирована в северное село Пыщуг, где Станислав и закончил четыре первых класса начальной школы. Там, на Русском Севере, и родились первые куняевские стихи. Одно из них, посвящённое войне, даже было помещено в стенной газете. После войны семья вернулась в Калугу. С 1952 по 1957 год Станислав Куняев учился на филологическом факультете МГУ, где и начал писать стихи. Первая книга стихов «Землепроходцы» вышла в 1960 году в Калуге. Всего вышло более 20 книг стихов, прозы, публицистики.

Стихотворение 1959 года «Добро должно быть с кулаками» не только сделало поэта знаменитым, но в чём-то и предопределило всё развитие его поэзии, даже с учётом того, что поэт позже отказался от категоричности своего поэтического манифеста.

С 1989 года является главным редактором ведущего русского литературного и общественного журнала «Наш современник», объединявшего и объединяющего все лучшие литературно-патриотические силы страны.

За последние годы опубликовал трёхтомник воспоминаний «Поэзия. Судьба. Россия», ставший несомненным литературным событием

начала третьего тысячелетия. Лауреат Государственной премии России. Живёт в Москве.

ПИЛИГРИМЫ

**(К 85-летию со дня рождения Н. М. Рубцова
и к 80-летию со дня рождения И. А. Бродского)**

I.

На рубеже 50–60-х годов прошлого века в Ленинграде встретились два молодых поэта, известные всего лишь узкому кругу своих друзей и поклонников. Оба они с разницей в несколько лет написали по стихотворению, каждое из которых постепенно становилось знаменитым и делало «широко известными в узких кругах» своих создателей.

Оба стихотворения быстро обрели в читательском мире самостоятельную жизнь, а за полвека стали символами двух глубоких мировоззрений и очертили два пути, по которым до сих пор шествуют и человеческие толпы, и люди-одиночки.

Имена этих поэтов-провидцев сейчас известны всем – это Иосиф Бродский и Николай Рубцов, сочинившие стихи о пилигримах, бредущих по земным дорогам.

Впрочем, сам образ дороги традиционен для русской поэзии, если вспомнить о том, что «не одна во поле дороженька пролежала», или пушкинские «Дорожные жалобы», или «Выхожу один я на дорогу»... Да и вся русская поэзия пронизана некрасовскими, тютчевскими, блоковскими, есенинскими дорогами... И вообще в русском сознании слово «дорога» означает слово «судьба». И в стихотворениях Бродского и Рубцова присутствует редкое слово «пилигрим». Я уверен, что, живя в одни и те же годы в Ленинграде, они встречались в узкой ленинградской богеме, где ря-

дом с ними были Евгений Рейн и Глеб Горбовский, Виктор Соснора и Борис Тайгин, Константин Кузьминский и Леонид Агеев, Нина Королёва и Анатолий Найман, Лидия Гладкая и Эдуард Шнейдерман.

Все они дышали одним воздухом, но Рубцов и Бродский дышали им глубже других. И по мнению Евгения Рейна, опубликовавшего в «Литгазете» (№ 20, 2010) к 70-летию Бродского одну из самых точных и честных статей о его судьбе, настоящая слава к поэту пришла сразу после «Пилигримов».

Я помню, как однажды в 1960 году меня навестили муж и жена, составители книги словацкого поэта Ладо Новомесского, принесли подстрочники для перевода, мы засиделись, выпили по рюмке, и слависты под гитару с яростным вдохновением исполняли «Пилигримов» Бродского. Я был поражён мрачной энергией и музыкой, и самого стихотворения, которое, как мне показалось, тогда уже стало чуть ли не гимном для небольшой, но пассионарной части «оттепельной» интеллигенции, восхищённой судьбой героев стихотворения.

Впоследствии я понял, что гимна из этого стихотворения не получилось, в основу гимна легло более понятное для либеральных масс рифмованное сочинение Булата Окуджавы «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

*Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигримов.
В. Шекспир*

Дорога

*Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,*

*мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,
глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звёзды встают над ними
и хрипло кричат им птицы,
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но всё-таки бесконечным.
И значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
и быть над землёй рассветам.
Удобрить её солдатам,
одобрить её поэтам.*

Поистине в большом познании много скорби. И если вспомнить, что стихотворение написано восемнадцатилетним человеком, то неизбежно придёшь к выводу, что Иосиф Бродский никогда и не был молодым поэтом, он как будто бы и родился или стариком, или вообще существом без возраста.

Пилигримы Бродского из последних сил бредут в неведомую даль, как дети несовершенной и враждебной им цивилизации, созданной их же руками, как вереница искалеченных и обездоленных её детей, вернее, изгоев человеческого гетто. «Увечные», «горбатые», «полуодетые», «голодные», «палимые синим солнцем». Так и хочется спросить: «Сколько их? Куда их гонит?»

Их дорога в «никуда» или неизвестно куда оглашается хриплыми криками то ли древнерусских ворон, то ли древнегреческих гарпий, внушающими странникам, что мир жесток и «лжив», что он «останется прежним, да, останется прежним, ослепительно снежным и сомнительно нежным», то есть несправедливым и немилосердным, что он не изменится так, как им этого бы хотелось. А от сознания этой несправедливости лишь один шаг к отрицанию Бога и человека, как его подобия.

«И значит, не будет толка от веры в себя да в Бога»...

А что же остаётся? Брести подобно зомбированному неведомой волей стаду к неведомой цели, подчиняясь фатуму, слепому инстинкту, подобному тому, который гонит рыбы стада на смертельный и неизбежный нерест и полчища крыс, повинующихся дудочке могущественного и лукавого крысолова.

В какое время и по какой земле движутся пилигримы, словно колонна военнопленных, без охраны, сдавшихся врагу добровольно – это не имеет значения. Словно послушные овцы, бредут они по организованным и расчерченным дорогам цивилизационного, рукотворного ада, созданного, видимо, их же руками. Разве что одна конкретно-историческая примета есть в стихотворении: они бредут «мимо Мекки и Рима», то есть две самых великих мировых религии чужды этим избранным толпам.

Вечные протестанты, потомки Агасфера, закосневшие в своей отверженности и своей гордыне... И Бог их не слышит, и солнце их жжёт, и птицы над их шествием «хрипло

кричат» что-то погребальное, и с каждым шагом остаётся всё меньше и меньше от великой иллюзии, которая дала пилигримам толчок много веков тому назад – для начала этого рокового, но безблагодатного шествия.

Вот каким апокалиптическим откровением – апофеозом похода пилигримов была поражена душа молодого Бродского, и этот ожог души остался у него на всю жизнь.

Иллюзия цели. Иллюзия жизни. Иллюзия спасения. Но утрата иллюзий не проходит бесследно. Лучше и точнее всех угадал драму Бродского один из самых близких его друзей Евгений Рейн, пронизательно заметив, что «пилигримы» были важнейшей точкой в мировоззренческом становлении Бродского. Рейн нащупал все дальнейшие нити, протянувшиеся от этого старта: «Описываемый им мир – это мир сумеречный, пессимистический, не оставляющий никакой надежды»; «Бродский становится мизантропическим и как бы одноцветным поэтом, каким мы его знаем»; «Шутки довольно саркастичны и злы, и никакого просвета в этих стихах нет»; «Негативный философский взгляд, сопряжённый гениально отточенной метафорикой»; «Видимо, в нём был и момент моральной опустошённости»; «Именно это нагромождение изысканных темнот...» И это при всей любви к своему младшему собрату и ученику... Ну как тут не вспомнить мысль нелюбимого зрелым Бродским Александра Блока: «Оптимизм, как и пессимизм – признак плоского и пошлого мировоззрения. Только понимание жизни как трагедии даёт цельную картину мира».

Самые сильные из «пилигримов» неизбежно скатываются к богоборчеству. И не случайно я вспомнил, что у меня на полках где-то стоит книга Хаима Нахмана Бялика, которого отцы-основатели сионизма считали великим поэтом. Книга эта издана в 1914 году в переводах и предисловии Зеева Жаботинского.

В ней всё как по заказу – и предисловие, и стихи, и поэмы – о «пилигримах». «Всё, что есть роскошь жизни, было

изгнано из национального обихода: изгнана любовь, изгнана радость, изгнано творчество, изгнано всё то красивое, сверкающее, полнокровное, что Бялик объединяет в символе женщины, женского начала. Жизнь стала подобна пустынному каменистому острову. Только этой ценой мог безземельный бродяга сохранить остаток того, что есть высшее сокровище каждого племени – остаток своей самобытной личности, последнюю прядь от догоревшей “гривы Огненного Льва”. За стенами гетто, у чужих людей, искрилась и переливалась всеми красками Божией палитры свободная полнота жизни – для узников пустынного острова порыв навстречу этой жизни означал бы исчезновение вечного народа “в волнах реки Аввадон, чьё имя – Гибель”. И вот на почве этой двадцативековой борьбы между радостью бытия и суровой миссией самосохранения, между Аввадоном и Небом, развивается у Бялика великая трагедия современного еврейства – нецельность, двойственность, сумеречная шаткость и зыбкость еврейской души» (Жаботинский).

Хаим Нахман Бялик, выходец из местечковой России, в начале XX века уехал в Палестину, в 30-е годы он восторгался расовой теорией Гитлера и Розенберга и сочинял стихи и поэмы, ставшие классикой еврейской поэзии.

Одна из сцен поэмы Бялика «Мертвецы пустыни» рассказывает о том, как проводник-араб путешествует с героем поэмы по Синайской пустыне и приводит его в места древнего захоронения, где, полузасыпанные песками Синая, лежат громадные остовы падших ангелов-пилигримов, которые, согласно «Книге Бытия», в доисторические времена «входили к жёнам человеческим». Так Хаим Нахман Бялик, тоже путешествовавший «мимо роскошных кладбищ», нашёл самое древнее из них.

*То не косматые львы собралися на вече пустыни,
То не останки дубов, погибших в расцвете гордыни, –
В зное, что солнце струит на простор*
золотисто-песчаный,
В гордом покое, давно, спят у тёмных шатров великаны.

.....
*Стёр ураган их шаги, потрясавшие землю когда-то,
Степь затаила дыханье, и скрыла, и нет им возврата.
Может быть, некогда в прах*

*иссушат их ветры востока,
С запада буря придёт, и умчит его пылью далёко,
До городов, до людей донесёт и постелет, развеяв, —
Там первозданную силу растопчут подошвы пигмеев,
Вылижет прах бездыханного льва живая собака,
И от угасших гигантов не станет ни звука, ни знака...*

Да и сам Иосиф Бродский упокоился тоже как знатный пилигрим нового времени на одном из самых «шикарных кладбищ» мира – в Венеции, в сказочном городе, где жил еврейский ростовщик Шейлок и где рождались в средневековой Европе «ристалища», «капища» и «бары», и «банки», и «большие базары». Мимо которых несколько веков спустя, как вечные тени легендарного Агасфера, проходили пилигримы Иосифа Бродского...

Но пилигримы Бродского могут иметь не только метафизическую сущность, как некое агасферово братство, но и вполне реальные исторические очертания. Их можно себе представить как ополчение, бредущее под руководством монашеско-рыцарских орденов – тамплиерского, францисканского, бенедиктинского – на заре раннего Средневековья для «освобождения Гроба Господня от неверных», а заодно и для завоевания земель и богатств Ближнего Востока... Первые крестовые походы, первая попытка фанатичной европейской черни покорить племена и народы Третьего мира.

Озлобленные на судьбу «протестанты» всех времён и народов, они могут принимать обличие европейского пуританского спецназа, предавшего огню и мечу цветущий животный, растительный и людской мир Северной Америки; они могут воплощаться в испанских конквистадоров, разрушивших до основания несколько естественных в своём

величии земных цивилизаций; они похожи на солдат чёрного интернационала иностранных легионов, державших в рабстве тех африканцев, которым удалось спастись в своих джунглях от североамериканских работорговцев.

Помните гимн этих пилигримов: «День-ночь, день-ночь, мы идём по Африке, день-ночь, день-ночь, всё по той же Африке, и только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог, и отдыха нет на войне солдату»... Но это не просто солдаты. Это хорошо обученные наёмники.

Пилигримы Бродского не имеют отечества; они не знают, что такое вечность потому, что находятся в плену у времени; они, пожиратели пространства, всё время в походе, а это значит, что явления и картины жизни, сквозь которую они проходят – остаются для них чужими и непознанными. У них нет ничего кровного, родного. Это механические супермены цивилизации. Они не молят Бога о милости, но требуют поддержки от него, торгуются с ним («и значит, не будет толка от веры в себя да в Бога»), не понимая того, что, как сказал один мудрец, «с Богом в карты не играют».

Где только ни побывал за свою короткую жизнь пилигрим Иосиф Бродский: в Англии, в Мексике, в Скандинавии, в Испании, в Голландии, в Кападокии, в Ирландии, в Прибалтике, в Италии, в Америке... И, конечно же, в Венеции. И везде отмечился громадными полотнами однообразных, но блистательно зарифмованных скептических впечатлений!

II.

Старая дорога

Всё облака над ней,

Всё облака...

В тени веков мгновенны и незримы,

Идут по ней, как прежде, пилигримы,

И машет им прощальная рука.

*Навстречу им июньские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам – качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза!*

*То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюбимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова – глушь, забывчивость, заря.
Всё пыль да пыль, да знаки верстовые...*

*Здесь каждый славен –
Мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой.
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И больше ничего не происходит.
Но этот дух пройдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...*

Где и когда написал Николай Рубцов это стихотворение? Попытаюсь представить...

Юный нестеровский отрок вышел с берега Сухоны на старую дорогу через Усть-Толшму до Николы. Тридцать

километров лесом, лугами, распадками, по влажным, наполненным тёмной водой глубоким колеям от когда-то буксовавших здесь телег и машин. Мимо заброшенных починков, почерневших прошлогодних зародов, серебристых от старости столбов телеграфных. Сколько раз, пока дойдёшь до Николы, присядешь то у заброшенного овина, то на лесной земляничной опушке, то возле древнего погоста, то у кустов дикой малины. Я представляю его себе усталого, в промокшей обуви, с фибровым чемоданчиком, где немудрёное бельишко да сборник Тютчева, да ворох черновиков. Он бредёт, покачиваясь от усталости, а вокруг «зной звенит во все свои звонки», но зато вглубь зовут «росистые леса», качаются белые ромашки, и, куда ни глянь, всё трогает и волнует душу – и «филин-властелин», и верховые, «как три богатыря», проскакавшие куда-то к дальней кромке горизонта, и тишина.

Здесь каждый славен – мёртвый и живой!..

Редко-редко бывает, если какой-то грузовик догонит студента-пилигрима, шофёр высунется из кабины и спросит: «Далеко ли идёшь?»

*Я шёл, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
– Куда ты? – В деревню Предтеча.
– Откуда? – из Тотьмы самой.*

Он садится в кабину и едет дальше, радуясь, что отдыхает усталое тело, и в то же время смутно понимая, что теряет нечто, не успевая взглянуться в небо, надышаться ветром, распахнуть душу воле, синеве, зелёному простору.

А потому, не доезжая несколько вёрст до родного села, просит шофёра притормозить и выходит из кабины.

*И где-то в зверином поле
Сошёл и пошёл пешком.*

В отличие от пилигримов Бродского, идущих сквозь безымянные, безвременные и безнациональные пространства, пилигримы Рубцова бредут по русскому, российскому, хотя и запущенному саду с радостной душой, сквозь лесные и травяные райские кущи, в которых нет ни «баров», ни «больших базаров», разве что мелькнут руины архаического быта – «полусгнивший овин» да «хуторок с позеленевшей крышей», да «знаки верстовые» попадаются одне, поставленные, может быть, во времена Разина и Пугачёва. Пилигримы Бродского проходят мимо «роскошных» ухоженных и архитектурно выстроенных мемориалов Западного мира, пилигримы Рубцова – мимо безымянных, уходящих в землю могил («каждому памятник – крест»), о которых со смирением можно сказать лишь одно: «Здесь каждый славен – мёртвый и живой», то есть повторить другими словами извечную истину: «для Бога мёртвых нет».

Да и сам пилигрим Николай Рубцов, всю жизнь бродивший по русскому православному белому свету, вернулся на своё вологодское кладбище, отнюдь не «шикарное», что явствует из стихотворения Анатолия Передреева, посетившего в 70-х годах могилу своего друга:

*Лишь здесь порой,
Как на последней тризне,
По стопке выпьют... Выпьют по другой...
Быть может, потому,
Что он при жизни
О мёртвых помнил, как никто другой!
И разойдутся тихо,
Сожалея,
Что не пожать уже его руки...
И загремят им вслед своим железом,
Зашевелятся
Мёртвые венки...*

*Какая-то цистерна или бочка
Ржавеет здесь, забвению сродни...
Осенний ветер...
Опадает строчка:
– Россия, Русь, храни себя, храни...*

...А ведь некогда обе эти дороги вышли из одной точки Бытия, но, потянувшись по историческому пространству к горизонту, с каждым витком всё круче и круче расходились друг от друга...

Народы, как сказал один православный мудрец, «суть мысли Божии». Две дороги, избранные двумя великими народами, воплотились в две Божьи мысли, тайну которых можно будет разгадать лишь в последние времена.

Пилигримы Николая Рубцова – это калики перехожие, облик которых запечатлён в русских былинах и народных песнях... Это люди святой Руси, персонажи не от мира сего, бредущие отмаливать грехи и свои и своего народа в Киевскую Софию, в Оптину пустынь, в Дивеево к Серафиму Саровскому, а кто и на Святую Землю.

Это Некрасовский Кудеяр, ставший молитвенником и строителем Божьих храмов, это очарованный странник Лескова, это князь Мышкин Достоевского и Касьян из Красивой Мечи Тургенева, это босяки Горького и чеховские герои из повести «Степь», и богомольцы из стихов и поэм Сергея Есенина, это семейство Аввакума, бредущего в ссылку.

Это люди не времени, а вечности, о которых с такой проникновенной силой написал Алексей Константинович Толстой в одном из лучших своих творений:

*Благословляю вас, леса,
долины, реки, горы, воды,
благословляю я свободу
и голубые небеса,
и посох свой благословляю,
и эту нищую суму,*

*и степь от края и до края,
и солнца свет, и ночи тьму.*

.....
*и в поле каждую былинку,
и в небе каждую звезду...*

Такая вселенская широта души непонятна и не нужна пилигримам Бродского.

III.

С будущим нобелевским лауреатом я познакомился через несколько лет после знакомства с Рубцовым в середине 60-х годов прошлого века, когда в редакцию журнала «Знамя» зашёл рыжеволосый молодой человек, отрекомендовался и пожаловался на гонения, которым он подвергается в родном городе, и попросил меня прочесть его стихи.

Собственно, это были не стихи, а длинная поэма... Я прочитал её при авторе, поскольку он торопился с отъездом, и сказал ему, что как версификатор он весьма поднаторел в сочинении стихов, но поэма явно несамостоятельна, поскольку написана под сильным влиянием Пастернака и Цветаевой, и посоветовал ему никогда не публиковать её.

Но одновременно мне стало жалко его, почти юношу, за все наветы, вылитые на него ленинградской прессой. А обвинения в «тунеядстве» вообще возмутили меня, поскольку я незадолго до того получил письмо из деревни Никола Вологодской области, где Коля Рубцов тоже жаловался на своих деревенских земляков:

«Я проклинаю этот Божий уголок за то, что нигде здесь не подработаешь, но проклинаю молча, чтоб не слышали здешние люди и ничего обо мне своими мозгами не думали. Откуда им знать, что после нескольких (любых, удачных и неудачных) написанных мной стихов мне необходима разрядка – выпить и побалагурить».

Чтобы хоть как-то утешить нервного рыжеволосого юношу, я подарил ему свою книжку «Метель заходит в город» с какой-то душевной надписью, которую забыл (как забыл и сам факт дарения книги), о чём при случайных обстоятельствах вспомнил лет через сорок после этой встречи и лет через десять после его смерти.

Первоначально я хотел назвать эту книгу «Очарованный странник» и открыть её следующим стихотворением.

Дальний Восток

*Самолёт пожирает пространство...
Час. Другой. Не видать ни зги,
ни деревни, ни государства,
ни огня – бесконечное царство
бездорожья, тайги и пурги.*

*Вы, романтики и мореманы,
алкоголики в якорях,
добровольцы и графоманы,
комсомольцы и капитаны,
вам просторно в этих краях.*

*Места хватит – а это значит,
можно шастать туда-сюда,
кочевать, корчевать, рыбачить
и судьбу свою переиначить,
если есть такая нужда.*

*Не хватает нам постоянства,
потому что вёрсты летят,
непрожёванные пространства,
самоедство и святотатство
у России в горле сидят.*

*А когда эта жажда охватит –
до свиданья, родной порог!*

*Мне хватило, и сыну хватит,
и его когда-то окатит
околесица русских дорог.*

Но сей замысел по разным причинам не осуществился.

А в начале 90-х годов прошлого века у меня случилась короткая переписка с Бродским, тогда уже жившим в Америке. Дело в том, что в 60-е годы в Москве жил незаурядный юноша по имени Сергей Чудаков. Сын крупного энкавдэшного начальника, родившийся и выросший чуть ли не в Магадане, он сразу же при первом знакомстве заинтересовал нас (меня, Передреева, Кожина) многими своими свойствами: несомненной талантливостью, литературным вкусом, знанием русской поэзии, плебейским эстетством, порочным обаянием и даже некоей артистической растленностью. Словом, он был своеобразной русской ипостасью то ли Дориана Грея, то ли одного из братьев Карамазовых.

Кроме Иосифа Бродского, с ним были в близких отношениях два Олега – Олег Осетинский и Олег Михайлов, которые считали Чудакова одним из талантливейших поэтов своего поколения.

Этот русский вундеркинд и у меня также вызывал острое любопытство, хотя стихи, которыми он баловался, иногда удивляли свободой, высокомерием и восхитительным цинизмом.

*Ипполит, в твоём имени камень и конь.
Ты возжѣг в чреве Федры, как жжѣнку, огонь.
И погиб, словно пьяный, свалившийся в лифт,
Персонаж неолита, жокей Ипполит.*

*Колесницы пошли на последний заезд.
Зевс не выдаст, товарищ Будѣнный не съест.
Только женщина сжала программку в руке,
Чуть качнула ногою в прозрачном чулке.*

*Ипполит, мы идём на смертельный виток!
Лязг тюремных дверей и сверканье винтовок.
Автогонщик взрывается: кончен вираж.
Всё дальнейшее – недостоверность. Мираж.*

*«Я люблю тебя, мальчик, – сказала она,
Вожделением к мёртвому вся сожжена, –
Мне осталось напиться в ресторане “Бега”,
Мне осталась Россия, печаль и снега».*

В 60-е годы мы встречались часто, но потом мой интерес к нему пропал, и мы могли не встречаться годами. Однако я почему-то до конца не выпускал из памяти его джек-лондоновское лицо, скуластое, белозубое, большеглазое, обрамлённое крупными кольцами каштановых волос, и жалел о его не осуществившейся литературной судьбе.

Иногда до меня доходили слухи, что его то ли судили, то ли собираются судить за тунеядство, или за порнографические фильмы, или даже за сутенёрство. Но мне уже было не до Чудакова. Времена на дворе наступили грозные.

Однако вдруг в конце 1992 года в разгар государственной, бытовой и духовной разрухи я получил от него отчаянное письмо из Чеховского района Московской области, из селения Троицкое-Антропово, из психбольницы № 5, в котором он просил меня либо вызволить его из дурдома (куда он попал как душевнобольной, вместо того чтобы загреметь в лагерь), либо прислать ему немного денег на продукты, потому что кормят в психушке впроголодь.

А ещё в конверте лежало письмо для Бродского с просьбой узнать американский адрес последнего и отослать письмо в Америку. У Бродского Чудаков также просил денежного вспомоществования.

Я выполнил все его просьбы, послал ему денег, свежие журналы и свою новую книжку «Высшая воля» – стихи о смутном времени. В ответ весной 1993 года, когда начиналось роковое противостояние ельцинского окружения с рос-

сийским парламентом, я получил от Чудакова очередное послание, которое, в отличие от других, случайно сохранилось в моём архиве.

«Дорогой Стасик!

Восхищён книгой. Подробности в личном разговоре. Тираж в 5 тысяч оскорбительно мал. Я же писал тебе, что продаю квартиру за 40 тысяч долларов, это будет в апреле, я выписан, дело утверждается в суде. На Пасху мы похристосуемся. Так вот тебе пасхальный подарок: я выпущу книгу вторым изданием (надеюсь с дополнением) тиражом тысяч в 30 и обязуюсь всё распространить. Надеюсь ещё и прибыль получить. Пары тысяч долларов на это хватит. Но важно не это. Важно выиграть выборы. Я надеюсь быть одним из анонимных, но деятельных членов твоей избирательной команды. Когда бы ни состоялось голосование – осенью или зимой – победа русского крыла неизбежна. Я надеюсь, ты возьмёшь на себя ответственность быть членом учредительного собрания, сделать это надо в том же округе, что и в прошлый раз. Время только отметит (или высветит) твою правоту. Я беру на себя всё, что связано с TV (уже продумал, как это сделать в коротких роликах). Ну желаю тебе новых стихов. Прошу сообщить мне адреса, по которым ты отправил мои письма в Нью-Йорк Бродскому и в “Русскую мысль”. Олегу (Михайлову. – Ст. К.) привет. Я готов придти ему на помощь – дать новые темы, женить в третий раз, благословить на рождение наследника (мальчика). В заключение прошу прислать твой журнал № 1–3 за 93 г. и, если можно, любые свежие номера “Литературного обозрения”, “Лит. учёбы” и “Вопросов литературы”. Я занят только немецким, читать нечего, кроме Евангелия.

Поклон. Сергей Чудаков».

Наш инфант террибль завёл речь о выборах в Российский парламент, поскольку вспомнил, что в 1990 году я баллотировался в Верховный Совет РСФСР по Дзержинскому округу Москвы и занял второе место из 15, даже опередив таких известных людей, как генеральный прокурор России Трубин или всемирно знаменитый художник Илья Глазунов. На следующий тур голосования нас осталось двое – я и известный демократ, ученик и поклонник Сахарова Михаил Астафьев, который, конечно же, победил меня в либерально-демократической Москве... С той поры я оставил всякую мысль заниматься прямой политической деятельностью и печально улыбнулся, прочитав послание Чудакова... Особенно то место, где он писал, что «победа русского крыла неизбежна!» Письмо Чудакова, написанное Бродскому, я, конечно же, отослал и вскоре получил от Иосифа ответ, в котором он сообщил мне, что послал денжат Серёже Чудакову, а заодно вежливо отказался от моего предложения напечататься в журнале «Наш современник», наверное потому, что смешно и не умно было космополиту Иосифу сотрудничать с русским националистическим журналом. Хотя его стихи, «наиболее русские», написанные в архангельской ссылке, я готов был напечатать безо всяких сомнений.

Письмо Бродского я, к сожалению, по своей безалаберности потерял, о чём до сих пор жалею, потому что оно было документальным свидетельством наших если и не дружеских, но отнюдь не враждебных отношений.

А вскоре пред моими очами возник выпущенный из дурдома несчастный Чудаков, которого я узнал не сразу: его кудлатая крупная голова сжалась, лицо стало похоже на печёное яблоко, руки тряслись. И ни о каких выборах русских патриотов в Учредительное собрание он и не вспоминал... Куда он исчез из нашей жизни и где похоронен – неизвестно, просто пропал без вести, как сотни тысяч людей в ельцинскую эпоху.

И, конечно, весьма странно, а может быть, и поучительно, что в тот исторический момент судьба на мгновение соединила трёх совершенно разных «шестидесятников» – еврейского юношу Бродского, ставшего впоследствии знаменитым космополитическим поэтом, сына энкавэдэшника Сергея Чудакова, анархиста и эстета, ставшего в психушке крутым русским националистом, и Станислава Куняева, который попытался понять и Чудакова, и Бродского.

Следующее виртуальное свидание с Бродским у меня произошло зимой 2006 года, когда я приехал в Питер и остановился в гостинице для паломников в Александро-Невской лавре, где мне вручили литературную премию имени Николая Рубцова. В скромном зале при лавре собрались друзья и поклонники поэта, пришла и дочка Рубцова Лена, которой я тут же передал денежную часть рубцовой премии.

А на другой день мы поехали в Санкт-Петербургский университет посмотреть на недавно поставленный в его дворе памятник лауреату Нобелевской премии.

Николаю Рубцову, несмотря на то, что он жил в Питере, работал на Кировском заводе, посещал литературное объединение при заводской многотиражке, никакого памятника в Питере нет... Впрочем, он ему и не нужен. С него хватит памятника в Тотьме на берегу Сухоны, памятника в Вологде на Набережном бульваре, надгробия на вологодском кладбище с барельефом, на котором выложены знаменитые, ставшие чуть ли не поговоркой, слова «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

А здесь в каменном каре Двенадцати петровских коллегий собралась другая компания скульптур, в которой ему не было бы места.

Монумент Андрею Сахарову со связанными за спиной руками, сваренный из металлических полос и прутьев, не

памятник, а скелет из ржавой арматуры, как будто трижды Герой Социалистического Труда прошёл через Освенцим. Слава Богу, что Елена Боннер не видела этот ржавый скелет своего знаменитого супруга... Памятник поручику Киже – железная связка всяческих ржавых обрезков; памятник молодой ведьме, летящей то ли на бревне, то ли на помеле, с сигаретой в руке, с задницей, блестящей от прикосновения студенческих рук.

Ещё несколько уродцев, облик которых я не захотел рассматривать, а имена их разгадывать... Одно слово – пилигримы из стихотворения Бродского. И наконец мои спутники подвели меня к какой-то нескладной конструкции: «А вот это, Станислав Юрьевич, Ваш знакомый, великий поэт!»

На уровне моего пояса на асфальте на попу стоял небольшой чемоданчик, грубо сваренный из толстых листов ржавого железа. На торце чемоданчика лежал каким-то образом прикрепленный к нему плоский необработанный камень, а к камню была прикреплена голова то ли из чёрного кокса, то ли из какого-то металла, вся в рытвинах, в оспинах, в коросте; лицо этой головы было запрокинуто к небу, и его украшала счастливая и, несомненно, дебильная улыбка. Глаза на лице были полузакрыты. А сама голова стояла на камне, словно отрубленная... Словом – карикатура. Отвратительнее этого памятника (если суммировать впечатление от него) я видел только две скульптуры: бюст Осипу Манделштаму в Москве и памятник Чехову в Томске...

Я по-гамлетовски погладил ладонью скульптуру по шершавой, чуть ли не золотушной голове. «Бедный Иосик... что они с тобой сделали! Похоронили тебя на шикарном кладбище, на которое ты, будучи в сословии честных пилигримов, глядел с угрюмой неприязнью... Но этого мало. Вместо того, чтобы изваять тебя в человеческом образе, как изваяли Николая Рубцова на его родине, тебе поставили не памятник, а какую-то бесчеловечную карикатуру. Если

вспомнить твои строчки: “На Васильевский остров я приду умирать” – ты был достоин лучшего изваяния...»

Когда я уезжал в Москву, то Володя Бондаренко сказал мне: «Ты зайди на Фонтанку в музей Ахматовой, в нём есть экспозиция “Американского кабинета Иосифа Бродского”. На выставке лежит твоя книжечка “Метель заходит в город” с твоим автографом”. “Ты прочитал его? – спросил я Володю. – Интересно, что я написал Иосифу почти полвека тому назад!” – “Нет, не прочитал, книжка была под стеклом в стеллаже, запертом на замок...»

Мы вскочили в машину и помчались на Фонтанку. Но опоздали. Музей уже был закрыт, и охрана, конечно, не пустила нас в залы, а вечером уезжал.

Однако я взял у охранника телефон музейной сотрудницы Нины Ивановны Поповой и, возвратившись в Москву, позвонил ей:

– Нина Ивановна! Прошу Вас, возьмите из экспозиции книжек, которые у Бродского были в Америке, мою книжечку «Метель заходит в город» и прочитайте, пожалуйста, какие слова я написал ему на память почти полвека тому назад...

Через минуту приятный женский голос ответил мне:

– Слушаете? Я читаю Вам Вашу дарственную надпись Иосифу Александровичу:

«Иосифу Бродскому с нежностью и отчаяньем, что эта книга будет совершенно чужда ему».

Я уже тогда понимал, что моя книжечка о России (странно, что он сохранил её для себя) будет чуждой ему так же, как мне со временем стали совершенно чужды его знаменитые «Пилигримы». Странно лишь то, что я до сих пор помню их.

Александр и Анна Кавылины

В предыдущем номере альманаха «Рать» вышел в свет рассказ «Война солдата», написанный по воспоминаниям ветерана Великой Отечественной войны – Бориса Ивановича Галезника. Его война началась 22 июня 1941 года с бомбёжки немецкой авиации белорусского города Речицы, а закончилась Парадом Победы на Красной площади 24 июня 1945 года.

Сегодня мы хотим познакомить читателя ещё с одним рассказом из будущей книги «Парад Победы Бориса Галезника», основанным на воспоминаниях о военном времени супруги Бориса Ивановича – Ларисы Ивановны Галезник, в девичестве Жуковец.

ЛАРИСА

Документальный рассказ

Родилась Лариса 21 июня 1927 года в небольшом белорусском селе Слободка, расположенном в трёх километрах от города Старые Дороги. У её родителей – Ивана Петровича и Варвары Яковлевны – кроме неё, было ещё двое детей: Люба (1932 г.р.) и самый младший Миша (1941 г.р.).

27 июня 1941 года после ожесточённого сражения город Старые Дороги был захвачен 3-й танковой дивизией вермахта. Немецко-фашистские захватчики, заняв Стародорожский район, установили «новый порядок». Создали районную и городскую управы, разместили военную комендатуру, в здании типографии обустроили тюрьму. Тысячи советских патриотов были схвачены, подвергнуты пыткам и истязаниям, а затем казнены.

Реализуя свою программу уничтожения евреев, нацисты организовали в городе гетто, согнав в него всех евреев из ближайших населённых пунктов, всего около 750 человек. Массовые расстрелы мирного населения и пленных красноармейцев продолжались в течение всего периода оккупации Стародорожского района.

Отцу Ларисы – Ивану Петровичу вместе с другими жителями города и окрестных сёл часто приходилось хоронить погибших советских солдат и расстрелянных земляков. От зверства захватчиков в людях с новой силой вскипела ненависть, сподвигшая их на борьбу.

Жители Бобруйской области, как и всей Белоруссии, с первых дней оккупации включились в антифашистское сопротивление. В городах и посёлках были созданы подпольные организации. В лесах действовали не только партизанские отряды, но и создавались партизанские бригады, они контролировали целые районы, в которые немцы боялись даже «нос сунуть».

В середине 1942 года был организован партизанский отряд «Народные мстители». Он сразу повёл яростную борьбу с захватчиками, разгромил немецко-полицейский гарнизон, уничтожил 28 гитлеровцев и их прислужников, захватил большое количество боеприпасов.

21 марта 1943 года был создан Стародорожский подпольный райком партии. Отряд «Народные мстители» к тому времени насчитывал 273 бойца и был реорганизован в партизанскую бригаду № 100 «Смерть фашизму» (позже переименованную в бригаду № 100 им. С.М. Кирова).

В ходе рельсовой войны партизанские отряды Стародорожчины только за второе полугодие 1943 года пустили под откос 20 воинских эшелонов неприятеля, разбили 15 паровозов, 127 вагонов с живой силой, техникой и продуктами питания, уничтожили 28 автомашин, 12 мотоциклов. Они убили 544 гитлеровца и 254 полицая, ранили 468 вражеских солдат и офицеров.

Иван Петрович и его супруга – Варвара Яковлевна Жуковец вместе с другими бесстрашными односельчанами активно включились в борьбу с врагом. Им было поручено поддерживать связь между подпольщиками и партизанами. Помогала родителям и юная Лариса.

6 января 1944 года предатель из числа местных жителей выдал их оккупационным властям. Службой безопасности вся семья Ивана Петровича вместе с его родственниками, такими же патриотами – братьями Исаком Ивановичем и Дмитрием Ивановичем Жуковец были задержаны. Народных мстителей каратели привели в центр села, где уже было собрано всё население Слободки. Люди стали просить помиловать хотя бы малых детей. Немецкий офицер проявил жалость и освободил 11-летнюю Любу и 2-летнего Мишу. Ивана Петровича, Варвару Яковлевну, Ларису и других арестованных односельчан фашисты угнали в Старые Дороги и поместили в тюрьму. Продержав там несколько дней в холодных застенках без воды и пищи, обессиливших узников препроводили в Бобруйск.

Почти неделю продолжались допросы и пытки, после которых избитые, еле живые люди возвращались в камеру. Вскоре родителей Ларисы расстреляли, а её отправили в детский концлагерь, расположенный под Минском. Там у неё и других подростков брали донорскую кровь для лечения солдат вермахта, раненных на фронте. Выживших детей после этих жестоких экзекуций отправляли на работу в Германию или другие нацистские лагеря смерти.

Так в мае 1944 года Лариса и другие, наиболее крепкие ребята были перевезены в Польшу и определены в Освенцим¹. Страшные события тех дней на всю жизнь остались в её памяти.

¹ Освенцим – комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, был расположен около города Освенцима. В 1939 году указом Гитлера его присоединили к территории Третьего рейха. Общее число погибших в Освенциме превышает один миллион человек.

Концлагерь, в котором оказалась несовершеннолетняя узница Лариса Жуковец, был настоящей фабрикой смерти. Условия жизни в нём были невыносимыми. Повсюду непролазная грязь. Воды, чтобы помыться, вообще не было. Построение на проверку строго два раза в день выглядело как многочасовое стояние на холоде в грязи и воде. Если заключённые попадали под дождь, им приходилось ложиться спать в мокрой одежде на голые нары.

Каждый день от различных болезней, истощения и каторжного труда умирали сотни людей. Были и те, кто после зверских избиений надзирателями впадал в отчаяние и совершал суицид. Физическое насилие за любую провинность широко практиковалось.

Гитлеровцы в Освенциме, как и в концлагерях Равенсбрюк², Нойштадт³ и других, создали конвейер массовых убийств. Врачи СС производили над заключёнными различные медицинские опыты. Одной из главных целей была разработка наиболее эффективного метода уничтожения евреев и славян.

Садисты в белых халатах отбирали людей для ликвидации в газовых камерах, умертвляли их при помощи уколов фенола, производили стерилизацию женщин. Эксперименты были вопиющим нарушением действующих норм международного права, а также требований уголовных кодексов всех цивилизованных стран мира.

² Равенсбрюк – концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии. Существовал с мая 1939 года до конца апреля 1945 года. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». По различным оценкам в лагере скончались от 50 000 до 92 000 человек.

³ Нойштадт – концентрационный лагерь, был расположен недалеко от города Нойштадт-Глеве и являлся спутником лагеря Равенсбрюк. Около 900 женщин-заключённых, в основном из Польши и Белоруссии, выполняли принудительные работы на производстве самолётов. Был освобождён войсками Красной Армии 2 мая 1945 года.

Особым цинизмом и жестокостью отличались опыты над малолетними и несовершеннолетними узниками.

Из воспоминаний Ларисы Ивановны Галезник (Жуковец) о тех страшных событиях:

«Меня три раза делали слепой. Закапывали в глаза сначала одну жидкость – я ослепла, затем закапывали другую – постепенно зрение восстанавливалось.

Сделали какой-то укол, и на груди стала расти опухоль. На узниках стали испытывать аппараты для облучения. Двое немцев были одеты в железные костюмы, установка была похожа на длинную пушку. Нас, десять человек, по очереди подводили к ней и облучали вначале одну секунду, потом две, и так до десяти.

Постоянно брали кровь для переливания. Немецкие врачи проводили над нами очень много опытов.

Когда фронт стал подходить, нас пешком погнали в другой концлагерь – Равенсбрюк. Эта “фабрика смерти” располагалась недалеко от Берлина. Дорога была дальняя. Где-то на середине пути я упала, сил идти уже не было. Но немецкий солдат не увидел, и тогда две женщины успели подхватить меня под руки и потащили на себе. Обессиленных людей гитлеровские изверги уже не расстреливали, а добивали деревянными дубинками. Конвой подходил к упавшему и наотмашь наносил удар в висок так, что мозги вылетали. Смотреть было жутко.

Потом нас, как селёдку, погрузили в вагоны и повезли дальше. Тех, кто не вошёл, расстреляли возле путей.

Самое страшное воспоминание, которое и по сей день по ночам снится мне, это то, как в огне гибли невинные младенцы. В самом начале приезда в Германию нас несколько дней гнали по дороге, естественно, не объясняя, куда и зачем. Вдруг над землёй стал слышен нечеловеческий душераздирающий крик. Много позже мы увидели то, от чего начали кричать сами, не в силах сдерживать боль и слёзы.

С двух сторон от дороги были вырыты огромные ямы, над которыми высоко полыхал огонь. Возле каждого костра стояли по две машины, их кузова были забиты маленькими детьми. Немецкие солдаты брали младенцев и как щенков бросали в пламя. Судорожно пытаюсь выползти, малышки сгорают заживо.

Нас ожидала такая же участь. Но тут какой-то высокий чин, руководивший извергами и всё время кричавший на них, скомандовал, что, мол, места мало, все не влезут, и нас отправили в лагерь. Так я оказалась ещё в одном концентрационном лагере – Нойштадт.

Незадолго до окончания войны узников лагеря погнали к шахтам, находившимся недалеко. Мы уже знали – гонят на смерть. Фашисты закрывали заключённых в итольнях и запускали туда газ.

Неожиданно налетели американские самолёты и стали бомбить. В этой мясорубке гибли и немцы, и пленники. Остатки нашей колонны развернули и погнали обратно в лагерь. На следующий день лагерной охране стало не до нас, они думали только об одном: как спасти свои “ишкры”, ведь Красная Армия была близко. Вскоре нас освободили. На моей руке на всю жизнь сохранились пять цифр: 81523 – номер узника лагеря смерти Освенцим».

Не один раз Ларисе чудом удавалось избегать казни. В фашистских застенках она, как и все заключённые, постоянно находилась на волосок от смерти. Возможно, её уберегло от газовой камеры и крематория то, что она попала в барак с поляками и смогла выучить польский язык. А ещё раньше, когда каратели сожгли их деревню, жителей согнали в один овин, собираясь поджечь, – неожиданно появился немецкий офицер и приказал всех выпустить. Уже после войны спасённые узнали, что это был советский разведчик, работавший в тылу врага.

2 мая 1945 года в результате наступления войск Красной Армии были освобождены несколько тысяч узников

лагеря Нойштадт, которых нацисты не успели убить. Благодаря быстрым действиям советских войск фашисты не смогли уничтожить не только заключённых, но и следы своих преступлений.

Ларисе Жуковец посчастливилось выжить в этом аду. Воистину чудо свершилось, и она вернулась на родину в Белоруссию, где познакомилась с Борисом Галезником.

27 января 1945 года советские воины освободили Освенцим. В бараках они обнаружили только больных узников, которые были едва живы и почти не двигались. Основную часть заключённых немцы железнодорожными эшелонами вывезли вглубь Германии.

В 2005 году Генеральная Ассамблея ООН утвердила 27 января Международным днём памяти жертв Холокоста.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Виктор Верстаков. «Нам нечего больше терять...».....	4
Владимир Тыцких. «На высоте океана».....	26
Евгений Семичев. «Павшие воины едут с войны».....	42
Михаил Силкин. «Навечно одетые в бронзу».....	52
Роман Воробьев. «Крест “За службу на Кавказе”».....	61
Владимир Силкин. «Чтобы Родину не отдать».....	64
Геннадий Ёмкин. «Сидит на облаке солдат».....	77

ПРОЗА

Николай Иванов. Артём Воевода – боец Республики. Главы из повести	89
Николай Черкашин. Качка. Рассказ	111
Александр Торопцев. Перевалы Большого Хингана. Рассказы	117
Анатолий Пуклич. Сбывшаяся мечта. Рассказ.....	133

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ «РАТИ»

Владимир Гуд. Автопортрет	143
Леонид Чекалкин. Печаль	144
Евгений Захарченко. Пехота.....	145
Владимир Бордюгов. Самая короткая ночь.....	146
Александр Кердан. Солдатик	147
Геннадий Козлов. Балаклава	148
Лотар Гринвальд. Чёрное море.....	149
Данил Гайфуллин. Небо.....	150
Елена Коновалова. Расстрелянное небо	151
Борис Орлов. Битва.....	152

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сергей Луконин. «Надо мной шумит моя победа...» Судьба поэта.....	154
Вячеслав Лютый. В том будущем, где не хранят вину... ..	167

СВОБОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Станислав Куняев. Пилигримы	180
Александр и Анна Кавылины. Лариса	203

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ПАРТНЁРОВ АЛЬМАНАХА «РАТЬ»:

- рукописи не возвращаются и не рецензируются;
- при перепечатке материалов в печатных и электронных изданиях ссылка на альманах «Рать» обязательна;
- просьба представлять материалы в электронном виде с распечаткой с обязательным написанием буквы ё с двумя точками.

РАТЬ

Военный литературный альманах
Выпуск 20

Литературно-художественное, культурно-просветительное
и образовательное издание.

Учредитель, издатель и главный редактор –
Силкин Владимир Александрович

Первый заместитель главного редактора –
Кавылин Александр Викторович

Заместитель главного редактора –
Пуклич Анатолий Анатольевич

Шеф-редактор –
Силкин Михаил Владимирович

Ответственный за выпуск – **А.А. Кавылина**

Литературный редактор и корректор – **Э.Ю. Пашкова**

Компьютерная вёрстка – **Д.А. Плешивцев**

Художественное оформление – **Д.А. Плешивцев**

Подписано в печать 17.03.2021 г.

Формат 70x90 1/16. Объём 11,9 усл. п. л.

Гарнитура Times. Печать офсетная.

Бумага офсетная 80 г/м².

Тираж 500 экз. Заказ 1502.

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ №ФС77-40750 от 7 июля 2010 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издательство «ЗЕБРА» –
г. Белгород, ул. Победы, 165.

Отпечатано в типографии ООО «ЗЕБРА» –
г. Белгород, ул. Победы, 165, тел. (4722) 78-37-36.

ISBN 978-5-6044824-2-1

9 785604 482421